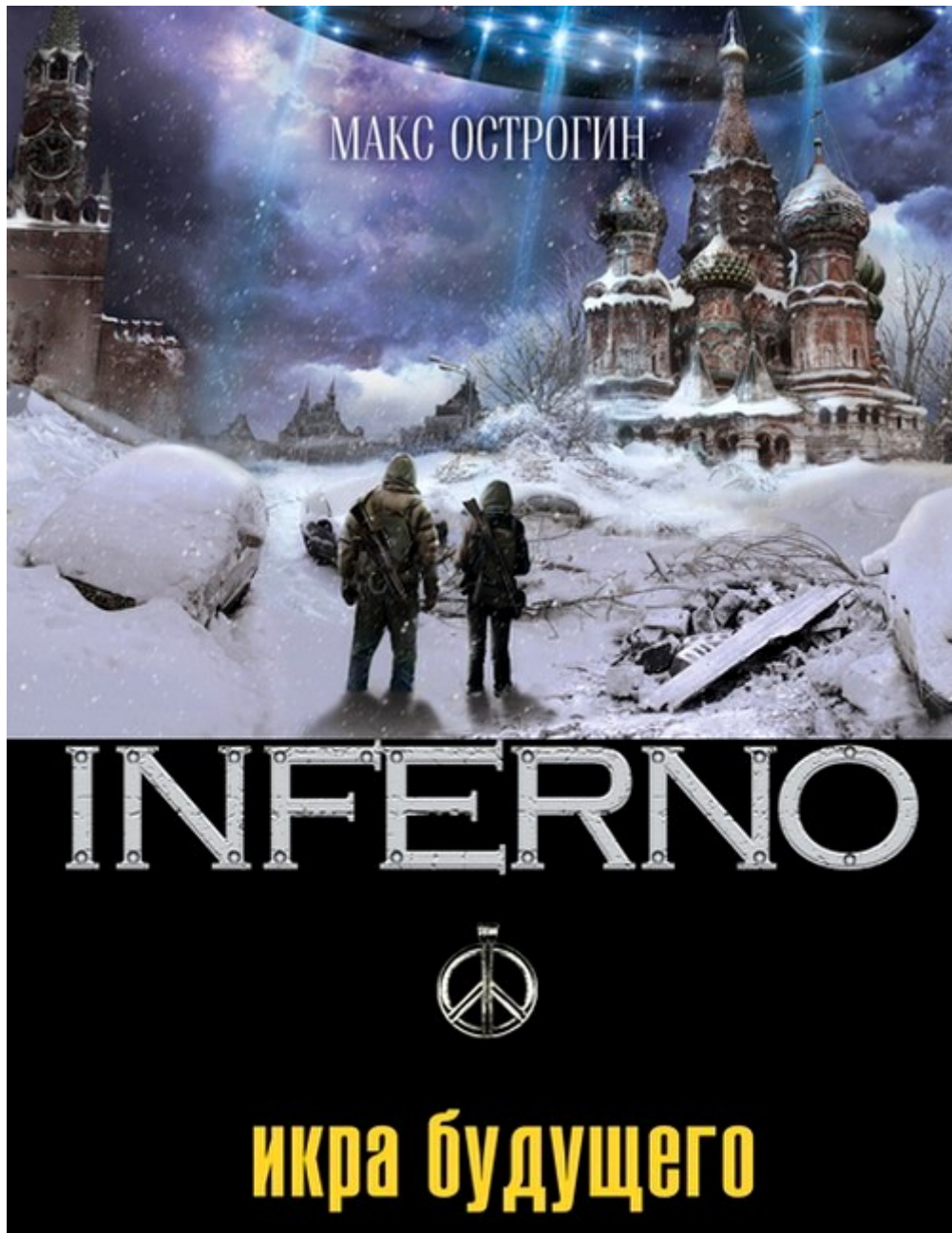

Макс Острогин
Икра будущего

INFERNO – 4

, OCR Могу

«Икра будущего / Макс Острогин»: Эксмо; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-49289-3

Аннотация

Дэв прошел сквозь огонь, прошел ледяную пустыню вымершего города, тоннель, кишачий адскими созданиями — и вот он у цели. Совсем немного осталось, чтобы дойти до Установки, запустившей Апокалипсис. И, может быть, тогда у людей появится шанс выжить на родной планете, над которой теперь светит злое солнце мира INFERNO. Дойти и нажать на кнопку. Все просто. Но поверхность ошибок не прощает. Там надо быть всегда наготове...

Макс Острогин

ИКРА БУДУЩЕГО

«Огни в небе. Самолет. Мир. Где-то он есть... Не близко, если близко, я бы знал. Кто-нибудь бы да знал... Мы ведь думали, что все, только мы остались. Человек всегда полагает, что мир крутится вокруг него, и если у него ноготь врос, то все вокруг должны хромать. Но где-то он ведь есть, другой мир, — откуда-то самолет прилетал. Наверное, очень издалека. Может, из-за моря, с другого конца света, планета большая и круглая, пешком не обойти. А почему они нас тогда не выручают? Почему... Ну да, понятно, это ведь очень просто. Зараза. У нас тут все мрут направо-налево, может, тем, внешним людям сюда нельзя, может... Мало их. Самим тяжело. Ведь как отсюда полыхнуло, так и по всему шару разлетелось, кто знает, что у них там вообще... Никто ведь ничего не знает, никто, лишь бы выжить, лишь бы не сожрали...»

Глава 1

Маша хочет каши

— Вот, — Егор положил на стол лопату. — Все, что удалось найти.

Я потрогал ухо.

— Это заразно, — сказала Алиса. — Я так и знала. Теперь мы все вымрем от глупости. Меня предупреждали, что это заразно, но я не прислушалась, я очень доверчивая девушка... Прыщ, а ты не заметил, что она пластмассовая?

— Других не было, — сварливо ответил Егор. — Пять этажей обыскал, только это...

Я взял лопату. На самом деле пластмассовая. Ручка розовая, а совок синий.

Или не синий... Зрение продолжало гулять, иногда совершенно вдруг погружая мир в черно-белую глухоту, иногда всплывая в привычную норму и совсем уж иногда разукрашивая предметы необычно яркими и жгучими расцветками. Сейчас, кажется, норма, совок все-таки синий...

Лопатка.

Небольших размеров, игрушечная, наверное. Бесполезная вещь. С точки зрения нашего дня — что ей откопаешь? Разве что сахар в чае размешать, хотя тоже не пригодится, нет ни чая, ни сахара, кончились. Бестолковая вещь. Хотя... Надо учиться смотреть на реальность с точки зрения вечности, тогда бессмысленность отступает и у игрушечной лопаты обнаруживается огромная польза. Ею дети играют. Ею строят песочные города, крепости из снега, загружают гравий в пластмассовые самосвалы, бьют по голове обнаглевшего ровесника, и эти занятия оправдывают на первый взгляд пустое лопатное существование.

Вообще, в нашей ситуации любая лопата ничтожна. Куда прокапываться? Как прокапываться?

— А ложек там не нашлось? — поинтересовалась Алиса.

— Каких? — не понял Егор.

— Столовых. Ложка — такая кругленькая, с ручкой. А еще лучше чайных. Мы бы ими стали копать. Подумаешь, полкилометра, подумаешь, километр, подумаешь, не знаем, в какую сторону, сил у нас хоть отбавляй! Поздравляю тебя, Рыбинск, ты воспитал достойного преемника. Ученик превзошел учителя, ура. Дело твое не пропадет, идиотизм будет распространяться и дальше, радуйся...

Алиса сделала паузу, дыхания набрать, продолжила:

— Рыбинск, ты вот как считаешь, идиотизм — это врожденное или заразное? Мне кажется, что врожденное, но, глядя на вас обоих, я начинаю в этом сомневаться. Возможно,

это все-таки инфекция, все, кто дышит одним с вами воздухом, просто обречены на неминуемое поглупение. Вот мне все время хочется спать, вероятно, это оттого, что я заразилась, говорят, что все гении спят мало, а думают много, а мне все время спать хочется...

Алиса поднялась из-за стола, отправилась в угол, стала зарываться в ковры и газеты. Она много спит, это правда. Пусть спит, не надо организму мешать.

— Других лопат нет, — сказал Егор. — Откуда тут лопатам взяться, люди без лопат жили раньше.

— В машинах надо было смотреть, — сказала Алиса. — Лучше в грузовиках.

Это она правильно. В багажниках часто лопаты находились, точно.

— А что ж ты раньше-то не сказала? — обиженно спросил Егор. — До снега?

— А меня никто не спрашивал. Тут же у нас есть командир...

Алиса кивнула в мою сторону.

— Вот пусть он за нас и думает, он у нас вообще, гораздый. Для него лопата не проблема, у них в Рыбинске с лопатой на свет появляются. Рождаются такой маленький, зелененький, а папка ему раз — и сразу лопату дарит. И говорит, вот тебе лопата, а вот весь мир, иди, завоевывай.

Егор поглядел на меня.

— Она шутница большая, я тебя предупреждал.

— Да... А что теперь делать?

— Не переживай, — успокоила Алиса. — Наш Дэв что-нибудь придумает.

— Что тут придумаешь... — махнул рукой Егор. — Уже по третий этаж засыпало. Я говорил, что надо быстрее идти, быстрее! Как снег начался, так сразу понятно было, что это все неспроста! Никогда такого снега не видел! Я говорил — давайте пойдем, поспешим, вы же сами не хотели! Сейчас бы в слоне уже сидели...

— Нас в твоём слоне уже завалило бы, — ответил я. — Погребло с тормашками, раздавило бы. Радуйся, что мы заблудились.

— Заблудились... — хмыкнула Алиса. — Радуйся... Нас скоро засыплет, чему радоваться?! Сколько здесь этажей?

— Девять, — ответил Егор.

— А засыпано три? Ну что же, у нас еще куча времени, можно не поторапливаться. Только жрать нечего. От вашей червивой лапши меня тошнит, если честно. Да и кончилась она уже! Только не надо предлагать мне крыс, я не из Рыбинска, я лучше с голода сохну...

Крысы. Если бы... Никаких крыс, я проверял подвал. Крысы не дуры — давно сбежали. Из всех одна Чапа осталась. Она, кстати, не похудела совсем, жрет проводку с большим вдохновением. Егор, глядя на это, тоже пробовал, не понравилось, а Алиса смеялась.

Голод — это серьезно. Мы сидим здесь шестой, кажется, день и почти все уже съели. Потому что в первый день метели слишком обожрались, подмели почти половину припасов. Сгоряча, не подумав. До слона рукой подать, припасы не берегли... На следующее утро первый этаж оказался завален, и выбраться было уже нельзя. Я рассчитывал, что снегопад прекратится — первый снег никогда не ложится надолго, за ним всегда следует оттепель. Только оттепели не случилось. Снег не прекращался, напротив, становился все гуще, и ветер сильнее, приходилось ждать.

Я чувствовал себя лучше. Раны на ноге подсыхали, ухо тоже, ничего, жить можно.

Я отдохнул, руки почти не дрожали... Еще бы пожрать хорошенько...

Мы прятались от непогоды в старом девятиэтажном доме. Дом оказался разграблен, никакой провизии, зато много мебели, использовали ее как дрова. А на первом этаже книжный магазин. Большой, умеренно разворованный. Конечно, полезного там мало осталось, в основном альбомы с разными художниками. А книжную мнучую самую востребованную бумагу давно использовали, она и мягкая, и горит лучше, белым чистым огнем. Раз в день быстро спускались в книжный, обследовали полки. И почитать, и для хозяйства. Я всегда брал наугад, так интереснее, Егор доставал для Алисы тяжеленные

альбомы, таскал их наверх, кряхтя и отплеываясь, Алиса их листала в задумчивости.

В книжном уж слишком холодно, долго не просидишь, на верхних этажах теплее, хотя все равно морозняка. Стекол в большинстве квартир не сохранилось, по комнатам гулял ветер, и мы сидели в гостиной, где отсутствовали окна. Накидали на пол ковров, на стены тоже, ковры оказались синтетические, и мошь за прошедшие годы их не сожрала. Довольно теплые. С утра мы плавили снег, пили чай, дожевывали лапшу. Молчали, потом отправлялись бродить по дому, искать полезное, от подвала до чердака.

Так проходили дни.

Вроде бы на пятый я вспомнил про диван. Только на пятый, время зимой замедлилось, почти остановилось, застыло, как смола, голод тоже способствовал его тягучести.

— На седьмом этаже диван, — сказал я.

— И что? — спросила Алиса. — Он волшебный? Мы на нем перенесемся в мир до катастрофы? Или в грядущее без уродов?

— Он кожаный. Если сунуть его на улицу, то лак на коже потрескается и ее можно попробовать сварить...

Алиса обидно рассмеялась.

— Приятно чувствовать себя в старой компании, — сказала она. — Пожиратели диванов, запекатели блох, сушильщики червей, вы милые люди, люди. Не, вы как хотите, а диван я есть не буду. Ни вымоченный, ни вымороженный, сами ешьте, без меня. Жертвую.

Я поглядел на Егора. Особого неприятия, судя по его лицу, идея с диваном не вызвала. Можно попробовать. Хотя сам я не очень уверен — дивану за сотню лет где-то, скорее всего все питательные вещества давно выветрились. Но все равно ничего другого нет.

— Пойдешь?

Егор кивнул.

Открыли дверь, вышли на площадку. Я свернул факел из обоев и занавесок, двинулись вперед. Карбидку не зажигал, берег, кто знает...

— Такого снегопада никогда не было, — сказал Егор. — Я не помню. Снега всегда очень мало выпадало, мороз вместо него. Сугробы выше роста не наметало.

— Поэтому так и получилось. Мало, мало, а потом сразу много. Неудивительно.

— Почему неудивительно?

— Последние дни, — сказал я. — Сначала эти смерчи, потом засуха и землетрясения. Теперь вот снег и мороз. А когда все это растает, будет потоп. И железная саранча какая-нибудь. Все по порядку, пока совсем ничего не останется. И никого. Помнишь, этот ученый, Гейнц? Слишком дерзкий был. Хотел посмотреть в глаза Господа. Вот и посмотрел... Знаешь, я вот не очень люблю, когда мне в глаза пялятся, злюсь от этого очень. Так что это Гнев. И знак — если не перестанете подглядывать — хуже будет. Нам стоит поторопиться к этой самой кнопке.

— Как? Мы даже не знаем, где находимся...

Это точно. Город здорово перетряхнуло, улицы сместились, дома попадали, ориентиров почти не осталось. Потом снег, неожиданно обильный... Спрятались в первой попавшейся девятиэтажке, думали отсидеться. Когда я догадался посмотреть улицу и номер дома, снег поднялся выше второго этажа. Заблудились.

— Мы в ловушке, — вздохнул Егор.

Он прав. Я впервые столкнулся с подобным. Зима, конечно, не самое приятное время года, холодно, частенько голодно, колени затекают, и клопы грызут безжалостнейше, весной, когда на поверхность вылезает, вся шкура в дырках... Но зато зимой спокойно. Погань засыпает, мир останавливается, есть время подумать, наточить ножи, налить пуль...

Сейчас времени нет. Мы не замерзнем — можно заворачиваться в ковры и жечь мебель, мы умрем с голода. Через пару месяцев.

Бежать некуда.

Подвал. Вчера сам спускался, осматривал. Сухо, воды нет, бетон, трубы, старые койки, пустые бутылки. Ничего интересного. Никакого выхода, даже если расковырять пол.

Чердак. Его обследовали с Егором, с утра. И тоже бестолково: трубы, бутылки, кирпичи. Костей много, то ли крысы, то ли голуби, сейчас уж не разберешь, давно истлели.

Попробовали на крышу выбраться, но не получилось, люки были прижаты снегом. Да и незачем, что там на крыше интересного?

Никуда.

И мыслей никаких.

— Куда пойдём? — спросил Егор.

— К дивану.

Отправились на седьмой.

Егор кричал и стонал, я знал, о чем он кричит, — о слоне. Я думаю, что Егор был бы не против в этом слоне и помереть. В теплоте, в носках, с какао.

На седьмом четыре квартиры, двери давно выломаны, диван в самой правой.

— Я диван раньше не пробовал, — вздохнул Егор.

Я хотел ему сказать, что все когда-то случается впервые, но вспомнил, что, кажется, это я уже говорил. И не один раз.

— Диван... — морщился Егор. — Ну, не знаю...

— Они вкусные, — утешил я. — Главное, хорошенько отварить.

— Ладно, попробуем...

Диван стоял на месте, в большой комнате, у окна. Обширный, черный, пухлый.

— Хороший... — вздохнул Егор. — Жалко...

Я без размаха ударил диван в спинку. Кожа лопнула, и наружу с каким-то неприличным нетерпением выскочили пружины и нечесанные волосы. Я ободрал кожу, кинул ее Егору.

— Нарезь на ремни, — велел я.

Егор принялся кромсать кожу, я продолжил разбирать диван с какой-то глупой надеждой. Однажды вот так наткнулись в одной квартире на диван, правда, из красной кожи, прошлым летом. Раскромсали его и обнаружили внутри много интересного. Несколько окаменевших шоколадок и печений, железную банку с лимонадом и целую горку орехов в крепкой скорлупе. Диван стоял напротив большого телевизора, видимо, человек любил перекусывать во время просмотра передач, засыпал и ронял еду в диванную щель, в которой за долгое время скопились целые запасы. Мы угощались два дня. С тех пор я частенько проверял диваны и иногда действительно встречал полезное.

— Кожа ненастоящая, — сказал Егор. — Смотри.

На обороте квадратики с буквами. Ясно, искусственная, на все диваны кожи раньше не хватало.

— Есть можно? — спросил Егор с надеждой.

— Вряд ли.

Егор бросил обшивку на пол.

Я продолжал курочить диван. Выскакивали пружины, лохмы, стружка, диван был построен накрепко, ничего внутрь не провалилось. Зато обнаружили настоящие деревянные бруски, на дрова пойдут.

— На кухне дерево стоит, — сказал Егор, — я в прошлый раз еще заметил. Может, кору погрызть...

— Иди, попробуй.

Егор отправился на кухню, я остался. Дорубил диван, стал изучать стены. Ничего. Полезного то есть. Фотографии старые, железные тарелки, картины. Окно из специального пластика, кажется, пуленепробиваемое стекло, перепачканное свалывшейся пылью. Протер и выглянул.

Не увидел ничего. Белая мгла, пелена настолько густая, что в ней терялся небесный свет — по будильнику Егора был час дня. Что же делать-то...

Ясно, что зиму не пересидеть. Она только-только началась, а сколько продолжится, непонятно, месяца четыре, нам не пережить и двух. Через снег не пройти, снег должен

устояться, да и то только на снегоступах...

А их нет. И лопат нет, при наличии лопаты можно попробовать прокопаться... Никуда уже не прокопаться, поздно. Пнул батарею.

Тупик.

Загон. Ловушка. Пусть бы лучше потоп, смогли бы построить плот... А через снег пробраться ой как непросто...

Никаких мыслей не образовалось, я отвернулся от окна. Карта осталась, но пока она бесполезна, потому что точно неизвестно, где мы, собственно, находимся.

И мы не знаем, куда идти вообще. Серебристая собака это хорошо, но где она? Москва большая. Приметы есть — эта самая собака и сырный завод, найти можно. Как-то бы только сориентироваться...

Нет, мыслей никаких. Дом пустой. То есть жильцов совсем никаких, скелетов и тех нет. Раньше у всех людей имелись карточки с обозначением имени, фамилии и адреса, но здесь совсем безлюдно. Я перерыл вещи с первого до последнего этажа, ни одной карточки, ни одного документа, ничего, что бы указало на наше местоположение. Два раза уже перерыл, все равно делать нечего. Во второй раз нашел пальто, пять штук, видимо, из какой-то негорючей ткани сшиты. На меня ни одно не полезло, Алиса сказала, что лучше замерзнет, чем наденет это, Егор натянул и сделался сразу похож на сгорбленную старуху, всю жизнь питавшуюся сушеными тритонами, смешно...

— Ничего нет. — С кухни показался Егор. — Да пять раз уже проверяли... Сорок восьмая только осталась.

В сорок восьмой была хорошая дверь, голубое шершавое железо, видно, что толстое и прочное. Открывашка потерялась, кувалды нет, пробиться никак.

— Вдруг там запасы? — спросил Егор. — Не зря дверь такая.

Тоже верно. Запасы. Они нам бы сейчас совсем не повредили...

— Попробуем с соседнего балкона, — предложил я.

Егор поморщился. Я не стал с ним спорить, направился в сорок седьмую. Егор побурчал и пошагал за мной.

Балкон тянулся вдоль всего дома, делился на четыре части тонкими, в один кирпич, стенками. Ломать ленилось, поэтому я решил поступить проще, вылез наружу и, держась за толстую железную трубу, перебрался в сорок восьмую.

Балкон оказался завален мусором. Упаковкой пищевых продуктов. Пластиковыми ведерками, с неприятно обгрызенными краями, вскрытыми жестянками, металлизированной упаковкой. Бутылками, как стеклянными, так и обычными. Банки квадратные из-под керосина тоже имелись, я поболтал — конечно, пустые.

Ясно. Выживатели. Подобные квартиры порой попадают, многие наивно думают, что Последние Дни можно пересидеть. Набрать побольше еды, воды, переждать. Ни одного не видел, которому бы это удалось. Даже если запасов и хватит на всю жизнь...

Протухнет вода. Очень хорошо упакованная вода иногда тоже протухает, причем вся разом. И не просто протухает, а настоящим ядом становится — кишки через горло вылезают.

Или мыши. Сразу, в одну ночь, раз — и все сожрали. И то, что к потолку привешено, и то, что в жестяных коробках хранилось, и то, что в пластике, и даже книги сожрали, так что теперь нечем насытить ни голод телесный, ни глад духовный.

Или еще вот — запрется человек в своей берлоге, окна кирпичом заложит, все щели плавленным свинцом зальет, а на воздухозаборник фильтр хитрейший воткнет из серебряной проволоки — чтобы вредоносность всевозможная погибала. И продержится пару лет, дневник напишет, туда-сюда, а потом раз — и все, грибок. Плесень чернопалая, пролезет втихую через кирпичи, поселится в уголке и одной унылой ночью выпустит в воздух свои смертельные споры. А выживатель это заметит слишком поздно, через неделю, поглядит — а у него на ноге уже язвы гноящиеся.

Совсем спрятаться нельзя, так говорил Гомер. Человек создан для того, чтобы преодолевать этот мир, а вовсе не для того, чтобы сидеть в подземельях и молиться на

лампочку и банку тушенки. Поэтому конец у всех сидельщиков всегда одинаковый.

Видимо, то же самое случилось и здесь. Грустно. Но нам может полезно оказаться. Если хозяин помер раньше, чем кончились припасы, то и нам кое-что перепадет.

Я расчистил место на балконе, дождался Егора, втащил его за шиворот.

Егор огляделся, все понял.

— Там, наверное... — он облизнулся, — сохранилось что-нибудь...

— А пушка где? — спросил я уныло.

Егор улыбнулся виновато.

— Тяжелая, — сказал он. — Я это, испугался, что она улетит, потом в снегу мы совсем ее не нашли бы...

Я тоже улыбнулся. А что еще? Бить мне его не хотелось, жалко его, человек. Мелкий еще, глупый, ладно.

— Правильно, — сказал я. — Мог бы и уронить... Держись за мной.

Я проник в квартиру. Темно, пришлось зажечь лампу.

Комната оказалась большой и неожиданно круглой. Мебели мало, высокий шкаф когда-то белого цвета, с зеркалом и золотыми ручками, кровать обширная. Тоже круглая. Посреди, под просторным пятнистым покрывалом гора.

Труп. А что еще может лежать горой под одеялом? Труп, я их сразу определяю. Они могут не пахнуть, могут быть не целиком, могут сто лет назад мумифицироваться, это все равно, труп не перепутаешь. Меня немного удивили размеры — обычно трупы у нас гораздо скромнее...

Решил посмотреть. А вдруг ошибся? И это вовсе не труп, а холм шоколада вперемешку с печеньем. Взялся за край пледа, дернул. Плед распался в мелкий прах, он смешался со снежной крошкой и пылью, повис в воздухе мутным облаком, я закашлялся.

— Ого... — прошептал Егор.

На самом деле ого. Тетка. Сохранившаяся весьма и весьма неплохо. Толстая, просто гигантская, не думал даже, что такие случались люди. Не распухшая, а именно толстая. Сине-черного цвета, как все остальные, с круглыми руками, с ногами, похожими на обрубки сосен.

— Как она ходила-то? — спросил Егор. — С таким весом?

— Может, ползала...

— Да... Она со старых времен такая? Или...

На самом деле вопрос. Если она еще тогда умерла, то так хорошо не сохранилась бы. Значит, не совсем давно, значит, могло что-то и остаться. Надеюсь...

— А с чего она тогда померла? — спросил Егор.

— Не знаю. Давай поглядим...

Мы стали осматривать жилище. В нем оказалось несколько комнат. Ничего полезного. Даже мебели нормальной — то из пластика сделанная, то железная, свитая из нержавеющей прутьев, на дрова такую не порубишь, она вообще ни на что не годна, и не посидишь с удовольствием. Какие-то вазы длинной формы, думал, в них что-то есть, разбил две штуки, окурки только.

На кухне тоже ничего, Егор заглянул в плиту, в холодильник, нет, аккуратная пустота.

— С чего она тогда умерла все-таки? — спросил он еще раз.

— Отравилась, — сказал я. — Скорее всего. Пожрать любила. Жрала, а посуду с балкона выбрасывала, жрала и выбрасывала. Так все и слопала. А как нечего стало, отравиться решила, не захотела мучительно помирать. А может, и по-другому...

— Как?

— Может, ей повезло. Брела себе, голодная и безнадежная, набрела на этот дом. В квартиру залезла, нашла припасы, давай жрать. Вот целую неделю и жрала с радости, а потом сердце не выдержало объедания — вот и результат.

— Разве так бывает? — не поверил Егор.

— Сколько хочешь. У нас в Рыбинске человек похоже помер. Весной дело было,

пожрать нечего, пошли на старое поле...

— Куда?

— На поле. Раньше там картошка росла, потом лес поднялся, но картошка тоже осталась. Одичала, но все равно кое-где на полянках встречается, мы собираем. Пошли с утра, поле в полдень должно было встретиться, да плутанули видно, мутант замутил, крепко замутил... Я вспомнил. Тот день, весну, какое-то настроение хорошее, совсем не такое, как сейчас. Шагали по ельнику, смолу жевали. Ельник нас и подвел, ели, они все одинаковые, а день облачный выдался, солнце не очень проглядывало. Вот и пустились круги нарезать. Голодные, два дня ничего не ели, ну и еще этот день, на свежем воздухе. К картошке только к вечеру выбрались, почти перед сумерками. Много ее оказалось, видимо, осенью эту поляну пропустили. Набрали по два ведра клубней, подмороженная, правда, но ничего, есть можно. Напекли, поужинали, закопались, все как надо. А наутро один не раскопался, помер, вроде бы Федором звали. От внутреннего заворота. Проснулся он, значит, ночью от голода, помаялся и давай грызть сырую прошлогоднюю картошку. Изрядно слопал, уснул счастливый, во сне и помер, оторвалось что-то во внутренностях, захлебнулся кровью.

— Много есть — вредно, — сказал я. — Я вообще кучу народу знаю, которые через неумеренность пострадали. И почти все до смерти. Потому что...

— А почему она не сгнила? — перебил Егор. — Она это... Не бродячая случаем?

— Сходи, проверь, — посоветовал я.

Егор не стал проверять.

— Не сгнила, потому что жарко было — слишком быстро высохла, вот и все дела. Случается.

— Ясно. Ничего не нашли опять, — Егор поморщился. — Во всем доме есть нечего...

— Это нормально, — сказал я. — Ход вещей. Чем дальше мы от старых времен, тем меньше прежних вещей. Я удивляюсь, что еще хоть что-то осталось.

На самом деле тут ничего удивительного нет. Оружие, припасы, склады. Москва была центром, тут сосредотачивались все богатства. Катастрофа оказалась стремительной, куча народу погибла сразу, не успев ничего как следует разграбить — слишком всего много. К тому же значительная часть под землей укрывалась, трудно найти. За прошедшие годы, конечно, подрастали изрядно, но все равно кое-что еще встречается.

— Пойдем отсюда, — сказал Егор. — Воняет...

Ничем здесь не воняло на самом деле, зимой вообще воняет редко. Но уходить надо, чего здесь, на самом деле, околачиваться.

— А рога съедобные? — спросил вдруг Егор.

— Что?

— Рога. На четвертом в квартире много, по всем стенам висят. Если их настрогать и сварить... Как ты думаешь?

— Вареные рога, это...

Я хотел сказать, что вареные рога по питательности не уступают вареному макинтошу, но передумал.

— Рога — это здорово, — сказал я. — Мы иногда только рогами и спасались, вот так же, в голодные зимы. Пойдешь в лес, наберешь рогов, настрогаешь хорошенько, отваришь со мхом. Перевар, называется.

— Рога в лесу? — спросил недоверчиво Егор.

— А где же еще, как не в лесу? Олени, лоси всякие сбрасывают на зиму рога.

— Зачем?

— Чтоб не мерзнуть. Рога — они ведь для охлаждения. А зачем зимой охлаждаться? Вот они и валяются, торчат из-под снега. Отваришь, наварнешь — и растворение благодное внутри... Жвачка что надо, короче, почти как диван настоящий, только вкуснее. Так что нам очень, очень повезло.

Егор замолчал, размышлял, видимо, над всеми этими рогами, потом сказал:

— Там много рогов, на четвертом... Сбегать?

— Сбегай, — сказал я. — Разных только набери, вечером отварим. Алиса будет довольна, мы в прошлый раз, когда варили, она три порции слопала. Давай, дуй!

— Ага! — Егор устремился к выходу.

— Только рубить их не вздумай! — крикнул я вслед. — Испортишь все!

Егор заверил, что рога он не испортит, в прихожей лязгнул замок, Егор открыл дверь с первого раза.

Я остался один. Побродил по скучным комнатам, оторвал в углу подозрительные обои — некоторые умники обожали прятать под обоями небольшие домашние сейфы. Обычно в этих хранилищах содержались совершенно бессмысленные вещи — золотые кольца, документы, дневники, но иногда попадалось и оружие, чаще всего автоматические пистолеты. Здесь сейфа не нашлось, ну, хоть бумаги надрал, обои горят хорошо. Вернулся в большую комнату, посмотреть, что в шкафу, иногда в шкафах люди прятали интересные вещи, например, мешки с шоколадным зерном.

В этом шкафу ничего примечательного не обнаружилось, тряпье и мочалки, тряпье и... В дальнем углу блеснуло, потянулся посмотреть, и тут же мне в спину врезалась масса. Я сразу понял кто. Или что. Грузная тетка. Да, расслабился, не проверил, надо было ее сбросить с безжалостного балкона...

Мрец. То есть мречиха. Надо было ей башку оттяпать... Не ножом же пилить. Да и вообще, кто бы мог подумать...

Тетка врубилась в заднюю стенку шкафа, шкаф не выдержал и обвалился на нас пыльными обломками. Мречиха не собиралась тянуть, выдрала меня из развалин мебели и швырнула через всю комнату. Повезло — круглость комнаты оказалась не каменной, а пенопластово мягкой. Мягкость приняла на себя удар и сыграла злую шутку — я застрял спиной в стене и с первого раза не смог вырваться.

Тетка развернулась, я навел на нее лампу.

Мречиха, точно. Килограмм двести. Ногти. Полуметровые, наверное, они свисали с пальцев грязными длинными червями, колыхались, как живые. Глаза, тут все как полагается — гнилые, черные, с красноватым отливом, без век, как у всех мрецов, глаза эти вспыхивали багровым проблеском. Волосы до пояса, черные и скомканные, волосы ведь продолжают расти еще долго, морда сквозь эти лохмы выступает рыхлым блином. Нехорошо. Умерла от обжорства, разложиться особо не успела, а последнее, что у нее в башке присутствовало, — голод.

Маша хочет каши...

Маша хочет каши, откуда я это помню?

Маша разогнала тушу могучим рывком, полетела в меня неудержимой глыбой, я успел увернуться, Маша протаранила стену.

Я выхватил нож и сразу же почувствовал, насколько это глупо, ножом с танком не справишься. Прикинул пути отступления. Через балкон раз, через дверь два. Балкон опасен — перелезу, а Маша набросится, сковырнусь вполне, полечу вниз головой в сугробы. Через дверь...

Дверь я открою, а закрыть не смогу. И этот бродячий дохлый слон отправится бродить по дому. Тоже ничего хорошего, встретятся с Алисой, повздорят. Значит, надо разбираться.

Маша выкарабкалась из стены и, не откладывая, направилась ко мне. Молча — голосовые связки сгнили. Такое не со всеми происходит, случается, что голос сохраняется, и тогда мрецы весьма и весьма крикучи, но здесь Маша действовала молча. Растопырив руки, похожие на дохлых сомов, покачивая из стороны в сторону бюстом, издавая скрипучие морозные звуки. Наверное, она изнутри вся промерзла... Если они промерзают. Надо при случае проверить.

Я метнул нож. Попал в плечо. Лезвие вошло на всю длину, но тетка даже не заметила, взмахнула сомами, пытаясь обхватить, удавить в объятиях. Я легко увернулся, Маша оказалась неповоротливой, как и полагается при такой фигуре. Отбежал к окну.

Да уж... На самом деле да уж, я чуть не рассмеялся. За всю уже очень длинную жизнь

меня убивали столько раз, что я давно сбился со счета. Правда, раньше на меня покушались твари хоть и поганые, но мощью достойные, опасные, сильные, быстрые, бороться с ними было приятно, интересно, вырывая их ядовитые когти и жала, я чувствовал радость победы. Теперь тетка.

Все мельчает, все истощается... Мельчает, хотя и увеличивается в размерах.

Да, с тетками я до этого не воевал, не приходилось. И они ко мне относились спокойно, старая Шура всегда по голове гладила, земляным орехом угощала. А эта...

Глупая история, зря мы сюда полезли, в сорок восьмую. Если бы не полезли, не пришлось бы сражаться с Машей. Надо ее как-нибудь остановить. Хорошо бы холодильник на нее уронить. Или печь. Я направился на кухню посмотреть, что можно обрушить на эту...

Маша неожиданно резво поспешила за мной, воздух запах вяленой рыбой...

Я запнулся. Споткнулся, вернее, на ровном месте, нога все еще не слушается, пытаешься опираться на полную ступню, а она уже давно не полная. Растянулся на полу. Маша прыгнула ко мне, вернее, на меня. Бум! Казалось, что дрогнул весь дом, если бы попала, наверняка раздавила бы ребра. Я закатился под кровать, во тьму, в пыль, в снег.

Маша бродила по комнате, вокруг. Забраться на кровать у нее уже мозгов не хватало — мозги ведь тоже гниют. Интересно, с чего она вдруг оттаяла? Кто-то мне говорил, что мрецы не так просты, как нам всегда казалось. Что их надо изучать, потому что внутри у них целая куча полезной информации, может, ключ к бессмертию, лекарство от всех болезней. Что они очень тянутся к человеку, жить без нас просто не могут, а то, что иногда они пытаются человека зажрать, так это из-за мозговой недостаточности, любовь проявляют. И что они всегда одной температуры, одинаково прохладные и в жару, и в стужу...

Я ничего подобного о мрецах никогда не думал, я их успокаивал.

Вот и Маша, она давно соскучилась по покою, она хотела вернуться в свою постель и спать там. Без головы.

Сжечь. Прекрасный выход. Полфляги спирта осталось, жаль на Машу тратить, спирт в жизни очень и очень пригождается. С другой стороны, сидеть под кроватью унижительно, надо что-то делать. Я перевернулся на живот и пополз к другому краю кровати. Идея. Лестница скользкая, во многих местах наледи, крыша давно прохудилась, Маша устремится за мной...

Я выбрался из-под круглой кровати. Маша увидела. И кинулась. У нее уже появилась эта их мреческая походка — длинные тянущие шаги, словно на цыпочках идешь, и вместе с килограммами веса это выглядело глупо. Я заскочил на койку, пересек ее в три прыжка и оказался почти в коридоре. Маша развернулась и потянулась за мной. Я не очень торопился, старался, чтобы Маша не отстала. Выбежал на лестницу.

Маша тоже.

Наледи не понадобилось. Маша запуталась в ногах. Не думал, что ее падение будет настолько сокрушительно. Она вскинула руки, рухнула, с размаху ударившись о ступени. Туловище колыхнулось, левая рука подломилась в локте, голова выдержала — показалось, что даже ступенька сломалась, не голова.

Проехала по ним и поднялась. Нож вошел в громоздкое тело, из спины не показался, но Маша этого и не заметила. Она поднялась и снова рванула за мной.

Я спешил вниз, Маша тоже поторапливалась и, конечно, запнулась еще раз. В этот раз она издала какой-то звук.

— Ох.

Почти по-человечески.

Несколько ступеней, и она ударилась о каждую, головой. Во всяком случае, когда она все-таки поднялась, голова у нее была не очень круглая и однородная. Но трупная Маша держалась, они упертые, эти мрецы, как что-то в башку вобьется, так только пулей выбьется. Перила в этом месте были не очень крепкие, проржавевшие совершенно, и я подумал, что можно столкнуть Машу вниз, пусть до первого этажа прогуляется. Перила ее не выдюжат — и полетит вниз с задумчивым свистом, а там шмяк, тело раздавит само себя.

Однако я почему-то ее не толкнул. Хотя и мог.

— Ох, — сказала Маша еще раз.

И остановилась, привалившись к стене. Вдруг. Только что она хотела меня загрызть, разорвать на кусочки и вообще уничтожить, и вот остановилась. Замерла, осталась стоять, помятая, погребенная сама в себе.

Я хотел вытащить нож, но подумал, что Маша может очнуться, так без ножа и остался.

Какое-то у меня странное настроение, наверное, от холода. Первый раз в жизни пожалел мреца. Точно, от холода. Мозг состоит из воды, она подмерзает, мозг не движется, все понятно.

Я спускался по лесенке мелкими шагами. Навстречу Егор.

Торопился. В фигуре у него присутствовало что-то странное и нечеловеческое, я выхватил его лучом и обнаружил, что из-за спины Егора торчат многочисленные рога. Жизнь приобретала дурацкий вкус и размер. Ничего удивительного. Одинаковость не может тянуться бесконечно, не может быть все время страшно, случается и смешно. И глупо.

— Собрал. — Егор потряс рогами. — Там еще осталось много...

— Они хоть настоящие? — спросил я.

— Вроде. Крепкие.

Егор постучал рогами о стену.

— Крепость — не признак настоящих рогов, — изрек я. — Ладно, пойдем к Алиске, она в рогах разбирается.

— А ты это... — Егор посветил вверх. — Тетку прибил, что ли?

— Нет, — честно ответил я. — Она сама себя убила.

— Ага, понятно. Я это к тому... Я же там в сорок седьмой двустволку китайскую оставил...

— Ну, сходи.

— Да мне неудобно, — Егор встряхнул рогами. — Цепляются, заразы, скользко... Рога мешают.

— Понятно. Хорошо, сам схожу.

Я развернулся, и тут зазвенел будильник, громко и как-то неопнятно, отражаясь обрывками звуков от стен, Егор заругался, принялся стучать себя по боку, стараясь прибить строптивый механизм. Забавно, точно в кармане у него сидела беспокойная дребезжалка, робот, созданный для того, чтобы мелко пакостить своим хозяевам, кажется, раньше такие делали.

— Да ладно, — сказал я. — Пусть звенит, мне нравится. Хорошо.

— Мне тоже. Алиса просто нервничает. Она... Как ты думаешь, китайцы ее совсем вылечили? До конца?

— Похоже на то. Помнишь, как она палец позавчера порезала? До сих пор не зажило... А раньше... Китайцы в таких заболеваниях разбираются, можешь поверить.

— Да, точно... Значит, она теперь совсем нормальная?

Я пожал плечами.

— Алиса? Совсем нормальная? Это, братишка, не про Алису. Она... Сумасшедшая. Не безумная, нет, просто сумасшедшая, непредсказуемая. Она и так непредсказуемая, а после всего...

Она ведь всех убила. Всю свою семью. Такое бесследно не проходит. Такое...

Мне очень хотелось спросить — помнит ли она хоть что-нибудь. Пару раз даже уже почти спросил... Вовремя передумал. Кто его знает, что там у ней в голове, зачем ворошить... Это ведь страшно, жить с такой ношей. Пусть она сама и не виновата, но все равно.

Она плачет, я иногда слышу. По ночам.

— Ты смотри, не напусти ей вдруг, — сказал я. — Про все.

— Я что, дурак?

— Мало ли. Пусть забывает, это даже лучше. Я бы хотел вообще все забыть.

— А я нет.

— Твое дело. Алису не дергай, но...

— Что «но»?

— Ничего. Просто слишком она... Ровная, что ли. Шутки, старается держаться, старается быть веселой. А это трудно, очень трудно. Легко сорваться. А мне бы не хотелось, чтобы Алиса сорвалась. Пусть лучше спокойная остается.

— Просто надо за ней приглядывать... Ладно, жди здесь.

Я пошлепал вверх. Мимо Маши проходить было страшно, казалось, что вот-вот она что-то скажет. Я не боялся того, что она сейчас на меня кинется, не боялся нападения, а вот того, что заговорит, боялся. Вот заговорит — и что с ней после этого делать?

Но Маша промолчала, проявила милосердие, а скорее всего, обратно впала в смерть. Летом, наверное, разморозится, пойдет бродить...

Отрубить ей башку я почему-то не мог, осторожно протиснулся мимо. Нашел на балконе двустволку. Снег валился непробиваемой стеной, ветер пытался закрутить его в вихри, не получалось, снежинки слеплялись в комки прямо в воздухе и падали вниз с приглушенным чавкающим звуком. Первый раз такое видел. А если они начнут слепляться в шары еще наверху? И по пути к земле станут только увеличиваться в размерах! Я представил — падают огромные, как шары для снеговика, снежинки, смерзшиеся и быстрые, и земля дрожит от великанского града.

Неба не видно. Давно его уже не видал, мы оказались точно внутри стеклянного шара, изображающего зиму, вязкий воздух и непрекращающийся снег, оттого, что кто-то без конца трясет и трясет этот шар, город, построенный внутри, уже давно обрушился, и зима уже устала, но хозяин шара продолжает и продолжает его трясти с безумным упрямством, с непонятной настойчивостью.

А может, его и нет, неба. Наша Земля сорвалась со своей оси и несется в космос, остывая с каждым часом, и нет теперь синевы, и солнца, а только звезды светят, а от звезд какой свет?

Возвращаясь, подумал про карточку. У Маши вполне могла быть карточка, если поискать... Представил, как буду обыскивать... Нет, эта дура наверняка давным-давно ее потеряла, точно, потеряла...

А вообще, думать надо меньше, так учил Гомер.

— Ну? — спросил меня Егор.

Я достал из-за плеча двустволку.

— Ага... Слушай, как ты считаешь...

Егор кивнул на Машу.

— Ты правильно ее... Не добил. Вдруг они выздоровеют, а?

— Вдруг. А тебе-то какой в дохлятине прок?

— Мне? Да никакого... интересно. Если все начнет налаживаться, то, может, и они тоже... Излечатся?

— Может — мое любимое слово, — ответил я.

— Ну да... Папка говорил, что все как раньше делается. Все восстановится. Или китайцы нам помогут, представь, благодать какая...

— Благодать — это совсем другое, — перебил я. — Тут китайцы совсем ни при чем. И я в нее вообще-то слабо верю... теперь... Пойдем, что ли, к Алисе?

Но Егор уже развернулся и направился вниз, держась рукой за покачивающиеся перила и чиркая рогами по стене, рога издавали печальный звук.

Спустились к Алисе. Она сидела возле костра в гнезде, свернутом из ковров и одеял, наружу торчали лицо и руки, Алиса варила воду в железной кружке, грела пальцы в теплом пару. Увидела нас, хрустнула шеей и сразу сказала:

— Прыщельга, а в твоём магазине подземном ласты есть?

— Как?

— Ласты. Знаешь, что такое ласты?

— Нет.

— Жаль.

Алиса выбралась из берлоги.

— Ласты — это в чем-то наше будущее, — сказала она. — Вы, кстати, пожрать раздобыли? Кабанчика там, или зубра? Как я велела?

— Нет, какие сейчас кабанчики... — со скукой ответил Егор. — Времена уже не те, сама понимаешь... Я это...

— Что это у тебя там? А? Ветвится что-то... Вы вообще что-нибудь полезное нашли?

— Нашли, — улыбнулся Егор, и в этой улыбке играло торжество. — То есть очень полезное, просто... Просто чудо! Вот!

Егор с видом победителя достал из-за спины охапку мерзлых рогов и торжествующе сгрузил их к ногам Алисы.

— Что это значит? — поинтересовалась та осторожно, видимо, как-то ее рога смутили.

— Рога, — пояснил Егор.

«Рога» он произнес так, будто это были не рога, а по крайней мере олений окорок.

— Рога... — сказала Алиса, задумчиво прикусив губу. — Рога — это... рога. Символ изобилия.

Алиса пошевелила бровями. Посмотрела на меня, я пребывал в невозмутимости.

— И что вы собираетесь с этими рогами предпринимать? — осведомилась Алиса.

— Варить, — чистосердечно ответил Егор.

Я думал, что сейчас Алиса рассмеется, но она удержалась.

— Варить... — покивала Алиса. — Это интересно... То есть правильно, рога и нужно варить. Потому что тот, кто питается вареными рогами... его изобилие преследует.

— Дэв говорит, что их надо целиком варить, а я вот думаю — как? Они же не влезут.

Алиса поглядела на меня пристальной.

— Нужен большой котел, — сказал Егор.

— Мне кажется, рога надо порубить. От этого их вкусовые качества не очень изменятся.

— Да? — спросил у меня Егор.

Я кивнул.

Егор начал с воодушевлением рубить рога. Я устроился напротив Алисы.

— Нам удивительно повезло, — сказала Алиса. — Рога — это... просто счастье какое-то. А на вкус...

Алиса закатила глаза.

— На вкус, как мясо. Почти...

— Перевар называется, — сообщил Егор.

— Да, да, перевар, как же... Помню, мы этот перевар ведрами ели. Ну что ж, давайте попробуем. Воды я наплавила, ты теперь давай рога туши...

Егор нарубил полведра рогов, засыпал их в котел, стал варить. Мы собрались вокруг огня. Было как-то спокойно и тепло, воздух в помещении немного прогрелся, и мне, конечно, хотелось спать. Алиса пустилась рассказывать историю про то, как один человек, не помнит, как его звали, так вот, он тоже очень любил рога. Но он их не только варил, он приготавливал из них разнообразные снадобья, значительно продлевающие жизнь. Рога он толлок и настаивал на собственной моче, пил, втирал. От регулярного употребления рогов у него очень укрепились ногти и удлинились еще, в результате чего он приобрел повышенные показатели в лазанье по деревьям и стенам домов...

Рога варились, распространяя вокруг необычный запах, порой Егор помешивал их принесенным с кухни черпаком и бурчал животом в предвкушении.

А Алиса все рассказывала о своих прежних знакомых, увлекавшихся рогами опять же как в сыром, так и в вареном виде, и рассказывала, к чему эти увлечения привели. Егор спрашивал Алису о чем-то, ходил за дровами и меня тоже спрашивал, но я не слышал, проваливался в сон, сегодняшний день вымотал меня, утомил и обескровил, голова работала

плохо, и начинало мерещиться, и рога вертелись у меня перед глазами, и сами по себе, и само слово, точно нарисованное в воздухе, оранжевыми буквами...

— Эй! — Алиса ткнула меня в бок. — Рыбинск, просыпайся, ужинать пора!

— Что? — спросил я.

— Сварилось. Рога размякли.

Я не успел еще очухаться, как Алиса сунула мне в руки миску с рублеными рогами. Я хорошенько проморгался и обнаружил, что и у Алисы, и у Егора в руках миски уже имеются.

— Давайте поедим, — сказала Алиса с определенной торжественностью.

С удовольствием понюхала свою миску и подмигнула Егору.

— Мне кажется, первым должен попробовать это блюдо Егор, — сказала Алиса. — Повар всегда получает самое вкусное. Давай, Егор.

— А как есть? — Егор с интересом поглядел на рога.

— Ну, в наших обстоятельствах, я думаю, можно оставить щепетильность — ешь руками. Поторопись, а то они затвердеют.

— А они мягкие?

— Два часа варились. Бульон почти застыл. Наваристый!

Я осторожно потрогал жидкость пальцем. Действительно, густой. Наверное, как холодец, рога — они ведь тоже кости.

А вдруг на самом деле можно есть? Вот смешно будет...

— Давай! — подначивала Егора Алиса. — Давай, а то остынет!

Егор смешно пошевелил ушами, затем достал из миски кусок рога, сунул в рот, сжал зубами.

Послышался громкий хруст.

— Гляди-ка, раскусил! — с детским восторгом воскликнула Алиса.

Егор выплюнул на пол раскушенный рог и вместе с ним несколько осколков зубов, но зубы уже не на пол, а в ладонь.

— Вкусно? — проникновенно спросила Алиса.

Егор отрицательно помотал головой.

Алиса тоже помотала головой.

— Значит, невкусно, — сказала она. — Не проварились, наверное, всего два часа.

Егор улыбнулся. Зубов не хватало. От голода зубы разболтались и истончились, сломались легко, выпали легко, зря мы, наверное, это, совсем зря, без зубов человеку тяжело, почти невыносимо, зубы у нас нужны отменные, никто тебе кашу варить не станет...

Я даже свои потрогал, зубы далеко не все целы.

— А вообще ничего. — Егор вытащил из глубины рта еще один обломок, то ли желтый, то ли белый, и снова спрятал в ладонь.

Я засмеялся. От души, громко, немного стучаясь головой о соседнюю дверь. Наверное, я так не смеялся года полтора, может, больше.

Алиса тоже засмеялась.

Егор не удержался и стал смеяться с нами, одному ведь всегда скучно. Крыса Чапа с интересом высунула голову из ковров.

— Недоварились, конечно... — Егор извлек из рюкзака пластиковый пузырек, отщелкнул крышку.

Стал ссыпать в пузырек зубы. Я тоже собирал в детстве, не знаю, зачем собирал, у нас многие собирали. Какое-то поверье старое, в чем смысл его, никто не помнил, но собирали. Потом мои зубы куда-то делись.

— Значит, не судьба, — развела руками Алиса. — Ничего, в следующий раз повезет, это точно.

Егор закашлялся, сильно, по-стариковски, лицо покраснело, и глаза несколько выставились, Алиса поставила миску с вареными рогами на голову глиняной собаки, протянула руку и стукнула Егора по спине кулаком, четыре раза, с промозглым звуком. На четвертый раз Егор кашлянул и выпустил еще один зуб, видимо застрявший в горле, на

ладонь, вместе с кровью, и это почему-то было уже не смешно.

— Зачем вы так? — спросил он растерянно, с заметными искажениями речи. — Зачем? Алиса явно хотела пошутить, но у нее почему-то не получилось.

Глава 2 Синдром подземной усталости

— Нет... Я почему-то в этом не сомневалась. Я слышала, смерть от замерзания одна из самых приятных.

— Мы выберемся, — чересчур бодро сказал Егор. — У меня предчувствия.

— Давайте проверим, что осталось, — предложил я. — Чтобы определиться.

Алиса хмыкнула, но ничего по поводу определения не сказала, вылезла из ковра. Егор вздохнул, достал рюкзак. Собрались вокруг стола.

— Прошу, — я кивнул. — Начнем с оружия.

Егор положил на стол китайский двуствольный дробовик. Нож. Граната. Несколько патронов. Алиса сказала, что у нее вообще ничего нет, кроме перочинного ножа, да и тот кривой. На самом деле кривой и ржавый.

У меня остался нож. Не перочинный, нормальный, но все равно. Мало. Второй торчал в мречихе, но доставать его я не собирался.

— Отлично, — зевнула Алиса. — Вооружены прекрасно, можно войну начинать. Первая хорошая новость.

Еда. Полторы пачки китайской лапши, две банки с непонятными консервами, без надписей совершенно. Но внутри что-то умеренно жидкое. Сухарь, большой, размером с книжку, наверное, Егор его из своего подземного магазина прихватил, пряник вроде бы. Все.

— Вторая хорошая новость, — провозгласила Алиса.

Прочие припасы.

Их тоже оказалось негусто. Огниво, котелок, ножницы, свисток, ложки, противогаз без фильтра, запасные носки и другая не особенно полезная дребедень, пластмассовые солдатки, шашки, карбидка.

Я взял свисток, сел на стул.

Алиса принялась перебирать солдатиков. Егор поглядывал на пряник. Интересно, почему он его раньше не слопал? Совесть не позволила. Это мне в Егоре нравится, совесть, нравственные основы, всякое прочее, когда все наладится, мы его сделаем наставником — пусть воспитывает хороших людей.

Алиса выставила солдатиков в шеренгу, стала ронять щелчками в лоб.

— Надо снегоступы сделать, — сказал я.

Алиса хихикнула.

— Сделай лучше говноступы, — посоветовала она. — И мы безо всякого видимого ущерба пройдем над говнами, разверзшимися под нашими ногами.

Егор тоже подобострастно хихикнул.

— Прыщельга, ты в шашки играть умеешь?

— Умею, — неосторожно ответил Егор.

— Давай играть. Поделим пряник на доли и станем на них играть. А?

— Ну, давай попробуем...

— Не играй с ней, — посоветовал я.

— Вали отсюда! — рыкнула на меня Алиса. — Не мешай людям развлекаться!

Ругаться не хотелось. Я взял нож и удалился. Поднялся на самый верх, в одной из квартир мебели было очень много, я решил начать с нее.

Первым убит кресло. Кожа тонкая, расходилась легко, я вырезал несколько длинных полос, сплел из них тройную косичку. Не очень длинную, метра в полтора. Перекинул ее через люстру, повис. Крепкая. Особой прочности тут не требуется, но она и не мешает. Кожаной мебели из настоящей кожи здесь полно, можно сплести веревку. И шторы еще, и

проводка в стенах.

Теперь снегоступы. В снегоступах я не очень хорошо разбирался, зимой мы передвигались мало, предпочитали подземный образ жизни. Но примерно представлял, как они должны выглядеть — разлапистые штуковины, как ракетки для пинг-понга, только больше. Надо найти круглую основу, остальное можно тоже вполне из кожи сплести.

Основу нашел на седьмом. Жалюзи между комнатами. Сделанные из тонких и коленчатых палочек. Палочки оказались легкими и гнучими, вырвал из стены электропровод и довольно быстро соорудил короткую и широкую лыжу. Переплел кожаными ремешками. Получилось коряво, но зато легко, прочно и просто. Мне понравилось мастерить, я устроился поудобнее в углу, развел для тепла небольшой костерок и принялся за работу.

Закончил часа через четыре. Три пары снегоступов, с виду вполне ничего, остается только испытать.

Спустился до четвертого этажа. Снег лежал под окнами, падал крупными тяжелыми комками, рассыпавшимися в молочный прах, закручивался ветром в мутные знаки. Солнце через снег почти совсем не проникало, в мире воцарились сумерки, тяжелые и непроходимые. Я перевесился через подоконник.

Опасно. Снег — непредсказуемая стихия, а вдруг этот провальчивый? Наступишь — и ухнешь в яму, и выбраться уже не получится, через минуту заметет и не останется и следа, кричи не кричи. Все равно по-другому никак нельзя проверить, я выдохнул и отпустился.

Провалился немного, всего по колено. Снег сжался под ногами, спружинил с хрустом. Сделал шаг, затем другой, конечно, не очень удобно — каждым движением проваливаться, ногу приходится почти выдирать, но все равно ходить можно. На пятом шагу провалился правой ногой чуть больше, сразу повело, взмахнул руками, понял, что равновесие не удержать, и послушно упал лицом в снег.

За спиной тут же сошлась белая стена, я почувствовал это и постарался упасть как можно ровнее, ногами в сторону дома, все просто, чтобы не потерять направление. Снег забился в глаза, в нос и в уши, даже в рот, зубы заломило, я попробовал опереться на руки, провалился. Попробовал еще раз, провалился снова, снег оказался коварных качеств, легкий, сыпучий, но при этом повышенной мягкости, я увяз в нем еще глубже, подняться на колени не удалось, застрял головой, неудачно вдохнул, в горло ворвался мороз, я закашлялся и едва не задохнулся.

Дернулся, рывком выбрался из холода.

Ресницы смерзлись, я с усилием раскрыл глаза. Снег. Лип к лицу и не таял, налипал тонкой коркой, я не видел ничего дальше метра. Руки начали коченеть, я решил перевернуться, и это стало ошибкой. Сесть не получилось, я увяз, попробовал еще, бесполезно.

Вокруг меня намело изрядный холмик, и я вдруг с какой-то веселостью подумал, что могу умереть. Вот так, глупо. Пять шагов, увяз в снегу, заоченел до смерти. Смешно, я посмеялся. После чего принялся бешено вертеться, стараясь подняться на ноги. Привело это лишь к тому, что я еще глубже просел и влип.

Снег напомнил топь. В нее тоже проваливаешься — сначала неглубоко, и кажется, что ерунда, несерьезно. Но пара неосторожных движений — и все, увяз. И стоит проявить активность, как засасывает окончательно, пять минут — и ты уже по уши, еще минута, и жрешь лягушачью шкуру.

Только здесь еще холодно.

Я лежал на спине, и меня заметало снегом.

Можно было попробовать покричать. Алиса и Егор вряд ли услышат, но хоть согреюсь.

Я крикнул. Получилось позорно, такое длинное безнадежное мычание, ветер подхватил его и растрепал, бесполезно орать. Еще минут десять. Китайский комбинезон, китайская броня, некоторое время они задержат тепло. Ненадолго.

Надо подняться.

Я перевернулся на живот. С усилиями, растянул что-то в шее. Оперся на ладони,

подтянул колени...

Опять провалился.

И еще.

Барахтался минут, наверное, десять, может, меньше, время в холоде тоже подмерзает. Падал, поднимался, не хотелось совсем уж так бестолково.

Конечно же, я поднялся. Будильник моей жизни не исчерпал еще своего завода, так сказал бы Егор. Сделал несколько шагов на месте, утрамбовывая снег. Теперь к дому...

Я рассмеялся уже почти в голос. Направление. Я потерял направление. Шаг в сторону, упал, повернулся, все. Метров десять до стены дома, только куда? Теперь осторожно. Я не успел отойти далеко, я сумею вернуться, главное, определиться... Вот для этого и нужна веревка. Для направления. По следам не вернуться, их мгновенно заносит. Зрение бесполезно. Звук... Я не слышу собственного хрипа.

Пять минут осталось, я начинал чувствовать дрожь в кишках, надо выбираться скорее, я придумал, как это сделать за две с половиной. С помощью ремня. Он у меня длинный, двойной, четыре метра вокруг пояса. Если привязать к нему патронташ и ремешок от кобуры, вместе будет метров семь, вполне хватит.

Я снял шлем, привязал к нему лямку, вдавил каску в сугроб, все, вперед. Получившийся фал натянулся, и я пошагал по округности, вглядываясь во мглу.

Через минуту наткнулся на стену. Еще через полминуты ввалился в окно. Шлем выдернул ремнем. Выбрался. Отряхнулся от снега, поспешил к Алисе с Егором. Зубы клацали, искусал все щеки.

Егор сидел возле стены, кипятил воду, я подошел к нему, выпил полкотелка. Полегчало. В другие полкотелка сунул пальцы, восстановить кровообращение чрезвычайно важно.

— Вот оно — спасение! — ехидно сказала Алиса. — Великий и могучий Дэв уединился в глубины, усердно помолился, и Зевс даровал ему говноступы!

Я поглядел на ноги. Снегоступы снять забыл. Так, смешно, на самом деле смешно.

— Воспоем же богам славу, вознесем им жертву. Егор, ты как насчет жертвы, а?

— Смотри чего в жертву...

— Это точно. Обычно в жертву приносят самого невинного.

— Что это ты имеешь в виду? — насторожился Егор.

— Не переживай, ты не годишься, — брезгливо сказала Алиса. — Прыщельгу в жертву не один уважающий себя бог не примет, прыщавых в жертвы не берут.

— Я не прыщавый, — буркнул Егор. — Это у меня шрамы.

— Шрамы от прыщей, — уточнила Алиса. — Так что ты в жертвы совсем не годишься. Рыбинск тоже отпадает, от него рыбой смердит, потому что он в детстве головастиками питался, весь насквозь пропах. Какому нормальному богу такие воняры нужны? Я... Я не подхожу.

— Почему это?

— Женщин в жертвы брать не положено, их не хватает. Вот и получается... А Чапу тоже нельзя, она крыса крысиная, недостойна. Ты мне книжек принес, Прыщельга?

— Да. Три раза ходил, вон в углу.

— Вон в углу — это твой дедушка трупоед, а мне подай сюда альбомы.

Егор проследовал в угол, достал тяжеленную стопку альбомов, с трудом подтащил ее к Алисе, опустил на пол.

Алиса взяла альбом, принялась листать. Задумчиво, слюнявя палец. Егор смотрел из-за плеча, тоже искусством интересовался, Алиса ткнула его локтем.

— Хватит нависать, Прыщага. Идите испытывайте говноступы, — с глаз моих, а то сейчас соплями измажуся...

Смотреть, как Алиса измазывается соплями, не хотелось, я удалился, Егор за мной.

— На улицу пойдём? — спросил Егор. — Мне кажется, надо вот эти штуки на самом деле испытать, вдруг пойдём, а они развалятся...

Мне не хотелось выходить на улицу и уж тем более не хотелось обучать Егора премудростям управления со снегоступами, да и Егору не хотелось, какому человеку хочется по морозу?

— Хорошо, — сказал я. — Снегоступы — это просто. Возьми их и ходи туда-сюда, главное, ноги повыше задирай.

— А ты?

— А я пойду... Погуляю.

— Погуляешь... Вот и правильно, а я тут недалеко поупражняюсь. Хорошо?

— Лучше не бывает.

Егор с усилиями обулся в зимнюю обувь и стал шлепать туда-сюда, стараясь держаться подальше от лестницы. Я поднялся на этаж, сунулся в первую же квартиру, сел на табуретку. И сидел. Не знаю сколько, часа три. Стена напротив была изрисована черными человечками, состоящими из палочек и кружочков, человечки ничем не занимались, стояли и смотрели на меня точками глазок, сразу сотни глазок. Как-то они меня сглазили, стал я на них смотреть, смотреть еле очнулся...

Спустился к своим. Егор уже не упражнялся в снегохождении.

Егор готовился к ночлегу, рубил журнальный столик. Он ловко разделявал мебель, с привычкой, в слоне привык, наверное. Журнальный столик оказался хороший, не клееный, из настоящих досок. Егор щепал столешницу на длинные лучины, обеспечивал нас светом на вечер.

Я занялся дровами для отопления, пустил на них высокий шкаф. Он тоже оказался неплох, тоже из дерева, с этим нам повезло, в доме оказалось неожиданно много подобной мебели, не знаю, чем уж это объяснить. Обычно нам попадает дрянная, спрессованная из опилок, с обилием клея и лака, топить такой опасно, потому что горит она неровно, пускает черный дым и невидимый угар, а когда разгорится как следует, начинает стрелять ядовитыми брызгами.

Наколот дров, сложил их возле стены. На завтра. Под батареей устроил очаг — несколько кирпичей вокруг, чтобы тепло дольше удерживалось. Заварил медленный костер. Огонь получился ровный и постепенный, как полагалось, тепло растекалось по стенам, через пару часов разогреется батарея и станет совсем хорошо...

Алиса лежала в коврах, плела. Она построила лампу из старой жестяной банки, шнурков от кед, масла и осколка зеркала. Тускло, но глаза у Алисы большие, света в них много попадает. Альбомы вокруг разбросаны и, что меня порадовало, полусплетеная веревка. Устав от просмотра старинной живописи, Алиса, видимо, взялась за веревку. Егор приволок штор, ободрал искусственную кожу с кресел, нарезал на полоски, и теперь Алиса собирала из них веревку... Много у нее получилось уже, метры. Не совсем Алиса бесполезный человек, косички заплетать способна. Наверное, опыт есть, впрочем, все девчонки хорошие плетуньи, даже те, которые этому никогда не учились.

Плела, пальцы так и мелькали. А еще беседовала с Егором. Он ей рассказывал про наши приключения. Про то, куда мы шли, зачем шли и что из этого получилось, она, само собой, хмылилась, говорила «о!», «ого!», «да что ты говоришь», Егор же оставался серьезен.

— И тогда он понял, что все можно исправить, — Егор кивнул на меня.

— Да что ты? — переспросила Алиса с язвительным интересом. — Прямо так вот и понял? Не сходя с места! Это, конечно, да. А вообще, ты прав, Егор, наш Дэв — в высшей степени человек необычный... Просто... Погоди, сейчас придумаю, как его назвать...

Алиса смеялась и обзывалась. В основном на меня. В основном смешно. Поэтому, когда они начинали беседы, я отправлялся бродить по дому. Поднимался на пару этажей вверх и слушал ветер, опускался вниз и слушал хруст снега, а если совсем ниже, то тишину. Вот и сейчас отправился на чердак, но быстро вспомнил, что придется проходить мимо мертвой Маши, передумал, спустился вниз, в книжный, там мирные скелеты, скелетов я уважаю.

Книжные магазины еще встречаются, особенно здесь, в Москве. У нас в Рыбинске их

вообще не было, здесь есть. Полки до потолка, книги, диски, записные книжки. Первым делом при попадании в книжный проверяем полки с картами. Обычно они пустые — карты сейчас редки, но иногда встречаются. Вот здесь есть. Карта Амстердама, карта Берлина, карты других городов, бери — не хочу. Путеводители по Европе, по Рейну, по Англии, все эти названия мне ничего почти не говорят, далекие и, возможно, уже несуществующие города, раньше живые, сейчас одни названия, затопленные, или сожженные, или погребенные снегом, нет их давным-давно, и памяти от них нет.

После карт стоит в справочники заглянуть. Если очень повезет, найдешь про оружие, с картинками и схемами, как все устроено, какие патроны и кто это все придумал в тысяча девятьсот сорок седьмом году, и какие недостатки. Но это совсем редкость, обычно про то, как починить машину с картинками, или как на компьютере работать, или вот медицинских много.

Только они все бестолковые, сейчас болезни совсем другие — это раз, лекарств все равно не найти — это два. Но почитать интересно. Вот сейчас тоже так получилось, сунул не глядя руку в полку, достал. Медицинский справочник, открыл наугад и прочитал про заболевание ногтей, возникающее вследствие недостатка в организме витамина Д. Мне понравилось описание этого заболевания, я прихватил книжку и принялся бродить между стеллажами.

В магазине пахло бумагой, сколько лет прошло, а бумага все пахнет и пахнет, книги валялись на полу, обложки за время размякли, и кое-где на них проросли бледные подземные грибы, замерзшие и хрустевшие под ногами. Впрочем, грибы росли и на стеллажах, и в книгах, и между книг. Я не искал ничего особенного, просто снимал с полки, читал название, кидал на пол, как-то это меня успокаивало, я думаю, люди раньше так и успокаивались. Все равно большую часть книг прочитать было нельзя, буквы внутри склеивались и размывались в безгласные кляксы.

Художественный отдел, самый сохранившийся. Альбомы на толстой бумаге с толстыми обложками. Внутри картины. Или фотографии. Иногда со смыслом, иногда без, например, ведро ржавое, зачем фотографировать ржавое ведро, когда его и так в любом месте посмотреть можно. Как-то использовать эти альбомы нельзя, только смотреть. Алиса смотрит, а мне от этого грустно, а Егору плевать, он в слона хочет вернуться, смотрит альбомы.

Идем дальше.

Детский отдел. Большой, раньше для детей много всего делали. Взял книжку с бегемотом на обложке, оказались стихи о том, как бегемот гулял по городу и давил кошек и собак. Странные стихи, непонятные, лучше учебник. Поднял с пола табуретку, стал читать, тоже наугад, двести восьмая страница.

Синдром хронической усталости. Симптомы... Симптомы, значит, это как оно проявляется. Беспричинные приступы гнева, потеря памяти, плохое настроение, которое обваливается тебе на плечи. Пить все время хочется еще. Страдают три человека на десять тысяч. Я страдаю. Возможно, я единственный человек с такой болезнью во всем мире, если я кого-то убью — это не я виноват, сразу предупреждаю, это не я, это мой недуг.

Плоскостопие. Это когда нога плоская, отчего неудобно ходить, а потом, через много лет, начинает спина болеть. У меня на правой ноге развивается. От недостатка пальцев, я уже хромаю, я уже привык хромать, почти не замечаю этого, но если я поскользнусь и мир не будет спасен, то все вопросы тоже не ко мне.

Дальтонизм. Это когда цвета не видишь. Также про меня, то и дело в чернушку выбрасывает. Но это приобретенное. Мешает, кстати, целиться очень, трудно успокоить мреца, если оттенков не различаешь.

Медицинский справочник Тяжелый. Отличная книжка в толстой зеленой обложке, никогда не обращал внимания на книги в зеленых обложках... Потер глаза на всякий случай — зеленая, значит, все еще в цвете. В последнее время в цвете все-таки больше, выздоравливаю, однако...

Книги — копилки знаний. Икра будущего. Из нее по идее должен когда-нибудь вылупиться грядущий мир, хотя при растопке, само собой, я никогда про это не думал. Не думал, что чтение — настолько увлекательное занятие. Нет, я иногда люблю почитать, например, как тогда, в танке. Но в привычку это не вошло, не успело, вернее, а тут вот я подумал, что чтение — это здорово. И полезно. Вот я никогда не знал, что в мире так много болезней. Чуть ли не тысячи. Конечно, большая часть из них просто выдумана нервными женщинами, но есть и настоящие, которые на самом деле опасные. Кровь, к примеру, когда не сворачивается. Или когда кости все время ломаются. Или в мышцах поселяются паразиты размером с ноготь мизинца, и их не вытравить никаким лекарством, их надо вырезать, а для того, чтобы они не разбежались, их сначала следует раскаленной иглой протыкать.

А у нас всех этих болезней нет, мы очень здоровые люди. Потому что если у тебя полиомиелит, или аневризма, или отек в мозгу, то ты вообще не живешь. А если у тебя кожные заболевания, то ты тоже в живцах не задерживаешься — всякая пакость мгновенно прилипает, начинаешь гнить на ходу. Даже насморк — и тот чреват — с заложенным носом особо не побегаешь.

Я уж молчу про всякие гипертонии, диабеты или психические отклонения, как раньше несчастные люди мучались...

И ведь почти от всех этих болезней лечили. Таблетками, уколами, электрическими разрядами, особыми бактериями, хирургическими вмешательствами, раньше люди умели болеть, знали в этом толк — это видно по медицинской книжке. Со вкусом написано, звучит. Гораздо интереснее стихов, одни названия чего стоят. Ишиас, люмбаго, перитонит — как песня, хочется вслух зачитывать. Но у меня, увы, не люмбаго, у меня все-таки синдром хронической усталости. СХУ. Мне надо больше отдыхать, спать, гулять на свежем воздухе и пить с утра гранатовый сок...

Показался Егор. И Алиса. Вместе. С чего бы это... Стряслось что-то, иначе Алиса не поднялась бы.

— И зачем тебе гранатовый сок? — спросила Алиса.

— Какой сок? — не понял я.

— Гранатовый... Мне нужно гулять на свежем воздухе и пить гранатовый сок, — повторила Алиса. — Бредишь вслух, Рыбинск?

Наверное. Зачитался. Вслух. Отлично...

— Егор, ты знаешь про гранатовый сок? — осведомилась Алиса.

— Не очень, — сосредоточенно ответил Егор. — Что-то слышал вроде, давно... Его из гранат выжимают, надо только взрыватели вывернуть.

Алиса хихикнула, я не хихикнул.

— Видел я гранатовый сок, — сказал Егор. — В магазине, на полках. Только он весь скомканный, пить нельзя. А по цвету черный.

— Меня надо гранатовым соком лечить, — повторил я.

— Тебя надо пристрелить, чтобы не мучился. И всех нас тоже, я давно мучаюсь. У меня горло болит.

Я протянул руку, приложил ее ко лбу Алисы. Она не отдернулась. Так и есть. Горячая. Простыла. Если начнется воспаление... Никаких лекарств. Никакой еды. Если Алиса разболеется...

В последнее время она не очень хорошо выглядит. Мы все не очень хорошо выглядим. Зачем пришли? Алиса никогда ничего сразу не скажет, ведь сначала надо покривляться, такая она. Поэтому я не спешил спрашивать.

— Дэв, ты стулья умеешь делать? — спросила Алиса.

— Нет, — честно ответил я.

— Вот. Не умеешь, а постоянно что-то ломаешь... Ты хоть что-то в своей жизни построил?

— Нет, — снова честно признался я. — Строить — не мое предназначенье. Я разрушаю. Хотя вот лапти сплел... И вообще, строить пока не время.

— Да, конечно, у тебя никогда не время... Слушай, Дэв, правда, что ты увлекся отрезанием конечностей? Мне тут Прыщельга понарасказывал — я чуть вусмерть не расхохоталась. Смотри, Рыбинск, это заразная штука. Я знала одного типа, он случайно отрубил себе фалангу мизинца на левой руке и пристрастился. А когда остановился... Мало чего осталось. Будь осторожен.

— Обязательно буду.

— А ты увеличиваешься в моих глазах, Рыбинск, — ухмыльнулась Алиса. — Раньше ты мечтал найти себе подружку, теперь ты хочешь спасти мир. Это все-таки правда?

— Растем, — сказал я.

Алиса рассмеялась.

— Я знала, по крайней мере, двух спасателей мира, — она показала на пальцах. — Один думал, что вся проблема в метеорите. Упал метеорит, от него распространилась зараза. И продолжает распространяться, от этой заразы все уродуются. Решить же все очень просто — достаточно этот метеорит закопать. Он даже лопату себе припас, кстати, лопаточник такой, вот как Егор. Только, конечно, он ничего не закопал, это его закопали. Наверное.

Алиса подмигнула Егору.

— Я не лопаточник, — возразил Егор. — Я вообще...

— А второй был еще интереснее, — не услышала Алиса. — Он спасал мир добротой.

— Как это? — не понял Егор.

— Так вот. Решил, что все зло в мире от зла. Наверное, книжку какую-то прочитал, у нас тоже этим прибаловывались. И сказал, что не станет творить зла и этим исчерпает зло вокруг. Два дня продержался. Всем улыбался, оружие отринул — сказал, что в случае опасности предпочтет спастись бегством, прятаться, прикидываться мусором.

— А потом?

— Потом дедушку убил.

— Лопатой? — почему-то поинтересовался Егор.

— Почти. Коловоротом. Дедушка заразился... Не знаю, уж чем он там заразился, но решил он своего внука сожрать, сырым, без всякой кулинарной обработки. Внучек пытался его переубедить, взывал к совести и родственным чувствам, само собой, бесполезно. А у этого как раз коловорот под рукой оказался, вот он его и засверлил. До смерти наверняка. Потом, конечно, расстроился, но поздно уже было, оказалось, что без зла в нашем мире никак не выжить. Вот так.

Алиса выглядела весело, злобно и нездорово. Надо ей что-то подарить, подарю ей...

Не знаю, что надо дарить в нашем случае. В древности дарили цветы, золото, бриллианты, сейчас эти предметы не имеют никакой цены, удивляешься, за что их любили? Камни, веники, мягкое железо. Вот если бы я подарил Алисе корзинку с патронами, или параплан, или настоящие антибиотики, я читал, что антибиотики помогают практически от всех болезней, но теперь их не найти, вот это было бы настоящим подарком. А так...

— Значит, Рыбинск, ты — третий. Значит, мы на самом деле отправляемся на спасение мира? Правду мне Прыщельга рассказал?

— Вроде того, — подтвердил я.

— Да, правда, — сказал Егор. — Идем спасать. Я и Егор. И ты.

— И я? — Алиса как-то не обрадовалась. — Ну да, конечно, как без меня. Чувствую только, что хорошим ничем это не закончится. Вот когда в прошлый раз наш Рыбец отправился в поход — и всего-то ничего — за невестой, трупы валились направо-налево.

— А теперь мы идем спасать мир. Трупы взгромоздятся до небес. Бедный мир. Он так противится своему спасению, всеми копытами упирается, но ничего, наш могучий Дэв его все равно спасет. Ухватит покрепче за жабры — раз — и спас. Аж искры из глаз!

Егор поглядел на меня — что я скажу на эти издевательства? А что мне сказать было, привыкай, дружок, это Алиса.

— Вы, кстати, до сих пор не рассказали — в какую сторону спасать-то будем? — спросила Алиса. — Держите меня в неведении, начинаю подозревать нехорошее... Егор, ты

случаем не расчленитель?

— Нет вроде бы... — серьезно ответил Егор. — Но если ты хочешь...

— Спасибо, не надо. А вообще... Вообще мне лень спорить. Спасать так спасать. Не одной же оставаться. Серебряная собака — это само собой... Слушайте, вы на самом деле во все это верите? Нет, Рыбинск может не отвечать, я знаю, что он ответит. А ты, Егор? И ты во все это веришь? — спросила Алиса.

— Да, — ответил Егор. — Мне отец рассказывал, он верил. И Дэв верит. И я...

— В большую красную кнопку?

— Да, верю. В большую красную.

— Ладно, уродцы, убедили.

Алиса сунула руку за пазуху, достала скомканный лист гладкой бумаги.

— Редкая книга, — сказала она. — Хотя я пару раз ее все-таки видела... «Памятные места Москвы», Егор притащил. Все памятники, все красивые здания, достопримечательности... Вот и наша собака.

Алиса сунула мне листок, я расправил, осветил.

Собака. Та самая. На пьедестале, возвышается над окрестом. Люди вокруг ходят, а у подножья цветы синенькие.

— Памятник знаменитой собаке, — сказала Алиса. — Тот самый. Правда, Прыщельга?

— Правда-правда, — сказал Егор. — Я помню...

— Точно тот? — спросил я.

Внешне похожа, но кто его знает? Может, их несколько ставили на каждой стороне города.

— ...серебро, проба девятьсот двадцать пять, работа скульптора Боргезе, установлена на пожертвования исцеленных...

Алиса читала с листа, мы слушали.

— Ага, вот. Единственная в своем роде скульптура из драгоценного металла такого размера и веса... в момент открытия вес памятника составлял восемнадцать тонн триста пять килограммов... За все время зафиксирована лишь одна попытка похищения, причем неудачная, разгневанные граждане расправились с похитителями самочинно... Памятник расположен в сквере на улице... улица нам теперь ничего не скажет, там не улица... Ага, расположен в районе метро «Проспект Вернадского...» Сквер, разбитый в честь открытия нового гемологического центра... Прыщельга, не спи! Запоминай, зараза!

— Я запоминаю, — огрызнулся Егор. — Все запоминаю, проспект, рядом сквер, там еще сырный завод должен быть...

— Есть тут сырный завод, — Алиса ткнула в листок. — То есть не сырный, сырно-молочный комбинат «Молочные берега», один из крупнейших в Европе... Вам в эти «Молочные берега» как раз шлепать. То есть нам. Нашли?

Похоже, что нашли. Хотя я не думал, что с этим возникнут серьезные сложности, про такую выдающуюся собаку должны были знать многие. Вообще, я, наверное, должен был про собаку сам найти, в справочнике наверняка про это написано, все-таки знаменитый медицинский пес. Но Алиса меня опередила.

— Скажите спасибо, опарыши, куда вы без меня...

— Спасибо, — сказал Егор с готовностью.

— На здоровье, Прыщельга...

Алиса потрогала лоб, поморщилась, горячий, видимо.

— Есть еще кое-что, — сказала она. — Прыщельга, карту дай.

Егор достал карту. Мятую, изодранную, полинялую. Алиса брезгливо взяла ее двумя пальцами.

— Сразу скажу — это не я придумала, — предупредила она. — Я дурью никогда не маялась, я человек нормальный. Но некоторые у нас страдали. Сами понимаете, сейчас детей отсталых много появляется, все почти отсталые. От отсталых родителей — отсталые дети, да, Егор?

— Наверное...

— Не наверное, а точно, вы доказываете это своим примером. Ладно, смотрите.

Алиса расстегнула куртку, сунула руку за воротник, достала кругляк с птичьей лапкой. Пацифик. Такой, как у всех. Подышала на него, протерла о рукав.

Приложила к карте.

— И что? — спросил Егор.

Алиса достала карандаш. Красный. Послюнявила.

— Теперь вот так, — сказала она и стала рисовать.

Обводить то есть.

Не скажу, что я особенно удивился. Во-первых, я уже давно не удивляюсь, во-вторых, я и сам подозревал. Пацифик вписался в схему метро. Конечно, не совсем ровно, но очень, очень выразительно. Левый палец птичьей лапы проходил через станцию «Прспект Вернадского».

— Вот так, — закончила Алиса.

— Это же... Совсем недалеко от Варшавской...

Прошептал Егор.

Действительно недалеко. Несколько километров, меньше, рядом совсем.

Это здесь недалеко, — Алиса ткнула в карту. — А в жизни... Там сплошные развалины ведь, все равно не пройти. Что делать будешь, Рыбинск? Поверху не пройдем никак, надо в трубу лезть. И по тоннелю, напрямиком... Только вот у меня вопросик — где труба? Нет, я понимаю, что труба, она везде, но все-таки?

Глава 3 Снежное безумие

Проверим.

Веревка получилась прочная и длинная, почти сто пятьдесят метров, пока хватит, Алиса молодец. Кроме основного фала, связали еще петли, одним концом крепились к поясным ремням, другим к веревке. Алиса предлагала просто держаться, я был против — пальцы замерзнут — отпустишься — и все, метель слижет тебя, споет на ухо мягкую песню, от которой забудешь про жизнь, опустишься в добрую перину и сладко уснешь навсегда.

С собой взяли все, что могло пригодиться. Вырезанные из ковров и сшитые проволокой мешки, тяжеловатые, зато теплые, некоторое время можно даже на снегу продержаться. Дрова. Нарубили на дрова все подходящие койки, нащипали поленьев и кольев — на всякий. Крышку от плиты из тонкого железа. Книги. Нет, лечебный справочника, увы, не прихватил, для растопки взял две телефонных книги.

Больше ничего полезного в доме не нашлось.

Мы стояли в большой комнате на четвертом этаже. За ночь снег не перестал, но значительно просел под собственной тяжестью, поэтому общий его уровень не поднялся. Смотрели в окно, в него медленно вливался синий свет и вметался снег, и тишина.

— Спасибо этому дому, идем к другому, — прошептал Егор.

— Ага, — сказал я.

Привязал веревку к батарее хитрым узлом, надел снегоступы.

Поверх брони и китайского костюма натянул ковровый мешок с прорезями для рук и головы, сразу сделался неповоротливым и тяжелым.

Алиса и Егор последовали моему примеру, Алиса даже не выругалась.

— Держимся вместе, — повторил я. — Если кто оборвется, не паниковать, оставаться на месте. Друг от друга не отдаляться, я иду первым, Алиса за мной, Егор замыкает. Все очень просто.

Я сделал шаг, и снег тут же обнял меня и качнул вправо, попытался повалить. Я взмахнул руками, удержал равновесие. На секунду мне показалось, что в метели кто-то есть, живой, ждущий, но я быстренько взял себя в руки, я не верил в обитателей снегов. Это

только зима.

— За мной! — крикнул я через плечо в метель.

Через минуту показалась Алиса, а вслед за ней Егор.

Все. Отправились. За ночь снег подмерз, образовалась корка, шагать по ней оказалось легче, можно было почти скользить. Но мы не торопились, я делал небольшие шаги, не шире самого снегоступа. Отсчитав пятьдесят шагов, я остановился. Алиса и Егор подтянулись почти сразу.

Они походили на ходячие сугробы, наверное, я выглядел тоже так.

— Ни черта не видно! — перекрикивая ветер, объявила Алиса. — Прекрасная погода для прогулок! В Рыбинске вы все так бродите?!

Я не ответил. Передохнули минуту. Вообще передыхи — штука опасная, ветер мгновенно выдувает тепло, продержаться в метель очень сложно. Мешки помогают, они выполняют роль шубы, сдерживают холод... Но и смерзаются. Я это почувствовал, ковер стремительно утрачивал гибкость, я шагал точно в деревянном пиджаке, к тому же сшитом изрядно не по размеру. Я вдруг едва не рассмеялся, рассмеялся бы, побоялся подавиться студеным воздухом. Деревянный пиджак — прекрасная примета. Если Алиса догадается, запилит безжалостно. Ладно, пора двигаться.

Через семьдесят неровных шагов веревка натянулась, мы остановились. Собрались вместе, сдвинулись в своих ходячих гробах.

— За руки возьмитесь! — велел я. — Не отпускаяйтесь!

Я дернул самодельную веревку особым образом, на другом ее конце распустился узел, вбил в снег кол и привязал веревку уже к нему. Пошлепали дальше.

Пока все шло неплохо. Я не очень замерз, лямка не оборвалась, никто не отстал. Немного неприятно было чувствовать себя оторванным от здания, ладно, проберемся... Веревка натянулась еще раз, затем еще раз, она натянулась пять раз. Мы остановились, собрались в кружок.

— Заблудились, — высказался Егор.

Алиса промолчала, может, у нее смерзся рот, не смел надеяться на подобное счастье. Что им сказать, я не знал. Мы никуда не вышли, но мы и не заблудились — ведь мы не знали, куда следует идти.

— Идем дальше.

— Куда? — поинтересовался Егор.

— Туда, — я махнул в сторону снега.

Пошагали.

Через час сделали остановку. Из снега так ничего и не показалось.

Мы продвинулись, по крайней мере, на километр, если судить по тому, сколько раз я сматывал натянувшуюся лямку и втыкал в снег очередную обструганную ножку от стула. И за этот километр мы ничего так и не обнаружили. Если тут и был какой-либо дом, то его замело с потрохами. Надо было погреться, если этого не сделать, то через полчаса замерзнем. Опять установились кругом. То есть треугольником. Сверху натянули кусок полиэтилена, на снег положили железный лист, на него дрова.

Костер упорно не разводился. Воздух слишком сыр и холоден, воздух не хотел кормить огонь. Я вырывал из телефонной книги разноцветные листы с адресами и цифрами, с объявлениями о ремонте стиральных машин, о строительстве домов из бруса, о передержке собак, комкал их и подсовывал под щепки. Чиркал огнивом. Искры высекались обычные, горячие и шипящие, они въедались в бумагу, оставляя широкие дырки, я дул на них, стараясь вызвать пламя. Не получалось. Я дул снова и чиркал, чувствовал, как коченеют пальцы, старался сжимать кулаки. Снова рвал бумагу, сворачивал ее в трубку, чиркал.

Получилось. Огонь зацепился за краешек, потек дым, я дунул, стараясь попасть в ритм дыхания. Пламя побежало по бумаге, я свернул трубку плотнее и подсунул ее под щепу. Через несколько минут костерок разгорелся, я установил котелок и залил воду.

Чая дожидаться не стали. Вода разогрелась до первых пузырьков, пили по очереди.

Выдули по литру, в животе потяжелело.

Дальше. Шлеп, шлеп. Наверное, раньше это все выглядело совсем по-другому. Люди, кажется, на собаках зимой ездили. Усаживались в специальные сани, укрывались непромокаемым пологом, разводили маленькую печку — и погоняли псов, впряженных в длинные лямки. Удобно и быстро. А на таких снегоступах только в гости ходили...

Я старался держаться выбранного направления. Шлеп, шлеп, топ, топ. Немного выбрался вперед, мне казалось, что так моим недобитым легче — за моей спиной образуется безветренный пузырь, в нем меньше сдувает. У Алисы еще жар, с жаром по холоду бродить крайне трудно.

Веревка дернулась.

Я оглянулся. Алисы нет. Я видел Егора, пробиравшегося ко мне, Алису не видел. Егор что-то кричал и размахивал руками, указывал вбок.

Подошел к нему.

— Она отцепилась! — крикнул Егор. — И туда! Туда!

— Стой на месте!

В метель можно только орать. Снег глушит звук лучше любой ваты, мы орали.

— Стой здесь! Здесь! Ни шагу! Два раза за веревку дерну — иди ко мне, понятно?

Егор кивнул.

Я перехватил веревку и двинулся за Алисой. Снежное безумие. Не видел, не слышал. От избытка белого цвета. Человек не может долго переносить белый, красный и черный, в голове что-то перещелкивает, и начинают происходить странные вещи. Обычно это зов. Человек слышит голоса. Мертвых, тех, кого ты любил, кого не можешь забыть. Голоса выманивают в снег, и человек замерзает. Если сразу перехватить не удастся...

Попытался разглядеть следы, нет, никаких. Надо торопиться. Вряд ли она успела далеко убежать, найду, настучу по шее...

Из снега выступило высокое и темное. Терялось, уходило направо-налево, стена, кажется. Алиса сидела в снегу, махала рукой. Я дернул два раза за веревку, приблизился к этой дуре.

— Ты что, совсем рехнулась? — спросил я.

Алиса махнула рукой.

— Увидела это, — Алиса постучала по стене. — Думала, дом...

Голова у Алисы походила на снежный кочан, сквозь маску не видно лица.

— А это не дом...

Показался Егор. Тоже снеговик, понятно теперь, как снеговики случаются, уходил кто-то, замерзал и становился снеговым. Вот мы все сейчас замерзнем возле этой стены, и вьются три снеговика.

— Ты чего убегаешь?! — с обидой спросил Егор. — Нельзя же разбежаться в снегу, это всегда известно...

— Я дом нашла! — огрызнулась Алиса. — А ты что в своей жизни нашел, кроме блох под коленками?!

— Пойдем направо, — сказал я.

— Давайте отдохнем, — попросила Алиса. — Я устала...

От холода всегда устаешь.

— Останавливаться нельзя, — напомнил я. — Надо двигаться. Двигаться, или замерзнем. От стены не отставайте, держитесь за веревку, пошевеливайтесь.

Я направился направо. Алиса и Егор за мной.

Стена тянулась. Ровная, почти однородная, мы шагали и шагали, сначала я считал шаги, потом бросил, от мороза в голове плохо шевелились шестеренки. Мы шагали, а потом уже волоклись, стена продолжалась, и конца ей не предвиделось. Егор начал падать, запинался, стучался о стену, валился, и мы с Алисой выковыривали его из снега и подталкивали вперед.

Алиса держалась неплохо. Хотя Алиса человек вообще надежный, ну, разумеется, в

определенных рамках. Брели. Через некоторое время я стал подозревать.

— Мне кажется, это круг, — крикнул я. — Дом круглой формы, я видел такие...

Егор с чего-то рассмеялся и тут же закашлялся, захлебнувшись воздухом.

— Наверное... — согласилась Алиса. — Вряд ли такая длинная стена. Если это круглый дом, то мы хорошо сбились — теперь нужного направления не определить вообще...

— У нас его и не было, — тут же возразил Егор. — Какие направления... Надо что-то придумывать...

Я и без него знал, что надо что-то придумывать. Только вот не мог ничего.

— Давайте еще воды поьем, — предложила Алиса. Здравая идея, воды попить — это неплохо. Я разложил на снегу железный лист, собрал костер, попытался развести огонь. В этот раз вообще ничего не получилось. Пошевелил пальцами. Еще не отморожены, но двигаются уже с трудом, да...

Алиса попробовала, огонь не откликнулся. Егор не стал, потому что снег, в котором он извалялся, начал смерзаться и превращаться в крепкую ледовую коросту, шевелился Егор еле-еле.

Над костром мы бились, наверное, с полчаса, бросили, Алиса отвалилась к стене. Я достал патрон. Почти драгоценность. Выковырял пулю, насыпал пороха на дрова. Бумагу подложил, чиркнул. Порох помог. Дрова вспыхнули и загорелись, занялись, и тут же порыв ветра проглотил пламя. Алиса выругалась. Я забрал у Егора еще патрон, и снова загорелось, Алиса, Егор и я окружили огонь ладонями, но это не помогло, ветер задул и этот. — Спиртом надо, — предложил Егор. — Плесни чуток.

— Здесь не загорится. Спирт испарится.

— Тогда все, — невесело сказал Егор.

— Пойдем дальше. Вдоль стены больше не пойдем... Туда...

— А что у нас осталось? — поинтересовался Егор.

— Да, что у нас осталось? — спросила Алиса.

— Несколько патронов. Граната...

— Граната — это прекрасно! — прохрипела Алиса. — Предлагаю сесть в кружок и выдернуть чеку. И сразу отправиться на небо. В космос. На Луну... Как вы думаете, на Луне есть снег?

— Там тоже холодно, — сказал Егор. — Я читал, там еще холодней, чем здесь. И воздуха там нет, мы бы уже давно задохнулись.

— Мне кажется, я что-то видел... — вмешался я.

Ничего я не видел. Ничего. Начало темнеть, свет стремительно утекал из мира, скоро мы окажемся в темноте, побредем сквозь нее, ненужные и заброшенные. Не видел, но следовало задать направление.

— Там, — я махнул рукой перед собой. — Туда.

Туда.

— А почему не оттуда? — спросила Алиса. — Или не обратно?

Снег начал меняться. Видимо, холоднее стало, и снег теперь налипал гораздо сильнее, приходилось часто останавливаться, обтряхивать снегоступы и друг друга. Егор продолжал падать, спотыкался почти на каждом шагу. Алиса тоже. Из-за снега, он оседал на плечах, на спине, он покрыл ковровые мешки толстым слоем. Да и сами мешки начали промокать, набирали воду и одновременно тяжесть, надо было избавляться от них.

— Стоп!

Замерли. Ходячие сугробы.

— Надо раздеваться, — сказал я. — Или через полчаса вмерзнем.

Достал нож, срезал проволоку, ковер спал с меня, стало легче, гораздо. Скоро начнется холод, поэтому лучше поспешить. Куда-то...

Я срезал ковер с Егора, повернулся к Алисе.

— Ладно... — сказала она.

Срезал с Алисы.

— Вперед! — скрипнул я зубами.

Шагать без балахонов оказалось гораздо легче. Но и холоднее. Стоило поспешить. Чтобы прийти хотя бы куда-то. Требуется укрытие, причем срочно, срочно. Может, это была плохая идея, идти в пургу. Шаг за шагом, хрусть, хрусть. А других идей нет.

— Эй, Дэв! — позвала Алиса.

Я обернулся.

Ноги двигались все хуже, с трудом выдирались из снега, каждый шаг отнимал силы, да и стоять тоже было нелегко, снег давил на плечи, стряхивать его приходилось почти каждую минуту.

— Дэв, — Алиса приблизила ко мне лицо. — Дэв, послушай...

Зубы стучали Громко. Все, выстудилась.

— Что?

— Мы, кажется...

Алиса замолчала. Я подтянул к себе веревку. Обвязал ее вокруг пояса Алисы, обвязал ее вокруг Егора.

— Держитесь, — сказал я.

И поволок их за собой.

Очень скоро мы встали окончательно. Из-за колен, они замерзли. Во всяком случае, я чувствовал так. Коленная жидкость загустела, и в глазах тоже густеть начинало, хотя, кажется, что температура росла.

Егор дышал с хрипом, Алиса пошатывалась.

— Привал, — объявил я. — Десять минут... Следите друг за другом.

Я осознавал опасность. Вполне. Уснуть, вмерзнуть. Но отдохнуть тоже надо, иначе можно уснуть на ходу, свалиться и очнуться уже на том свете, в облаках, в райской пене.

Остановился и сел, поджав ноги и сложив руки на груди. Я уснул мгновенно, глаза не успел закрыть, в холод не только пить хочется, но еще и спать. Отключился, стек в озеро жидкой нефти, на самое дно...

Проснулся от крика, от визга то есть. Егор верещал, некоторые умеют верещать. Звук долго пробивался в мою голову, через слои сна, усталости, липкого безразличия, много еще чего накопилось, звук звенел в ушах, и снег не мог остановить его.

— Дэв! — орал Егор издалека. — Дэв! Проснись!

Глаза не открывались. Кажется, я плакал во сне, ресницы смерзлись и расцепить их не осталось сил.

— Дэв! Она украла гранату!

Алиса украла гранату, на Луну собирается, там холодно...

— Она хочет взорваться!!!

Я открыл глаза, с треском и болью.

Вокруг плыла синяя снежная мгла. Я огляделся и не увидел никого, ни Алисы, ни Егора. Егор снова заорал, уже что-то неразборчивое, булькающее. Я потер глаза и хлопнул по щеке, ничего не изменилось.

Егор закричал за спиной, я обернулся и только сейчас их увидел. Они дрались. Сцепились и возились в снегу, мне показалось, они что-то делили. Граната, вот оно что. Алиса боднула Егора в лоб. Конечно, на нем был шлем, и на Алисе тоже шлем, они стукнулись шлемами, но Егор обмяк, и Алиса вырвала из его рук черное, теперь и я увидел — граната.

— Дай мне, — сказал я.

Голос сел, так что я, наверное, не сказал, а прошептал.

Алиса тоже что-то сказала, только я не услышал, слух, наверное, тоже замерзает.

Она сдернула маску, и ветер тут же раскидал ее волосы. Она показала мне гранату, ухмыльнулась дико, дернула за кольцо.

Нет, это, определенно, снежное безумие. Достало, зацепило, теперь у нее в голове поют

свои дикие песни сирены, обещают, зовут, насмежаются, велют взять гранату, обнять гранату, станцевать с ней быстрый зажигательный танец. А пальцы у нее замерзли, это видно, ногти почти фиолетового цвета, долго она такими пальцами гранату не удержит. Еще чуть, и разожмет.

Срыв. Она все-таки сорвалась...

Я шагнул, она отступила, я шагнул еще, а потом сразу прыгнул. Сбил Алису с ног, обхватил, и мы покатались по снегу. Пытался поймать ее руки, Алиса не давалась, хохотала, порывалась меня укусить, кричала что-то неразборчивое, определенно снежное безумие, потом я все-таки поймал ее за руки. Граната оказалась теплой.

— Отдай!

Алиса не уступала. Тогда я поступил просто — вывихнул ей мизинец, думал сломать, но нет, проявил человеколюбие. Алиса вскрикнула, я вывернул из ее пальцев гранату и отшвырнул в сторону, как можно дальше.

— Ложись! — крикнул я Егору.

Взрыв в снегу прозвучал глухо, игрушечно, нас засыпало твердыми ледяными комьями, и тут же мы ухнули вниз. Наст провалился, все вокруг провалилось в белую яму, точно разверзлась под нами круглая ледяная пасть.

Если бы не снег, мы бы разбились. Потому что падали мы долго, секунды полторы. Под нами оказалась многометровая перина, она смягчила удар, я его вообще почти не почувствовал, гораздо болезненнее оказался снег, обрушившийся сверху.

От встряски я начал думать скорее. Несколько секунд, именно столько у нас оставалось. Снег продолжал сыпаться, вот-вот он должен был сползти на нас лавиной — слишком много его скопилось на поверхности.

Стадион. Очень похоже. Я видел такое. Стадион со стеклянной крышей, чтобы можно на коньках и летом кататься, их много настроили. Крыши на снег не рассчитаны, просели, а тут как раз и граната. Провалились. Повезло. А может, и нет.

Я выдрался из сугроба и почти сразу наткнулся на Алису. Она лежала лицом вниз, рот был забит снегом, некогда разбираться, я схватил Алису за шиворот и поволок в сторону. Почти на ощупь. Наткнулся на столб, оставил ее под ним. Вернулся в снег. Темнота сгущалась. Сверху еще немного пробивался свет, но с пребывающим снегом его становилось все меньше. Егора не видно.

Я стал разгребать снег. Егора могло завалить глубоко, он мог уже задохнуться, слишком много, слишком много снега...

Звон.

Назойливый и веселый, не зря его Егор таскал, не зря, теперь в его коллекции будильников появится новый достойный образец — тот, что спас жизнь хозяина. Будильник звонил совсем рядом, я нырнул в снег, нащупал ногу Егора и принялся откапывать. Показалась вторая нога, я схватился за обе, потянул, вывернул Егора на воздух. То же самое. Захлебнулся.

Отволок его к Алисе.

Надо спешить. Карбидка не загоралась, вода в баллоне замерзла. Скоро стемнеет, нужен огонь...

Огляделся. Нужно что-то поджечь, срочно, хотя бы для света...

Справа темнели непонятные фигуры, сначала мне показалось, что люди, фигуры в человеческий рост, некоторые выше, я выхватил нож и шагнул к ним, не хватало на каких-нибудь стадионных упырей наткнуться. Но это были не призраки.

Елки. Повезло, провалились в подземный лес, где растут елки. Смолистые деревья, горят — лучше не придумашь, я шагнул к ближайшей.

Ненастоящие. Пластмассовые. Сначала не поверил, что так может быть, зачем кому-то игрушечные елки... Но размышлять было некогда. Сорвал с пояса бутылку со спиртом, плеснул на деревцо. Чиркнул огнивом. Елка нехотя разгорелась. Я вернулся к Алисе и к Егору. Проверил пульс. Прослушивался у обоих, значит, только сознание потеряли, это

хорошо. Ножик. Сунул в горящую хвою, досчитал до десяти. Наклонился над Егором, приложил кончик ножа ему к щеке.

Егор заорал, сел, схватился за лицо. Жив.

— Ты что делаешь?! — ословело спросил он.

Я хлопнул его по носу, по кончику, чтобы не сломать. Чтобы кровь потекла, чтобы больно стало, кровь согревает, боль будоражит мозг.

— Ты что? — тупо осведомился Егор. — Зачем дерешься?

Я поймал его за уши и как следует дернул.

Егор заорал. Все, значит, в порядке. Конечно, может, у него там внутри оторвалось что-нибудь, но это после.

Занялся Алисой. Тут ножом прижигать нельзя, не хотелось, поэтому я стал просто растирать уши. Потеряла сознание, переохладилась, может и не очнётся. Надо согреть.

Егор поднялся на ноги.

— Огонь разведи! — приказал я.

— Из чего?

— Из елок. Поищи, нужен костер с ровным жаром, лучше три штуки вокруг, ты знаешь.

Егор принялся рубить пластиковые елки. В жизни не видел ничего глупее — рубку пластиковых елок. Хотя похоже, что горят они неплохо, мне хотелось подумать — зачем их вообще используют, наверное, для красоты, наверное, ими топят праздничные печи, но времени на это не оставалось. Заняться Алисой. Кожаная куртка задеревенела, снималась с хрустом, ее бы молотком отстучать... Разрезал подмышками, содрал. Под курткой оказался полосатый свитер, не знаю, где Алиса его раздобыла, мне понравился, с высоким горлом, сразу видно, что теплый. Девчонки в одежде разбираются, этого не отнять. Одежды-то уже толком не осталось, а они в ней разбираются... Наверное, это природа.

Свитер сухой, снимать смысла нет, я подхватил Алису на руки, нечего на холодном полу валяться. Хорошо бы сейчас бумаги. Старый мир был богат бумагой, мы попали в часть старого мира, надо поискать вокруг.

— Егор! — позвал я.

Егор отстал от елок, повернулся.

— Сделай факел из елки, — приказал я.

Егор принялся вертеть факел.

Я продолжал держать Алису. Она была не очень тяжелая, но я в последнее время изрядно ослаб, не очень удачный выдался год, не очень удачная выдалась жизнь. Наверное, долго я ее не смогу удержать. Минут пять еще.

— Давай скорее! — попросил я.

Егор намотал факел, поджег, протянул мне. Я перекинул Алису на плечо, взял огонь.

— За мной.

— А костры? А елки?!

— Прихвати пару штук.

Я двинулся вперед, раздвигая темноту факелом.

Это оказался совсем не стадион. Не знаю, для чего это предназначалось, для общих собраний, скорее всего. Слишком много пространства. А предметов мало. А те, что есть, непонятно к чему предназначаются. Никакой бумаги. Скорее всего, тут уже побывали, все полезное давно вынесли, осталось барахло. Гитары. Швейные машины, я не знал, как именно они выглядят, но так было написано, и еще написано, что они хорошие, шьют в два стежка. Керамическая плитка. Ванны. Видимо, все-таки не общественный центр, магазин. Наверное, строительный, или что-то в этом роде. Тачки, насосы, лопаты. Здесь было полным-полно лопат, причем всяких — больших, маленьких, ломов, цепей — целый отдел посвящался цепям — зачем раньше столько цепей требовалось? Ничего из всего этого не подходило. Алису требовалось срочно согреть. Немедленно.

— Может, ее растереть? — спросил Егор.

Сзади грохнуло, в спину ударил холод. Снег, скопившийся вокруг дыры, провалился внутрь, вовремя убрались.

— Растереть! Спирт же еще остался...

— Поздно растирать. Ей сейчас нужна вода горячая.

— А если его выпить? — Егор потрогал горло. — От спирта ведь тоже тепло становится.

— Нельзя, сердце может не выдержать. Сюда. Ох ты...

Это был отдел холодильников. Они стояли рядами, как белые, хорошо почищенные зубы, я свернул к ним, холодильники — то, что надо. Алису положил на подвернувшийся стол, велел Егору караулить, чтобы не навернулась, и осторожно потирать ей уши.

— Зачем нам холодильники? — глупо спросил Егор. — И так холодно...

Я не ответил, выбрал самый большой, в полтора человеческих роста, широкий, похожий на корабль. Уронил. Холодильник грохнул. Я, напрягшись, перевернул его, открыл и принялся выдирать потроха — решетки, стекла, полки.

— Что ты делаешь? — Егор теребил Алисе уши. — Ты что, ее еще сильнее заморозить хочешь?

Холодильники не так просты, как всем кажется, этому меня еще Гомер научил. Однажды нам повезло, еще там, в Рыбинске, мы наткнулись на хранилище холодильников. Скорее кладбище. Множество, три старых ангара заполнены. Никто бы и внимания не обратил — ну, холодильники, и что? Но Гомер был человеком искушенным. И в ту зиму мы горя не знали — перетащили в нашу нору холодильники и спали в них. Оказалось, что вопреки названию в холодильниках очень даже тепло, они не только холод могут внутри удерживать, но и жар. Нагреваешь перед сном четыре, а лучше шесть бутылок с водой, укладываешь их в шкаф, залазаешь сам, закрываешь крышку — и спишь. Главное, не пережать дырки для воздуха. Тепло, сухо, тихо, одним словом, удобно. Мы бы и следующую зиму в этих гробах... то есть в холодильниках проспали, однако в них завелась плесень, а в самом хранилище потолок обвалился, все раздавило.

Я приблизился к Алисе. Нет, в себя не пришла, плохо.

— Может ее тоже? — кивнул Егор. — Ножичком прижжем? Не щеку, руку...

Я ущипнул Алису за мочку уха. Не ущипнул, скрутил, смял, сильно, стараясь не оторвать. Открыла глаза.

— Слышишь меня?! — спросил.

Алиса моргнула.

— Еще немного потерпи. Сейчас согреешься.

Мне тоже не мешало бы согреться, пальцы почти одеревенели, сунуть бы в огонь, ладно...

Я подхватил Алису, перенес ее к холодильнику, бережно сгрузил внутрь.

— Не думала, что он будет белым, — прошептала Алиса. — Рыбинск, ты теперь мой герой...

Я захлопнул крышку.

— Через каждые две минуты приоткрывай! — велел Егору. — А то задохнется. Понял?

— Да, конечно. А ты...

— Я за топливом.

Факел догорал. Я свернул другой, из ножки стула и длинной тряпки, свисающей с потолка. Холодильники новые. То есть тогда они были новые, а у всех новых вещей имелась упаковка, просто так люди ничего не хранили. Я не ошибся. В конце холодильного магазина оказалась дверь, за дверью склад. Также холодильники. И картон. Много толстого картона.

Через полчаса у нас была горячая вода. Целая кружка. Алиса выпила, улыбнулась и собралась уснуть, я велел Егору дергать Алису за нос каждый раз, как она будет закрывать глаза. Картона на складе оказалось много, горел он хорошо. Плавил снег, поили Алису, пили сами. Кроме картона имелась упаковочная бумага, мы забили ею весь Алисин холодильник, все пространство между Алисой и стенками. Для утепления.

Надо было согреть ее еще. Огляделся еще, повнимательнее. В углу поилка. Раньше поилки ценились, в каждом магазине стояла большая многолитровая бутылка, а под ней стаканчики и два крана, один для горячей, другой для холодной. Я оторвал бутылку.

В котелке оставалась вода, кипяток, литра четыре, я влил ее в бутылку, закрыл, встряхнул, чтобы тепло распространилось по стенкам. Сунул бутылку Алисе, велел обнять, она послала меня в неизвестном направлении, но бутылку обняла. Продолжил греть воду. Егор бегал за снегом, я плавил его на быстром огне из картона, нагревал до кипения, вливал в пластиковую банку, возвращал Алисе.

Постепенно мы отогревались. Я сдвинул холодильники в круг, отломал дверцы, получился экран, плохо пропускавший тепло, я чувствовал, как размораживаются волосы, пальцы на ногах, руки, как исчезает пар изо рта. Егор бегал за снегом уже без рукавиц.

Оттаивала и Алиса. Я пробил в дверце холодильника дыру ножом, и теперь Алиса могла дышать и ругаться одновременно. Примерно так:

— Лучше бы я сдохла там. Нет, лучше бы вы там сдохли. Нет, не так, лучше бы вы все сдохли восемь лет назад. Лучше бы вы вообще никогда-никогда...

У меня к этому выработалась привычка, а Егор еще прислушивался, ему было еще интересно.

Я нагрел воды и занялся приготовлениями к ночевке. Спать, это первоочередная задача, мозг требовал отдыха, мышцы тоже. Я уронил еще два холодильника, выбрал попросторнее, один для себя, другой для Егора. Прodelал дырки в дверцах, набил бумагой внутренности. Егор свалился мгновенно, захлопнулся и тут же захрапел, громко и счастливо.

Я приготовил картона на утро. В холодильнике, конечно, тепло, но снаружи все выстудится... В холодильнике оказалось не только тепло, но еще и удобно, я даже смог вытянуть почти на всю длину ноги. Захлопнул дверцу. Попробовал дышать. Дышалось легко. Все, можно спать.

Тук-тук.

Справа в холодильнике лежала Алиса, я тоже постучал ей в ответ.

Глава 4 Слизни

Я открыл глаза. Темно. Тесно. Кругом бумага. Некоторое время я не мог понять — где я, если совсем честно, то думал, что в гробу. И что самое удивительное — не хотелось мне из этого гроба выбираться, совсем то есть. Хотелось лежать, переворачиваться сбоку на бок, сквозь тепло и тишину видеть сны и не просыпаться. Здорово бы — уснуть в холодильнике, засохнуть или замерзнуть, чтобы потом разморозили, в новом мире, вот счастье.

Попробовал поспать еще, и получилось, ненадолго, успел увидеть всего один лишь сон, про воду. Наверное, про потоп. Вода была везде. Капала с потолка, собиралась в струйки на стенах, прибывала непонятно откуда снизу, вливалась сквозь открытые окна, и я совсем не знал, что делать, стоял и смотрел, как она поднимается.

Когда поднялась до колен, я проснулся во второй раз. Некоторое время думал, что меня действительно затапливает, ногами пошевелил, стараясь понять, пальцы растопырил. Сухо. Но просыпаться пора, остальные уже проснулись — в вентиляционной дырке плясали световые отблески и слышались голоса, Алиса и Егор о чем-то негромко разговаривали, я не разобрал. Меня не будили, а сам я не спешил. Иногда свет перекрывался, и я видел бледное ухо — то ли Егор, то ли Алиса проверяли — не задохнулся ли их предводитель. Чувствовал острую потребность в это ухо дунуть, но спросонья не хотелось слышать ругань и вникать в суету.

Я полежал еще немного, наслаждаясь последними минутами покоя, откинул крышку, сел.

— А вот и спаситель мира, — сказала Алиса обычным голосом. — Восстал из склепа поутру, ах, мама, я сейчас умру.

— И ты будь здорова, — ответил я и поднялся.

Посреди белого царства холодильников горел костер, над ним поворачивался и парил котелок, у огня на пластиковых креслах сидели мои друзья, Алиса и Егор.

Егор угрюмо смотрел в пламя, поворачивал горящую бумагу.

— Она тебя обижала? — спросил я.

Егор помотал головой.

— Надо мне его обижать, — хмыкнула Алиса. — Мне и без него дышать не весело, а тут его еще обижай, старайся. Прыщельга в холодильник напрудил. Застудился, наверное.

И хотя Алиса сказала это совсем не обидно, Егор отвернулся. Стесняется. Не оправдывается, а мог бы вполне сказать, что просто вспотел.

— Я сам едва не обделался, — сказал я. — Это от холода. Почки, наверное, приморозили.

— У меня спина болит, — пожаловался Егор.

Алиса сочувственно помотала головой.

— Пройдет, — успокоил я Егора. — Я сто раз обмораживался, и ничего, жив.

— Горло еще болит... — Егор потрогал шею.

— Нечего было снег жрать! — вставила Алиса.

— Пить хотелось...

Я подсел к костру, протянул руки к огню. Хорошо тут, в белом круге холодильников, тепло, по-домашнему. Как только выбраться.

— Странно, что крыша не провалилась, — сказала Алиса. — Не вся то есть провалилась. Обычно от меньшего снега крыши гнутся... Не трещит даже.

— Просто мы под землей, — хрипло сказал Егор.

Скорее всего, так оно и есть. Поверхность была слишком занята, магазины размещали под землей. И рядом со станциями метро, чтобы людям удобно добираться. Надо искать.

— Я видел такое, — Егор указал вверх. — Под землей магазины, а в центре купол стеклянный. Наверное, он и провалился.

— Надо искать выход, — сказала Алиса. — В гробах, конечно, тепло, ничего не скажешь. Но как-то... Сдохнешь в этом ящике, через сто лет откапают, подумают, что дура... Не хочется.

— Через сто лет мне будет все равно, — Егор потер горло.

— Тебе все равно, а мне нет. Я не хочу уснуть в холодильнике, я хочу в склепе.

— В чем? — не понял Егор.

— В склепе. Это такая каменная могила с дверью.

— Зачем в могиле дверь? — продолжал не понимать Егор.

— Затем, чтобы гулять выходить. И чтобы колокол, я читала, раньше любили хоронить с колоколом. Если ты вдруг оживешь, так сразу в колокол звонить начинай, чтобы живым веселее шагалось. Рыбинск, а ты как хочешь, чтобы тебя похоронили?

Спросила Алиса.

Никогда над этим вопросом не задумывался особо. Какая разница, как тебя похоронят? Тебе-то все равно уже.

— Как? — продолжала приставать Алиса.

Я не ответил. Алиса отоспалась, отогрелась и пришла в ехидное состояние души.

— Я знаю! Я сейчас расскажу!

В хорошем настроении Алиса, это хорошо. В хорошем настроении люди легче переносят приближение смерти.

— Во-первых, ты хочешь героической смерти. На тебя кинутся сонмы зубастых чудищ, и ты падешь смертью храбрых, сраженный ядовитым когтем... Нет, от тебя вообще останется только нога!

Алиса хихикнула.

— Мужественная нога героя! С нее сделают слепок, отольют из золота и сделают предметом поклонения. Влюбленные пары станут натирать твой большой палец для того,

чтобы у них рождалось здоровое потомство. Матери станут приносить детей к твоей золотой ноге — для избавления от запоров и кожных клещей...

Я подсунул баллон с водой поближе к огню. Пока вода разогревалась, пил кипяток. Хорошо среди зимы и беспробудного холода попить кипяточку. Послушать Алису тоже неплохо, смешно сплетает, интересно, фантазия есть. Все-таки в нас много сохранилось от того, прежнего человечества. Кто-то умеет фигурки вырезать, кто-то сказки рассказывает, оружие умеют чинить, доктора разные.

— ...А настоящую его ногу тоже не выкинут, — продолжала рассказывать Алиса. — Ее засушат в особом жарочном шкафу, а потом разоймут на мелкие кусочки и в каждом достойном доме станут хранить засушенные частицы. А у кого будет палец...

Алиса закатила глаза.

— А если у кого сохранится палец... Кстати, вы пальцы отрезанные выкинули?

— Да, — сказал Егор. — Я как-то не подумал...

— Это ничего. Это как раз для тебя нормально, твой старший Друг — Алиса кивнула на меня. — Твой старший друг тоже всегда так делал. Не думал. Сначала стреляешь, а потом уж смотришь — вот главный принцип. Слышь, Дэв, у тебя еще ничего не отсохло? Не отмерзло? А то загодя надо запастись частями тела героя, потом нарахват будет...

Я едва не рассмеялся — гладко Алиса сочиняла, просто поразительно. Ей бы в эти журналы сочинять, где красавицы убивают чудовищ, там как раз все такое, вранье и смешное еще в придачу. А что? При нормальной-то жизни... Кто знает, кем бы мы стали. Нет, я, конечно, был бы водопроводчиком, Алиса бы сочиняла истории. Егор... Егор. Не знаю, чем он бы занимался. В зоопарк бы устроился, слоноводом, или слонистом, как там правильнее.

— Ничего смешного, — тут же сказала Алиса, уставилась на меня. — Ничего смешного во всей этой ситуации нет. Кроме того, что твой воспитанник Прыщельга не думает, так он еще и мочится по ночам. Знаешь, чем нам это грозит?

Я не мог понять, чем нам может грозить недержание Егора, но Алиса тут же пояснила:

— Вши. У зассатиков всегда заводятся вши. Еще пару раз... И все. Это закон. А потом эти вши на нас переползут, размножатся и начнут целыми стадами туда-сюда бегать... Это омерзительно.

— У меня нет вшей, — сказал Егор почти шепотом.

— В каждом человеке сидят вши, — авторитетно заявила Алиса. — В коже находятся яйца, и если не мыться или слишком часто мочиться во сне, то из яиц вылупляются вши.

— Не переживай, сейчас зима, — успокоил я Алису. — К тому же ко вшам быстро привыкаешь.

— Я не намерена привыкать ко вшам, я не в Рыбинске выросла...

Алиса пустилась рассказывать про свое детство, которое прошло не в Рыбинске, а во вполне себе приличном месте, где вши являлись исключением, а не обыденностью существования, я решил немного прогуляться.

Взял двустволку с последними патронами, зажег лампу.

— Я с тобой, — тут же сказал Егор.

— Идите-идите, — Алиса помахала рукой в воздухе. — Я пока тут проветрю все, я не собираюсь по этим подземельям рыскать, я не крыса, я человек...

На плечо Алисы вползла Чапа. Она опять не очень похудела, такая же упитанная и веселая, глазки блестят. Крысы вообще могут чем хочешь питаться, хоть камнями.

Алиса подкинула картона в огонь.

Я сдвинул холодильник, и мы выбрались из теплового круга.

— Закройте дверь, вшиги!

Задвинули холодильник обратно, пошлепали по коридору, не спеша, осторожно, кто его знает, что тут завелось... Обычно подземелья изобилуют поганью во всех ее проявлениях, а патронов мало.

Для начала вернулись туда, где мы провалились.

Центральный зал был завален снегом, вернее сказать, зала совсем не оказалось, просто

снег, спрессованный, плотный, почти уже окаменевший. Вокруг тянулся широкий коридор, в который выходили двери магазинов, мы начали осмотр.

Строительный магазин. Большинство полезных вещей уже успели растащить, но выбор в магазине оказался настолько велик, что растащить все совершенно не получилось. Запаслись несколькими полезными штуками. Топориками с пластиковыми красными рукоятками, удобные, не очень привычные к руке, ну да ладно. Лопатками, я прихватил три штуки, разбирающиеся, очень удобные, занимают мало места, но раскладываются в одно движение.

Каски вот.

Я сохранил шлем, Алиса и Егор потеряли свои в снегу. Отыскать настоящий боевой шлем в наши дни почти невозможно. Оружия вот полно, его слишком много завезли в город в последние дни, а шлем... Редкая вещь. А без него никуда, голова у человека самое слабое место. Алисе я выбрал оранжевую пластиковую каску, Егору белую, чтобы различать их.

Строительные пояса. Я не знал, зачем они могли нам понадобиться, но пояса мне понравились. Широкие, кожаные, крепкие, со множеством петель и карабинов.

Искали спички, искали керосин, растворитель, бесполезно, эти припасы употребили задолго до нас. Сохранилось несколько баллончиков с полиролью, выдохшиеся, само собой, никаких других горючих жидкостей.

В самом дальнем конце нашли действительно полезное. Утеплитель для стен в пухлых рулонах. Не знаю, почему это не успели стянуть, возможно, воры наведывались сюда летом, утеплитель сохранился. Вырезали три длинных в два роста куска. Скрепили степплером по краям. Спальные мешки готовы.

У меня улучшилось настроение. Егор оставался мрачным, молчал, вонял. Стыдно ему, перед девчонкой особенно. Надо найти Егору новую одежду. И что-нибудь шерстяное, чтобы почки подвязать, с почками не шутят.

Дальше.

Странный это был подземный магазин, никогда такого не видел — слишком всего оказалось намешано. Сразу за строительным отделом начался пузырьчатый. Все стены заняты полками с небольшими бутылочкам, в бутылочках разноцветная вода. Мы открыли некоторые, разноцветная вода, все. Зачем держать разноцветную воду? Или это пузырьками торговали? Некоторые красивые.

Отдел одежды. Всю сожрала моль, одни вешалки остались, ладно, потом когда-нибудь переоденется, не к спеху. Да и не пахнет, кстати, пока.

Туристическая лавка. Найти нерастащенную туристическую лавку почти невозможно, и сейчас не повезло. Не осталось почти ничего. Удочки. Кепки. Крючки. Дурацкие майки. Маленькие ножики. Егору удалось найти зажигалку, бензиновую, но нерабочую, вот и вся добыча.

Дальше.

Дурной отдел. Заполненный поддельными растениями. Не обычными пластиковыми цветами, которые мне очень нравились, а вьюнами, березками, земляникой, незнакомыми лианами, зачем они вообще нужны?

Посуда.

Посудные отделы, по большей части всегда бесполезные, с тяжелыми железными кастрюлями, которые используются на плите, а в походе никакого толка от них нет. Ножи все уже разворованы, только самые маленькие остались, рыбчистные, в нашей жизни неприменимые. Иногда в посуде можно встретить хороший термос, но это редко, термосы нужны всем, их прибрали задолго до нашего появления, тут тоже без термосов.

Интересно, время легко и безжалостно разобралось с полезностью и бессмысленностью — полезных вещей мало, бессмысленных, без которых вполне себе легко обойтись, наоборот. Приспособлений для открывания пробок — не сосчитать.

Механических терок. Подставок под яйца. Клещей — не ясно, зачем в посудном магазине клещи, щипцы и длинные тонкие ложки. Вещей много, а смысла мало. Вот пройдет

еще тысяча лет, и человек, если он, конечно, останется на нашей планете, с изумлением поглядит на приспособление, предназначенное для выдавливания чеснока. Все сгинет, сгниет, а алюминиевая давилка оставит нас позади. А вообще с каждым годом все меньше и меньше вещей, как полезных, так и вредных. Они как-то саморазрушаются. Находишь, допустим, бутылку, берешь ее для каких-либо нужд, а потом глядишь — в боку проедина. Сама по себе возникла, точно пластик, из которого она отлита, утомилась и распался. А через месяц от этого пузырька только горлышко твердое остается, да и то не целое. Предметы будто съедает сыть.

Или ржавчина. Сейчас почти не найти хорошего ножа, вся качественная сталь сгнила десятилетия назад, остались топоры из мягкого грязного железа и нержавеющей стали, которыми морковь чистить.

Книги, они сделаны из плохой бумаги, многие рассыпаются в прах при первом прикосновении.

Одежда, если она не была специально предназначена для войны, или для пожара, или если она не подводная, расслаивается на нити и трескается при попытке надеть.

Иногда мне кажется, что раньше люди опасались вечности. Поэтому многие вещи делали очень и очень временные. Только оружие вечно. Плохо гниет, правильная сталь, правильная пластмасса, вот пройдет тысяча лет — и останется чесночная давилка и автомат, так что грядущие люди будут знать о нас две вещи — мы обожали объедаться чесноком и убивать друг друга.

Чеснокодав, автомат, а еще читал в журнале — что выживут только крысы и тараканы, насчет тараканов сильно ошибались. Еще Егор нашел небольшие блестящие шарики, три штуки на цепочке, не знаю, зачем они предназначались, но красивые, спрятал в карман, наверное, собирался подарить Алисе. Мне захотелось испортить ему настроение, сказать, что после ночного случая с холодильником он вряд ли может рассчитывать на взаимность, но удержался. Егор вполне себе человек.

Я тоже без добычи не остался, прихватил маленькую стеклянную мельницу для перца, легкая вещица и удобная, можно в походных условиях намолоть чего, допустим, сушеных ягод, или сахар окаменевший, или кусок янтаря, если горло болит.

— Можно ногти натереть, — сказал Егор.

— Что? — не понял я.

— Ногти. Обычные, человеческие. Их сушат на печке, потом мелют.

— Зачем?

— Лекарство сделать, оно кости укрепляет. Они такие крепкие становятся, что пули отскакивают... вроде бы.

— Теперь буду ногти собирать, — сказал я. — Вдруг череп укрепит. Идем дальше.

Пуговичный отдел. Нет, не шутка целый отдел пуговиц, пряжек для ремней, крючков. Пуговицы разных размеров, форм и цветов, пряжки, крючки, замки, кроме этого ничего, большие стеклянные банки с пуговицами. Я запустил одну руку, зачерпнул в горсть... Пуговицы. Медные, со звездами. Зачем столько пуговиц? Что застегивать?

— Смотри... — восторженно сказал Егор. — Вот это да...

Пуговичный кафтан. Он висел в самом дальнем, видимо, в самом почетном месте. Из черной материи, расшитый пуговицами и молниями.

Егор не удержался, снял и примерил. Кафтан ему оказался впору и в плечах, и в рукавах. Егор посмотрел на меня вопросительно.

— Бери, — пожал я плечами.

А пусть. Так мало радости в нашей жизни. Да, блестит, да, с точки зрения маскировки это не есть благо... А плевать. Пусть Егор порадует.

— Тебе идет, — сказал я. — Красиво.

Егор огляделся в поисках зеркала, зеркала оказались давным-давно побиты, но я его успокоил еще раз:

— Очень, очень хорошо.

И зачем-то добавил:

— У моего папы такой был.

— Правда? — удивился Егор. — У тебя был папа?

— Был. Но я его не помню, его убили задолго до того, как я дорос до колеса. Пора дальше.

После пуговичного отдела начались непонятные помещения, пустые совершенно, мы долго бродили между поломанными картонными стенами, перевернутыми стульями, тряпками, кирпичами, мусором, обошли подземный магазин вокруг, вернулись к холодильникам. Алиса напевала что-то и посвистывала, стараясь делать это погромче, чтобы не было страшно.

— Никого вроде... — с облегчением сказал Егор.

Плохо. Я привык, что кто-то всегда есть. И хочет есть. Пустота меня пугает, мне бы боевого тушканчика какого, так, на всякий случай.

— Там еще два этажа, — сказал я.

— Откуда знаешь?

Я кивнул на схему на стене.

— Мы на верхнем этаже. На нижнем выход в Верхнее Метро.

Я указал на зеленую букву «М».

— Вниз пойдём? — спросил Егор.

Кивнул.

— Ладно...

Двинулись по лестнице. Пока судьба к нам благосклонна. Не замерзли, не задохнулись, вот метро нашли. Понятно, что тоннели могут оказаться засыпанными, или затопленными, или в них могут обитать людоеды, или...

Но если уж начало везти, то должно везти и дальше.

Второй уровень, свет. «Свет». Так назывался магазин, мне понравилось. С потолка свисали, само собой, светильники, те, что повыше, уцелели, красивые стеклянные вещи, разноцветные и волшебные, Егор трогал подвески, и они нездешне позвякивали в ответ.

Вообще светильников было много, и самых разных. Диковинных. Огромных люстр, свисающих с потолка. Торшеров, похожих на столбы. Маленьких, вплетенных в пластиковые нити — они не горели без электричества. Рассыпных, похожих на стеклянный горох, в них еще сохранилось немного силы, я взял несколько, потер между ладонями и разбросал вокруг веером, и они загорелись тусклым зеленоватым светом.

— Может, набрать? — спросил Егор. — Светлячков этих?

— Не, бесполезно. Сейчас сдохнут.

Зеленые горошины стали медленно таять.

— У меня была похожая. Они солнцем заряжаются...

— Солнца нет, — вздохнул Егор.

— Его только над нами нет, а вообще оно есть. Снег только над нами идет, мне так кажется. В других местах его нет.

— Разве так бывает?

— Иногда. Сказку про богатырскую зиму знаешь?

— Нет... Расскажи.

Мы изучали магазин света, я рассказывал про богатырскую зиму, страшная сказка, ею нас любил пугать Гомер, говорил, что все, лето уже не наступит — слышите, как безнадежно воет ветер?

— В конце времен будет так. Солнце устанет греть землю, небеса померкнут, с гор сползут ледники, а все реки и озера вымерзнут до дна...

Большой фонарь, размером в половину человеческого роста, с непонятной эмблемой летучей мыши, перегораживающей световой поток. Зачем такой нужен?

— В первую зиму снег не выпадает вовсе. Зато морозы свирепствуют жестче обычного. Холод опускается в глубину, стужа убивает корни, ветер, не удерживаемый снегом, носится

по земле, настигая всякого неосторожного путника, решившегося покинуть свой дом в это мертвое время...

Зеркальный фонарь. Одна маленькая лампочка, а светить должна сильно, жаль только, на электричестве работает.

И недалекобойный, света много, но он слабый.

— ...Лето не наступает, и умирает трава, и цветы, и большая часть деревьев тоже. И вся мелкая живность, укрывшаяся в норах, лисы, барсуки, мыши, шмели и пчелы, все, кто привык зарываться от хлада и спать между корнями, все погибают.

Лампы, связанные из пучков стеклянных нитей, я видел такое на Варшавской — в полной темноте покачиваются золотые огоньки, и между ними медленно плавают оранжевые, почти живые рыбки.

— ...Во вторую зиму снега тоже мало, свирепствуют волки. Леса полны павших от голода животных, у волков много пищи, и они размножаются в невероятных количествах, стоят под дверями, подгрызают порог. Холод настолько сильный, что от него трескаются стены домов, они не в силах больше защитить людей...

Лазерные трубки. Оружейник Петр показывал такую, тоже от батарейки работает. Крепится к стволу — и светит как раз в ту точку, куда пуля угодит. Красным сгущенным светом. Раньше такие на всем оружии стояли, на мой взгляд, неудобные вещи — я и без красной точки на вражеском лбу знаю, куда пуля попадет, зато по этой самой точке легко определить, где ты сам находишься.

— ... А лето настолько короткое, что трава не успевает зазеленеть по-настоящему. Люди едят измельченную древесную кору, а замерзшие звезды падают на землю, убивая всех, кто еще смог выжить. И после этого стылого лета приходит последняя, третья зима.

Фонари, светящие в потолок и показывающие созвездия и их вращение по небесному своду.

Когда-то все эти светильники исправно работали, выполняли свое предназначение, сейчас лежали мертвым бесполезным ломом. Как и все вокруг.

— В третью зиму начинается снег. Он идет без перерыва и дни и ночи, и мир постепенно исчезает под белым покровом. На землю с Луны спускаются великаны, лишь они могут передвигаться по снегу, лишь они могут удерживать тепло жизни в своих огромных телах, они осматривают свои новые владения и поют песни, от которых трясется земля. Люди же и животные погибают окончательно. Остаются лишь немногие мудрые, запасшиеся дровами и едой, спустившиеся в самые глубокие пещеры, ближе к центру Земли, где еще сохраняется тепло, но участь их сходна с участью червей...

— А потом? — спросил Егор. — После зимы что? Весна?

— Потом — все, остановка. Ледяная пустыня от края до края.

— Да... Очень похоже на нас. Интересно, кто эти сказки придумывает, а? Очень похоже...

— Сказки не придумывают, — поправил я. — Их предвидят. В снах обычно, в снах будущее часто встречается. Вот приснится кому такая зима — он сказку и сочинит. А потом, через много лет, все оно так и сбудется. Народ стоит и смотрит, рты поразинув, — думали, сказка, а оно на самом деле.

— Ясно... А что после зимы? Весна?

— Точно не помню. Мне кажется, что битва какая-то. Уцелевшие люди сражаются с великанами за какой-то там глаз... А может, и нет, не помню.

— А кто победит?

— Не знаю, не знаю...

Обыскали весь отдел света, возвращались уже, на обратном пути я нашел, глазам просто не поверил. На стене, рядом с керосиновыми лампами.

— Почему она здесь? — спросил Егор.

— Наверное, по той же причине, что и твоя пуговичная куртка. Насколько я понимаю, тут собраны разные светильники. Керосиновые лампы, потайные фонари, вон то большое,

вроде бы прожектор...

— А почему тогда ее не забрали?

Не знаю, почему ее не забрали, скорее всего, просто не знали, что это такое. Ацетиленовая лампа «Грот-2», лучший друг спелеолога, инструмент для исследователей подземных пещер и туннелей. Для диггеров. На витрине, новенькая, фабричного производства. Карбид в брикете.

Нет, в этом походе мне решительно везет. Я разбил витрину, достал карбидку.

Аккуратно сделано, но не очень надежно, металл тонкий. И слишком блестящий. А так все, что надо, — шланги с оплеткой, металл полированный. Ладно, возьму сам, буду осторожен, дальше.

Второй уровень был устроен, как первый — большой зал, вокруг застекленные отделы. Потолок в центре потрескался, люстра криво висит. Начали обход.

На втором ничего полезного или интересного найти не получилось. В некоторой неприкосновенности оказались «Все для бани», «Мебель Нова» и кафе «Труба-Дурочка» — почему-то даже вывески не пошибали. Здесь находились вещи относительно полезные: тяжелые чугунные печки, наверняка теплые, только совершенно непригодные для переноски. Медные, проеденные зеленью тазы, окаменевшее черное мыло, тоже большая в наши дни редкость, дрова заплесневелые.

«Мебель Нова» оказалось странной мебелью, ни нормальных привычных диванов, ни столов, а какие-то пластмассовые закорюки, на которых ни сидеть, ни лежать неудобно, недаром магазин самый неразвороченный оказался — кому такая ерунда вообще нужна?

«Труба-Дурочка» тоже ничем не порадовала, разве что битым стеклом и обилием потускневших музыкальных инструментов, труб, свирелей и других дудок Егор попробовал подудеть и угодил в классическую ловушку — прилип губами к гуделке, охнул, дернул, ободрался, зашипел от боли, заругался, вот что значит в слоне много сидеть — жизни совсем не знает.

— Так оно и случается, — поучительно сказал я. — С поцелуями стоит быть аккуратнее.

Егор вытер губы, треснул дудкой о стену, дудка ответила странным печальным звуком — у-у-у.

Двинулись. Отделы с товарами закончились и снова начались пластиковые елки, их тут оказались запасы, настоящий поддельный лес, продираться через который было нелегко — елки эти за минувшее время несколько испортились, пороняли мягкую пластиковую хвою и оцетинились острыми железками, мы перли через этот лес, и елки падали за нами с жестяным звуком. Зачем столько елок, настоящих, что ли, не хватало?

За елками пустота, только пыль толщиной в палец. Мы обогнули центральное пространство зала, вернулись к лестнице.

— На третий тоже пойдем? — поинтересовался Егор.

— И на третий.

Уровень отличался полным отсутствием каких-либо полезностей, поэтому мы не стали его осматривать подробно, да и устали уже. Прошли наискосок, к выходу в метро, обозначенному, как полагается, зеленой «эмкой».

Тоннель, ведущий к подземной станции, оказался широк, походил на плоский раструб, мне почему-то захотелось в него войти...

Я удержался.

Стояли, смотрели. Воздух в тоннеле был давно уже мертв, чувствовал это лицом. Егор облизывал губы, морщился, поглядывал в тоннель настороженно. Также чует. У слоновников чувство опасности развито, почти как у крыс, вычислят ее по самым незначительным признакам.

— И что скажешь? — спросил я.

— Насчет чего?

— Насчет этого.

— Повезло... — сказал Егор неопределенно. — Провалились прямо куда надо... Необычно.

— Это не везенье, — возразил я. — Просто мы недалеко от центра, а тут станции строили в доступности до трехсот метров, чтобы народ не толпился. Я думаю, что это не центр торговли, а пересадочный узел, магазины потом надстроили. Наверное... Давай, вперед.

— В тот тоннель? — кивнул Егор. — Может, к Алисе вернемся?

— Сейчас... Немножко пройдем все-таки...

Шагнул вперед, под «М».

Под башмаками хрустнуло. У нас часто под ногами хрустит, почти всегда, то стекло битое, то крошка ледяная, то земля мороженая, но это был особый хруст, я узнал его, так может хрустеть только одно.

Человеческие зубы.

Весь пол был усыпан зубами. Крупными коренными, клыками, передними широкими, одним словом, всякими.

Егор обогнал меня сбоку, куда, дурак, торопится...

— Стой, — приказал я ему.

Он послушно остановился, молодец, только пуговицы брякнули.

— Что? Увидел что-то?

— Под ноги посмотри, — прошептал я.

Егор посветил под ноги.

— Зубы... — выдохнул он. — Кто столько навыврывал? И зачем разбросаны?

Я посветил перед собой. Луч выхватывал из темноты стены, покрытые веселым кафелем, ничего, на первый взгляд, угрожающего, покой, благорастворение почти. Но зубы на полу просто так тоже не валяются.

Слизень. Ждет. Голодный.

Егор наклонился, собрал зубы в горсть.

— Старые, — сказал он. — Все пожелтели... Человеческие...

— Зуб — самое крепкое в человеке вещество. Оно не переваривается.

— Переваривается? Кем?

— Судя по зубам, слизень.

— Слизень? — поежился Егор.

— Ну да. Он слизывает. Раз — и все, нету, только сопли на землю стекают и зубы падают. Но уже потом...

— Он какой?

Егор снял с плеча двустволку.

— Я сам не видел... Они как удавы — нападают сверху, затягивают в нору, затем... Затем зубы.

— Так это змеи?

— Точно неизвестно...

— Сколько же он сожрал?

— Он тут давно уже, наверное, сидит, — объяснил я. — Сто лет, сто пятьдесят. Много сожрал, ты прав.

— Смотри, железный...

Егор показал мне зуб, зуб как зуб, только из желтого металла, золото, наверное.

— Золотой, — поправил я.

— Разве такое бывает? — спросил Егор. — Чтобы золотые зубы росли?

— Их раньше вставляли. Когда свои выпадали, вставляли железные.

— Что тогда получается... — Егор с опаской глядел в потолок. — Получается, что они...

Они здесь уже давно, вот что получается. Эта тварь сидела здесь еще тогда, когда людям вставляли золотые зубы. Охотилась, росла, распространяясь вглубь.

— Может, и не так, — сказал я. — Может, это старый человек был, старик. С золотыми зубами. Шел себе прогулочко, а тут на него сверху упало. И сожрало.

— Ясно...

Егор уронил зуб на пол, звук получился звонкий и морозный — дзинь-дзинь.

— Тут еще кое-что...

Егор наклонился и собрал с пола горсть непонятного, то ли чешуя, то ли... все-таки, наверное, чешуя. Только непростая, а какая-то объемная, состоящая из двух чешуек, расположенных одна над другой.

— Чешуя, что ли? — Егор понюхал. — Рыбой не пахнет вроде... Откуда тогда? Змеи все-таки?

— У жуков тоже есть. Только мелкая, нам не видно.

— А если нам видно? Какого тогда этот жук размера?

— Правильно мыслишь... Насчет размера. Размер это... Быстрый очень, вот и все, что известно. Схватит, не успеешь ойкнуть.

Шею свернет — если может человека втащить в нору, то наверняка очень сильный. Яд впрыснет или еще чего. С таким бороться бесполезно, надо как-то по-другому...

— А если тихарем? Если мимо? Не пройти?

— Пройти легко, — ответил я. — В другом тут дело...

Пройти у меня легко получится, вопрос не в этом. Если взяться за руки, втроем, обвязаться веревкой, то он и не нападет.

Засадные охотники очень тонко чувствуют разницу между своими размерами и размерами добычи, на слишком крупную не станут нападать. Так что опасности особой нет, но...

Мне на него посмотреть хотелось. Вытащить из логова, наступить на поганую шею, если она там есть, конечно, а потом пулю в башку, если она у него, конечно, есть... что-нибудь да есть, не бывает так, чтобы наступить не на что.

— В чем? — спросил Егор. — В чем дело?

— Надо его убить, — просто сказал я.

— Если можно потихоньку пролезть...

— Убить, — перебил я. — Вернее, остановить.

— А если все-таки потихоньку? — Егор с опаской поглядел на потолок.

Неожиданно я подумал, что Егор, наверное, прав. Зачем рисковать...

Слизень. Как там звали того любителя лягушачьей икры? Не помню, помню, вонючий, помню, что руки у него тряслись, помню, что очень он жить любил. Не то чтобы мне его жалко было, но...

Не люблю, когда людей жрут, пусть не самых лучших, но все равно жрут. К тому же в таких количествах, зубов по колено.

— У нас и патронов мало, — напомнил Егор. — Почти не осталось... Промелькнули бы в легкую...

Егор сделал шаг назад.

— Это безопасно, — успокоил я. — Оно опасно неожиданностью, а так... Мы с ним разберемся.

— Жаль, гранаты нет...

— Граната тут не поможет, надо прикинуть... За мной.

Вернулись на второй уровень. Елки, баня, мебель. Елки горели, но неправильно, огня слишком много, а огонь не очень нужен. В банном отделе взяли ванну, дырявую медную, но ничего, сгодится, не воду в ней в баню таскать.

Заглянули в новую мебель. Здесь гораздо больше предметов подходящих, вот, например, та штука, не знаю для чего она предназначена, похожа на дохлую лягушку, возможно, диван. И гигантская ладонь, пластиковая рука, каждый палец которой представлял из себя отдельное кресло, наверное, тоже диван. И табуретка, больше всего напоминавшая чашку, ручка вроде как сбоку есть, то ли на соплю, то ли на ухо смахивает,

определенно надо начинать с нее.

Кивнул Егору, тот с одного удара разрубил табуретку из нарядного сине-розового пластика на две половинки, а затем на четыре и на более мелкие куски. Я надрал упаковочной бумаги, набил ее в ванну, ссыпал сверху колотую табуретку. Егор тем временем рубил ладонь. Пластиковая рука поддавалась хуже, топор отщеплял плоские, размером с ладонь куски, я велел ему бросить это и заняться дохлой лягушкой, та, напротив, рубилась легко, в мелкую крошку, рассыпалась.

Засыпали эту крошку в ванну. Егор сказал, что вряд ли раньше делали пластик, который хорошо горит, а я ответил, что это правда, сначала он горит не очень, но потом ничего, расходится. После чего мы перемешали бумагу с пластмассой и стащили ванну на третий уровень. Разожгли огонь, это, кстати, было не так уж просто, а когда он набрал силы, поволокли ванну ко входу в метро.

Огонь скоро сменился черным вонючим дымом, мы толкнули ванну в глубь перехода, а сами встали вдоль стен. Через несколько минут пластик в ванне начал испускать едучий черный смрад, который затянул весь переход, так что закашлялись даже мы.

Я просчитал — сквозь переход воздух особо не потянется — слишком широко, пойдет через щели. Эти поганые твари обожают узкие проветриваемые щели, где тепло, надежно и никто больше не пролезет.

Так оно и получилось. Дым валил что надо, маслянистый, сажистый, черные хлопья со свистом втягивались под потолок, теперь ждать.

Все норные твари не выносят дым. Змеи, любители теснин и расселин, жуки и косорылки, и камнееды, точильщики угля и пожиратели помета, они все не терпят угара. Из-за особенностей своего дыхательного аппарата. Вряд ли слизень исключение.

— Винтовку, — прошептал я Егору.

— Что?

— Винтовку!

Егор передал мне двустволку, по разрывной пуле в каждом стволе.

Дым всасывался в потолок, начинал присвистывать, я ждал.

Через минуту я увидел — из потолка показались лапки. Или щупальца. Или... не знаю, как они назывались, усики. Они потянулись из щели, быстро, по-насекомьи, я прицелился.

Секунду спустя из щели показалось... Не знаю, туловище ли, голова или, может, наоборот, задница, я выстрелил. Выставившаяся часть тела разлетелась в клочья, разбрызгалась зелеными ошметками, Егор вдруг охнул, схватился за уши, точно это ему по ним стрельнули крупнозернистой дробью, больно.

И я тоже услышал. Стрекотанье. Настолько высокое, что у меня почти сразу отрезало половину слуха, почти оглох.

Тварь вывалилась из-под потолка. Из потолка, так вернее. Она оказалась непомерных размеров. Свесилась до пола. Похожая на сороконожку, да, может, она и была на самом деле сороконожкой — длинный червь, толщиной с человека, с многочисленными лапками, отростками, или как они там называются.

Оно продолжало свистеть, возмущенно, дико громко и яростно, пыталось проветрить легкие, у такого длинного червя должны быть длинные легкие, а значит, дыма он наглотался изрядно. Вряд ли до отравления, но все равно приятно, закашлялась погань.

— Все лезет... — прошептал Егор. — Протяженный...

На самом деле протяженный, метра четыре, долго рос, наверное, он был как щука, которая растет до тех пор, пока не умирает с голоду, потому что ей уже не на кого охотиться.

И вот слизень вывалился целиком, толстый червь, исполненный лапами, я выстрелил два раза и попал ему в тушу, и свист стих, отчего мне стало гораздо легче, просто гораздо. Плоский, очень на сороконожку все-таки похож, плюхнулся на холодный пол и немедленно заструился в нашем направлении.

— Стреляй! — завизжал Егор.

Я выстрелил. Целил в морду, морда совершенно одинаковая, пуля вошла в башку, туда,

где должен находиться мозг, но слизень этого даже не заметил. Дернулся немного, и все, как полз, так и продолжал ползти. С шуршанием, я слышал его сквозь оглушение. Пуля в башку его не остановила, почему?

— Бежим! — крикнул Егор.

Мы побежали назад, Егор, конечно, первым.

Слизень шелестел за нами. Видно, мы его разозлили. Или проголодался за долгие годы, я еще несколько раз стрелял, без успеха. Наверное, мозг рассредоточенный, я читал про такое, не в одном месте, а в нескольких, если один прострелят, другой подключается. Такого не убить, либо в кусочки надо, либо жечь...

Обогнули круглый внутренний двор. Слизень поспешал за нами. Не очень быстро, равномерно, не люблю таких. На жнеца походил, они тоже никуда не спешат и везде успевают.

Под ногами снова заскрипели зубы.

— Куда дальше?! — крикнул Егор.

Путь оставался один. Наверх нельзя, притащим этого червяка к Алисе. Вряд ли она готова к подобному свиданию.... Расстроится еще, перепугается до смерти. Значит, туда, под «М». В метро. Там что-нибудь придумаем, не знаю почему, но в метро все время что-то придумывается.

— Но...

— Дыхание задержи!

Я толкнул Егора в тоннель. И снова зубы под ногами, лопаются, как икра. Прощмыгнули мимо чадающей ванны.

— Вдоль стрелок! — крикнул я.

На стене были нарисованы оранжевые стрелки, указатели, зачем непонятно — путь только один, и так ясно, в какую сторону двигать, обстоятельны древние.

Слизень не отставал. Я оглядывался, поганец тянулся за нами, шелестя чешуей.

Вылетели в зал. Станция. Я успел прочитать название — «Новый Мост: радиальная».

Простор сразу ощущается. Станция большая, наверное, народу много через нее проходило. Плитка под ногами оказалась выщербленной, выбитой, ни одной целой, Егор запнулся. Это так всегда, в самый нужный момент они запинаются. Поскальзываются.

Покатился на пузе, врезался в чьи-то ноги, заорал. Человек с мечом занес клинок над Егором, я выстрелил.

Патрон оказался с картечью, она угодила человеку в лицо, вырвала куски желтого железа. Не человек, статуя, памятник, а я на него целый патрон истратил, умели же раньше похоже делать.

Егор в страхе закрыл голову руками. Я огляделся.

На платформе стояли люди, с первого взгляда показалось. Совсем разные, и много. У некоторых руки были в карманах, другие почесывали в затылке, третьи прыгали на одной ноге, все занимались разными делами и все были ненастоящими. Отлитыми из железа.

Памятниками. Непонятно только, чему памятниками. Людям. Обычным. Они стоят памятника. Я схватил Егора за шкуру, подорвал на ноги, поволок Спрятались за приземистым толстым мужиком с такой же толстой собакой подмышкой, оба были явно счастливы, и мужик, и собака, мы укрылись у них в ногах.

Левый глаз Егора скопился слегка к переносице, ему очень шло, косой глаз, это человечно. Я хлопнул его по щеке, с оттягом, глаз выправился.

— Где червь?! — спросил Егор.

— Здесь.

Я снова схватил его за руку и потянул к концу платформы. Слизняк струился за нами, вилял между статуями, мне казалось, обнюхивал их, скорее всего и обнюхивал. Что-то он не очень быстрый, наверное, от зимы, все-таки в зиме есть свои преимущества, зима все простирается и простирается, от тошноты до невеселья...

В конце платформы статуи приобрели непонятное качество, если вначале они

выглядели вполне обычными статуями, дурацкими, но определяемыми человеками, то к концу стали малоугадываемыми, почти уже не люди. Они растопыривали руки, пальцы их превращались в распространенные ветви, ноги прорастали копытами и прибылыми пальцами, сквозь лопатки пробивались остроперые крылья, а в руках, уже необязательно пятипалых, скучали странные предметы. Астролябии, если это были они, стимулы, изукрашенные крупными камнями, криптосы, машины Бэббиджа, и термометры Фаренгейта, и другие приборы, бессмысленные и беспощадные, я успевал читать таблички.

Егор зацепился за женщину. Масштабную, с тяжелой поступью, но почему-то повсеместно проросшую многочисленными иглами, сквозь туловище, сквозь лицо, сквозь глаза, иглистая такая, а для того, чтобы люди, спешащие на поезд, на эти иглы не накалывались, конец каждой снабдили плоской тарелкой. Пуговичный пиджак встрял между иглами, и Егор повис в соскучившихся по нежности руках. Женщина обняла его крепко, Егор задергался, стараясь освободиться. Зачем такие скульптуры? Как раньше люди сквозь них пробирались?

Егор влип в игловатую даму и застрял, и тут же со стороны входа показался слизень. Он обнюхал человека, похожего на забор, и безошибочно направился к нам.

— Тихо сиди! — шепнул я Егору. — Тихо!

Егор стал сидеть совершенно тихо, я приготовил винтовку.

Мы сидели в ногах суровой высокой женщины, слизень стрекотал к нам. Я пытался придумать, что мне дальше делать, и ничего, кроме побега, не находил. Бежать в глубь тоннеля. Бежать.

Но я знал, что не побегу.

Слизень зашелестел громко, и слишком громко, Егор не выдержал и кинулся прочь, и слизень упал на него и выдернул вверх, как легкую игрушку, и тут же уронил, не удержав извивающегося труса в слабеющих лапах. Егор брякнулся на пол между человеком на роликовых коньках и человеком-собакой и тут же пополз в сторону, торопливо и как-то не по-людски, забыв обо всем.

Иногда по тому, как человек ползет, все сразу видно. Егор полз совершенно дико, забыв достоинство, в панике, в безумии, очень спасаясь, слизень устремился за ним. Я повесил двустволку на игловатую женщину, перехватил поудобнее топор и выскочил навстречу погани, и с размаху врубил лезвие ему в шею у него в любом месте была шея, как в любом месте был мозг. Он не обратил особого внимания на топор, сдвинул мышцы, и топор выскочил, брякнул по полу. Повернулся ко мне, придвинулся резко, обнял лапками.

Именно обнял, его прикосновения оказались неожиданно бережны, он оторвал меня от пола и поднял на метр, тогда я заглянул в его глаза, их у него сорок восемь выпучивалось, если, конечно, глаза — это те прыщи, какими была усыпана поганская морда.

Я не большой знаток чтения по глазам, но в этих прыщах я прочитал одно — смерть. Смерть. Тогда я сделал то, что только можно было сделать, раззявил пасть пошире и выкусил этой поганке несколько зенок. С мясом. Раздавил их зубами и выплюнул. Слизень опять засвистел и вонзил мне в ребра уже острые гвозди своих околomorphic лап, если бы не бронепластины, если бы не жилет, выдрал бы мне легкие. Я выхватил второй топор, левый, и с размаху попытался перерубить ему позвоночник, но позвоночника не нашлось...

Сбоку заорал Егор. Я думал, он уже давно удрал, думал, он прячется где-нибудь под рельсами, или в старой бочке, или в мусорных баках, но он выскочил из темноты с бронзовой человеческой рукой и ударил ею червя. Слизень выпустил меня и снова занялся Егором.

Он разогрелся и теперь двигался гораздо быстрее, ухватил Егора поперек туловища и...

Заморозился. Егор высвободился, упал, вскочил, живой, слегка помятый, крепких челюстей у слизня не оказалось, присоска. Или хавало, жвало, хлюпало, рыло широкое, миножье, снаружи как будто с губами, а внутри еще подкрючья, чтобы не выпускать, проталкивать добычу в безразмерную пасть. Слизень замер, похожий на толстую неопрятную гадюку. Он снова заверещал, и теперь в его крике чувствовалась боль,

настоящая.

Это был другой слизень. Крупнее. Гораздо крупнее, он, как и первый, вывесился из-под потолка, прямо над бронзовой фигурой человека с гитарой. Он схватил нашего слизня за хвост, смял и теперь втягивал его внутрь себя, пасть растопырилась почти на полтора метра, крючья жадно двигались, в стороны брызгала желтая дрянь. Наш не пытался сопротивляться, сложил лапы, видимо, старший все-таки впрыснул яд, а может, у этих тварей так положено.

Зато он орал. И орал, верещал, нестерпимо тоскливо, я отметил, что смерти бояться все, погань тоже.

Меня затошнило. Это было поразительно мерзкое зрелище, видимо, краев на самом деле нет, мир удивительно бесконечен, и мерзость бесконечна вместе с ним. Я надеялся на одно — на то, что мир в соответствии с его же законами двойственен и у любой медали есть и обратная сторона. И если есть вещи, отвратительные до тошноты, то есть и вещи, до удивления прекрасные. Жаль, что я их почти никогда не видел, но они есть, в этом я почти не сомневался.

Не удержался, желудок свернулся, меня стошнило прямо на игольчатую женщину.

Егор смотрел.

Большой слизень втянулся до половины в потолковую нору и до половины же проглотил своего продолжающего пошевеливаться собрата. Вот как оно все устроено. Все жрут друг друга. Не упускают момент, жрут.

Когда все закончится, придется все чистить. Наш мир серьезно поражен, человек не может дышать спокойно, спокойно спать можно только в гробу. Если поверхность как-то очистим, то в подземельях они останутся надолго. Будем выжимать, очищать по метру в глубину, по пяди, поить газом, заливать расплавленным бетоном, взрывать.

Слизень проглотил своего товарища. Завидный желудок. Сожрать такую массу вися вверх ногами — это надо уметь. Нет, от этих тварей надо держаться подальше. Если тут поселились две штуки, вполне могут и восемнадцать обосноваться. Надо уходить, чем скорее, тем лучше.

— Ты видел? — прошептал Егор. — Он его сожрал! Меня тоже едва не стошнило...

— Надо возвращаться. — Я плюнул. — Возвращаться...

Во рту стоял кислый железный привкус, сейчас бы хорошо смолы пожевать или водой прополоскать.

— А если он...

Егор кивнул на потолок.

— Он сыт... наверное... — сказал я. — И нам лучше поспешить, убратся отсюда поскорее.

Убратся поскорее Егор был готов всегда.

Мы вернулись в коридор, ведущий в сторону подземного магазина. Старались держаться стены, для безопасности. Но слизень не нападал, был слишком занят перевариванием обеда. Главное, чтобы аппетит у него не очень разыгрался, пойти этой твари на закуску мне не хотелось.

В коридоре дымилась ванна. Пластик прогорел и теперь вонял не сильно, едва-едва, тяжелым угаром, стелящимся по полу. Я посветил в потолок. Дыра. Относительно небольшая, наверное, человек пролез бы с трудом, а вот протащить его бы, пожалуй, протащили.

— Смотри, — Егор указал пальцем. — По левой стене.

Я направил луч лампы на левую стену.

Узкая дверь, сначала и не приметил. Железная, в мелких круглых дырках, как от пуль. Вход в подсобные помещения, или инструменты здесь хранились, ведра и метлы. На месте замка чернела ржавчина, я оттеснил Егора, пнул бурый нарост, дверь открылась.

Комната была завалена разным. Вещами. Оружием, касками, неясным мусором, обувью, и все это покрывал толстый слой прозрачной желтоватой слизи. На предметах остались следы, глубокие царапины, вмятости и погнутости, шлемы, разрезанные наискосок,

винтовки с искривленными стволами, все измочаленное, точно прошедшее через мясорубку.

— Это что...

— Кладовка, — ответил я. — Наверное...

— Может... — Егор брезгливо поморщился. — Может, что-то поищем... Полезное?

— Ты хочешь лезть в это говно? — спросил я.

— Нет, не хочу что-то...

Я тоже не хотел. Отходы.

— Несъедобное, — я плюнул. — Он сюда стаскивал все, что не мог переварить. А теперь его самого переваривают.

— Не надо о еде, ладно? — сказал Егор.

— Это точно, — согласился я. — Точно... Мне кажется, Алиса по нам соскучилась.

Мы поднялись на первый уровень, вернулись к отделу холодильников.

Алиса напевала. Что-то про поездку вдоль моря под негасимыми и сияющими звездами, про закаты, про рассветы, про любовь, которой нет конца.

Протиснулись между холодильниками.

— Ну, что? — спросила Алиса. — Что-то вы долго... Как выход?

— Выход есть.

Сказал я.

— Выход есть... — кивнула Алиса. — Значит, в трубу полезем.

— Значит.

— Ясно. А я думала... А, плевать. Пожрать что нашли?

— Нероговное только...

Егор схватился за живот, прижался лбом к холодильнику. Желудок у него забурлил, но, поскольку мы не ели уже давно, ничего у Егора толком не получилось, так, помаленьку.

— Опять блюет, — сказала Алиса грустно. — Прыщельга, я тебя за едой посылала, а ты мне всю панораму облевал. Разве так можно?

Егор развернул холодильник, скрыл образовавшееся безобразие. Алиса с удовольствием рассмеялась.

— Действуешь по заветам своего учителя, — сказала она. — Как я вас все-таки люблю, бродяги... Прыщельга, это что ты на себя напялил? Зачем столько пуговиц?

Егор засмутился.

— Красиво, — ответил я.

— Красиво будут выглядеть ваши трупы в лучах заката, — зевнула Алиса. — Жаль, что рогов не осталось, все съели сгоряча. Вот к этому пиджаку очень пошли бы рога. Ты мне, Прыщельга, нравишься все больше и больше, очень рада нашему знакомству. Сначала ты явился с рогами, теперь... Теперь я теряюсь, не знаю, что и сказать. Ты поднялся еще на одну ступень. Теперь ты не Прыщельга, воистину, теперь ты Пуговичник. Отныне. Хотя нет, Прыщельга мне больше нравится. Или Блевотчик, а, Рыбинск? Прыщельга лучше, как ты считаешь?

Глава 5 Запах Солнца

— ...И все, значит, было так. Я иду себе иду, со своим верным мазером на плече, все как полагается, все как надо, гуляю, дышу свежим воздухом Востока, наслаждаюсь солнечным днем, одним словом, радуюсь себе жизни и горя не знаю. И вдруг слышу. Такие жалкие-прежалкие крики — спасите, помогите, короче, пискляво-пискляво. Думала сначала, что это лягушки на болоте икру мечут, хотела гранату кинуть. А потом прислушалась — нет, не лягушки, существо человеческое.

Алиса кивнула на меня.

— Пошла глянуть. Гляжу — лежит. В пади. Знаешь, что такое падь?

— Там, где скользко, — ответил Егор.

— Правильно, там, где скользко. А паль — там, где шкуру прижигает, тут все просто. И вот в этой самой пади барахтается наш герой.

Алиса снова кивнула на меня.

— Барахтается, звуки испускает, по всему видно, что сейчас заплачет и умирать начнет. Из пади на самом деле выбраться очень легко, младенец знает как. Но к тому времени, как я поспела, нашему Рыбинску в голову уже совсем рыба кровь ударила, всякое мужество утратил. А вместе с ним и мозги. Это сейчас он смекалист...

Алиса постучала по холодильнику.

— Чересчур, я бы сказала, смекалист. А тогда от страха вод напустил, вот как ты недавно. А как меня заметил, так давай немедленно умолять. Спаси меня — все, что хочешь для тебя сделаю, заказывай прямо сейчас. Орал, как суслик резаный.

— Я не орал, — попробовал я вмешаться в это наглешее вранье, но Алису было не остановить.

— Он меня умолял, — рассказывала Алиса. — Просто-таки умолял — спаси. Спаси, я еще так молод, не ведал счастья, не едал досыта, ну и всякое прочее.

Спорить не хотелось, пусть врет, получается-то красиво, заслушаешься, каждый день перед сном бы слушал.

— И на ногах совсем не держался, — Алиса немножко поизвивалась, показывая, как именно я на ногах не держался. И вся рожа в запекшихся соплях, все, скоро жизни решаться начнет. Ну, я и проявила милосердие, дура. Надо было пройти мимо. Надо. А я не прошла. Отозвалась сердцем. И вот уже который год страдаю. Правильно древние говорили — не хочешь зла, не делай добра. Я что, должна это надеть?

— Так надо, — заверил Егор. — Поверь, это нужно. И гораздо безопаснее.

Я заверительно кивнул.

— Но я тогда буду как вы. Такой же душой.

Алиса поглядела в зеркальную дверцу стального холодильника.

— Мне кажется, это идиотизм, — сказала она.

Я не спорил. Идиотизм. Не очень глубоко понимаю это слово. В последнее время много страннейших событий. Хотя мой московский поход и начинался странно. Смерть, причиной стал запеченный еж, которого мой приятель Ной съел слишком много. Нежданные обезьяны, и горящий рояль. Летучие китайцы. Это все входило в слово идиотизм, наверное.

— Идиотизм, точно, — повторила Алиса.

А я, между прочим, потратил на это почти сутки, если будильник Егора не врет.

— Рыбинск, ты зря выбрался из Рыбинска. — Алиса постучала себя по боку с коробчатым звуком. — У тебя явно что-то не в порядке с головой... Прыщельга, ты такое видел?

Егор открыл дверцу.

— Однажды мой папка просидел два дня в стиральной машине. Не в маленькой, конечно, а в большой, такие иногда встречаются. За ним кто-то погнался, не помню уже кто, пришлось отцу скрываться...

— Я так и знала, что это у вас семейное, — сказала Алиса.

— Да нет, просто... Если хочешь жить, приходится сидеть в разных местах...

— Однажды мой учитель был вынужден в нужник прыгнуть, — сказал я. — И там просидел почти четыре дня. По горло. Зато жив остался.

На самом деле не было этого. Вернее, не совсем в нужник Гомер прыгал, в болото тухлое, сидел в нем, привязал себя к коряге, чтобы совсем уж не тонуть, и сидел. Некоторые болота воняют гораздо хуже любого туалета.

— Где ты в нашем мире нужники, интересно, видел? — ехидно осведомилась Алиса.

— Да так, иногда попадаются... За МКАДом. Учитель...

— Теперь ты сам учишь всех сидеть в сортире, — тут же перебила Алиса. — Понятно. Должна признаться, у тебя отлично получается! Только зачем вам я? Вот вам нравится, вы и сидите! Ищите сортир, прыгайте в него и сидите на здоровье! А я снаружи постою! Я устала

от вашего бреда! Вы психи и, что гораздо хуже, дураки!

Но холодильник не сняла.

— Иногда я думаю, что это действительно правда, — сказала Алиса уже не так громко и возмущенно. — Что вы психи. Рыбинск псих, а ты, Прыщельга, скоро станешь... Хотя, должна признать, Рыбинск изменился. В лучшую сторону. Раньше он все о праведности бубнил, о грехах разных, веригами увешивался, сейчас в сортире призывает спастись. Это, однако, прогресс...

Алиса рассмеялась.

— Знаешь, Дэв, это все выглядит... знаменательно. Весь мир похож на сортир. То есть, даже не сидя по горло в дерьме, ты все равно в нем сидишь — волей-неволей. А ты, Рыбинск, предлагаешь усугублять. Внутри большого сортира отыскать сортир малый — и еще в него погрузиться. Это гениально. Хотя вы этого слова, наверное, не знаете...

— Я не призываю в сортире сидеть, — устало возразил я. — Но это действительно нужно надеть. Там слизи, ты же знаешь, что это такое.

— Они там огромные, — вставил Егор. — Просто... Как не знаю что! Если идти без защиты — сожрут и не подавятся.

— Понятно все с вами. Мне давно все с вами понятно. Я надеялась, что у безумия есть границы... Тщетно. Куда тут лезть?

— Вот сюда, в дверцу, — подсказал Егор.

И даже эту дверцу открыл, услужливо, чуть ли не с поклоном.

— Верным курсом идете, верным, — Алиса сунула ногу внутрь холодильника.

— Осторожнее головой, — посоветовал Егор.

— Это раньше надо было говорить, раньше. Зачем я его только спасла, а? Падал бы в своей пади дальше, а я бы жила счастливая...

— Это судьба.

Сказал я.

— Наверное, — согласилась Алиса. — Судьба. Невезенье какое... Не, не могу, пусть Прыщельга первым в это лезет.

Я потратил на приготовление защитных приспособлений почти целый день. Егор мне помогал, Алиса, само собой, нет, сидела, кашляла, жгла бумагу, разглядывала карту. Выбрал три холодильника. Специально выбирал пластиковые, чтобы не тяжелые. И по высоте чтобы небольшие. Поскольку холодильников в магазине стояло много, сложностей никаких не возникло. Три штуки. Сходил в инструментальный магазин, добыл все, что надо. Пилу, зубило, молоток. Оторвал у каждого холодильника задок, срубил мотор, срубил охлаждающую сетку, выдрал все эти ненужные мне холодильные потроха, чем облегчил ящик почти вдвое. После этого я вооружился пилой и отрезал у холодильников днища. Не очень удобно, оказалось, что холодильники не подходят для пилки, не дрова, однако. Но справился.

Затем в ход пошло зубило. Вырубил дырки по бокам — чтобы руки просовывались и двигались относительно свободно. Приделал ручки к дверце и стенкам изнутри — чтобы таскать, и небольшие засовы приклепал. Кроме того, пробил в дверце дырки для огляда и одну большую дыру для лампы.

Получились квадратные приспособления, в которых можно было ходить и двигать руками. Особым удобством они, увы, не отличались, внутри приходилось размещаться скрюченно, согнув голову. Выглядело, конечно, смехотворно, кого бы в таком увидел, прослезился бы.

— Давай, Прыщельга! — подбадривала Алиса. — В этом тебя и похоронят! Не сомневайся! Дэв, когда этот бред закончится?!!

— Это ненадолго, — сказал я. — Пройдем под слизнями, и все.

— Ты что, думаешь, что эти ящики от них уберегут? Судя по ужасам Прыщельга, там у вас дракон настоящий!

— Любое существо, пусть хотя бы и погань, охотится только на тех, кого может

узнать, — сказал я. — А слизень, он тоже существо...

— А с чего это эти слизни нас вдруг узнают? — поинтересовалась Алиса.

— С того, что мы похожи на китайцев, — ответил я. — Вот и узнают.

— Может, вы и похожи, а я нет, — тут же возразила Алиса. — Я не китаец и никогда китайцем не была...

— Вообще похожи, — сказал я. — Руки-ноги-голова, все то же самое. Слизень видит — голова, конечности, значит, жрать можно. Холодильник совсем не похож ни на одно живое существо, его он жрать не станет.

Алиса покачала головой.

— Допустим, — сказала она. — Допустим... Но все равно, все равно... Все равно, говорю, вперед надо Прыщельгу запустить.

Егор начал надуваться, но Алиса тут же поправилась:

— Шучу, шучу. Пойдем вместе, взявшись за руки! Подпрыгивая! Как хорошо, что человечество вымерло раньше! Иначе оно бы вымерло сейчас, от смеха! Прыщельга, давай полезай в ящик, мне что-то тут надоело...

Егор забрался в холодильник, закрыл дверцу, защелкнулся, поднялся на ноги. Его немного пошатывало, и выглядел он, надо признаться... глупо, что ли, Алиса тут не ошибалась.

— Пошевелись, — велел я. — Подвигайся, что ли.

Егор попрыгал, побегал на месте и не на месте.

— Да... — хлопнула в ладоши Алиса. — Это впечатляет. Взбесившийся холодильник, это да... Теперь я знаю, что не зря родилась — столько в своей жизни увидеть...

— Ладно, — оборвал я. — Уходим.

— По гробам! — воскликнула Алиса. — По гробам, други!

Я наклонился, влез в холодильник. Рюкзак в холодильник уже не влез, пришлось навесить его снаружи. Как и топоры, как и винтовку, как другую снарягу, бутылки с запасной водой, дрова. Оказалось не так уж легко все это, увесисто.

Алиса ругаться перестала, сосредоточилась на управлении. Егор, напротив, освоился вполне быстро, так что я даже перевесил на него четыре бутылки с водой.

— Двинулись.

Первым, конечно, я. Егор за мной, Алиса замыкала. Шагалось неплохо, я ожидал хуже. Спускались по лестнице. Я как-то радовался — что нас на самом деле никто не видит, глупо ведь, катастрофически глупо все это выглядит...

— Послушай, Дэв, я тебя, конечно, люблю, уважаю, как человека, который две недели просидел в сортире и вышел из него живым и здоровым, но ответь мне на несложный, в сущности, вопрос. Неужели нельзя по-другому? Вот какая-то во всем этом... Ненастоящность, а?

Я не ответил ей.

— Ну, ненастоящность, да. Чувствуешь? Этот снег, эти слизни... А теперь ты нас в холодильники одеваешь. Это ведь ненормально. Даже для нашего мира перебор. И так не бывает.

— В каком смысле не бывает? — спросил я.

— В смысле, что перебор. Не может столько безнадежности, гадости и глупости собираться в одном месте.

Егор поскользнулся и неловко покатился по широким ступенькам, подпрыгивая в холодильнике.

— Вот это как раз я и имела в виду, — указала Алиса пальцем. — Слишком кучно, дробь и то так не ложится.

Я не знал, что сказать, сам уже ничего не понимал, но ответил:

— Это хорошо, что гадость так сосредоточена.

— Ты псих, чего ж здесь хорошего?

— Нет, я наоборот. Я просто знаю — только одна гадость не может продолжаться

вечно, рано или поздно она сменится на благодать. И вот тогда благодать обрушится на нас в своем ослепительном великолепии.

— Когда? После смерти?!

Егор попытался подняться. Из холодильника он не высовывался, опасался нападения слизня.

— После смерти это само собой, — сказал я. — Но нам повезет больше. Мы будем отмечены еще здесь, я в этом уверен.

— Прыщельга, кажется, шею сломал.

— Нет, я жив, — отозвался Егор. — Это совсем не больно! Дэв, ты здорово придумал!

— Предлагаю вам ходить в них постоянно, — сказала Алиса. — Вы в них словно родились.

Поднялся. Егор напруг силы и поднялся в холодильнике.

— И нет безумию конца...

Мы спустились до нижнего уровня, до дна, до буквы «М», до хрустящих зубов, до высохшей чешуи. Когда мы добрались до них, Алиса замолчала. Ей, наверное, было страшно, Егору было страшно, я увидел, как она взяла его за руку. И, чтобы им не было так страшно, я присоединился.

Мы прошли через тоннель, вдоль стены, молча, почти беззвучно, лишь Егор скрипел холодильником по кафелю. Выбрались на платформу, на станцию. Перрон был залит маслянистой пакостью, воняло тухлятиной и еще чем-то незнакомым, слизью из слизня, гадость. Стали протискиваться между фигурами.

— Бред продолжается, — громко прошептала Алиса. — Это станция бродячих статуй. Их несколько, я слышала про такое. Есть станции, где одни алюминиевые головы лежат...

Она опять пустилась в рассказы, теперь про оживающие статуи, спящие на дьявольских подземных вокзалах. Очень не стоит эти статуи тревожить, вот она знала одного, он как раз в такое попал, заблудился, конечно, не в холодильнике разгуливал, просто, по-человечески, но все равно приключилось. На той станции стояла железная собака с протертым до золотого блеска носом, дурень не удержался и тоже потер нос. А она потом ему являться стала. Чудиться то есть, ему все время казалось, что она у него за спиной, он все оглядывался, оглядывался — и на арматуру в конце концов напоролся...

В конце платформы прыгнули на рельсы, двинулись по тоннелю. Как всегда, по правому, левый был засыпан. С трудом преодолели километр, скинули холодильники, как-то голо себя почувствовал, привык уже, что ли...

Без такой защиты идти было гораздо проще, прибавили скорости. Тоннель тянулся, и конца ему не предвиделось. Встречались и станции, несколько. Взорванные. То есть по левую руку начинался перрон, но вылезти на него невозможно — потолок был подорван и рухнул, засыпав все. Крошево из бетонных блоков и железа, с трудом протискивались вдоль стены.

Встретили три поезда, пустых, ни следов, ни скелетов.

Алиса уже не рассказывала страшных историй, шагали молча. Я пробовал считать шаги, но быстро это дело оставил, несколько раз сбивался. Положились на будильник Егора, он успешно отмеривал время, исправно тикал и двигал стрелками, четыре оборота.

Пробовал думать. О цели, о том, зачем мы идем и почему мы должны идти, но и думалось тоже плохо, скрипуче, работал мозгом, как дрова башкой колот. Трудно.

Через четыре часа вышли к первой развилке. Развилки мы встречали и раньше, только все отсеченные, засыпанные обрушенными стенами, пробиться сквозь завалы было никак. И вот.

— Куда теперь? — спросила Алиса.

Основной тоннель уходил вправо, влево от него отделялся другой, гораздо более узкий.

— Туда, — указал я.

— Почему туда? — сварливо осведомилась Алиса.

— Посмотри на рельсы.

Алиса принялась светить на рельсы.

— Влево рельсы... сильнее разъезжены.

Не очень, но сильнее, царапины свежие.

Двинулись влево и слегка под уклон.

— Дрезина, — радостно сказал Егор метров через пятьсот. — Смотрите, дрезина!

Дрезина стояла не на рельсах, а чуть сбоку, и чего так радоваться, дрезина, не вагон с тушенкой, дрезиной сыт не будешь.

— Дрезина смерти, — сказал я.

— Что? — не поняли Егор и Алиса.

— Дрезина смерти, — повторил я. — На ней...

— погоди, — перебила Алиса. — Я сама расскажу. На этой дрезине черти перевозят грешников в ад, правильно?

Я промолчал. Какая разница?

— Это давняя история, — пустилась рассказывать Алиса зловещим голосом. — Такие дрезины издавна находили под землей, в самых глухих тоннелях, близких к преисподней — ибо сказано — чем глубже вниз, тем ближе ад. Многие наивные грешники садились на эти дрезины прокатиться, и их больше никто никогда не видел. А сами дрезины потом находили перепачканными кровью и кишками несчастных. Вот смотри, это кровь...

Алиса указала на неопрятные ржавые разводы на корпусе дрезины.

— Правда, что ли? — спросил Егор неуверенно.

— Ага, — ответила за меня Алиса. — Это кровь тех, кто ссытса в холодильник.

— Заткнись, Алиса, — велел я.

— Молчу-молчу. Только ты учти, Прыщельга... у всех чертей прекрасное чутье на всякую тухлятину — они тебя за километр учуют...

— Заткнись, — повторил я наиболее мрачным голосом.

— Ладно, затыкаюсь, — сказала Алиса примирительно. — Не бойся, Егор, шучу я, шучу. На этой дрезине лет десять никто уже не ездил, все закисло. Хотя двигатель, кажется, исправен...

Я в двигателях не очень хорошо разбирался, двигатель как двигатель, рычаги, провода, как оно работает, непонятно. Колеса вроде круглые, катиться, значит, может.

Алиса наклонилась над дрезиной, принялась осматривать механизм.

— Я могла бы попробовать завести...

— А верно! Зачем идти? — спросил Егор. — Можно ведь поехать!

— Наверное... Сейчас бензин проверю.

Алиса принялась осматривать бачок.

Зачем тут эта дрезина? Кто на ней ездил десять лет назад? Время без ответов.

Никак не могу привыкнуть к подземельям. Кажется, вот он, тоннель, нет в нем ничего загадочного. Но это только на первый взгляд. Рядом за стеной еще тоннель, и внизу, и над головой, и вертикальные шахты, ходы распространяются в земле, как вены в теле человека, их сотни. А есть еще подземные поселения и Нижнее метро...

Если наверху окончательно установится снег, то придется переселяться сюда. Кошмар в бесконечности переходов. Низкие потолки, тревожный затхлый воздух, на стенах скучные бороды, то ли лишайник, то ли пыль веков. Под землей выжить нельзя. Некоторое время просидеть, спасаясь от ярости поверхности — это да, а так чтобы совсем...

Интересно, насколько система тоннелей распространяется за город? Наверное, далеко, раньше любили строить с размахом. Возможно, эти тоннели тянутся и тянутся, и на самом деле есть такой, откуда получится выбраться на поверхность, но только не в этом мире, а в настоящем.

Я вдруг вспомнил, что подобная легенда на самом деле есть. Про тоннель. Заблудился один человек под землей, вот как мы с Курком тогда. Только мы вышли, а он не вышел, не получилось. Брел он через этот тоннель, брел, силы уже заканчивались, и пить хотелось очень — одним словом, все как полагается. Он почти уже сдох, но тут в конце тоннеля

увидел свет.

Это была станция. Вся белая, а столбы, поддерживающие потолок, серебряные и золотые, а лестница вверх отделана изумрудными камнями. Он залез на перрон, и тут же на станцию прибыл поезд. Из вагонов показались люди, они направились к выходу, и человек за ними, люди поднялись по лестнице и...

То ли в прошлом он оказался, когда ничего еще не случилось.

То ли в будущем, когда зажили все раны.

То ли вообще в другом мире, где все совсем по-другому...

Или это про дорогу легенда? Идешь по дороге, по лесу, идешь-идешь, идешь-идешь, а потом выходишь. В поле. В настоящее, с пшеницей. А дальше дорога, и по ней машины едут, самые настоящие машины.

Глупая легенда. Вот если такая дорога на самом деле есть, то кто про нее расскажет? Вряд ли у того, кто по ней прошел, возникнет желание вернуться обратно? Не, дорога эта совсем односторонняя.

— Бензин есть, — сказала Алиса. — Литра два или чуть меньше. Прокатимся?

— Точно!

Егор забрался на сиденье, улыбнулся, собрался путешествовать. На собаку похож. Они тоже такие — улыбаются, выкусывают блох и в любую секунду готовы куда-то бежать.

— Поедем, а?

Егор ерзал на сиденье. Совсем сопля. Щенок, прокатиться ему хочется. И мне хочется, я что, не человек? И Алисе хотелось, она тоже поглядывала на дрезину с интересом.

Нам хотелось прокатиться на машинке, совсем как детям. А мы, собственно, дети и есть. Мы не взрослые, нет. Правильно Алиса говорила, ну, что я ничего не умею строить, только ломать умею. Взрослые строят дома, проводят трубы, сидят на веранде с чашкой шоколада, женятся, воспитывают внуков, размышляют на разные сложные темы, придумывают, как построить самолет, достигающий до Луны. У взрослых всегда есть план. А дети ломают. Ломают, стреляют, бегают, кричат и дерутся, мучают животных и друг друга, любят кататься на велосипедах и питаться сахаром. Так что мы вполне себе дети. И никакого плана у нас нет, и что будет завтра, мы не знаем. Глупые и беспомощные.

— Надо слить бензин.

Я кинул Алисе бутылку. Но слить горючее не удалось, в бачке был установлен клапан, да и шланга у нас не оказалось, а бензокран приржавел настолько, что оторвать его не получилось.

— Надо дыру сбоку проделать, — посоветовал Егор.

Я сказал, что в баке наверняка скопились пары, может неплохо рвануть — а оно нам надо?

— Шланг армированный и приржавел... — Алиса ковырялась в моторе, — надо резать... Я сейчас...

Алиса принялась возиться с мотором, Егор размышлял о путях, ведущих в ад, а я опять о подземельях. Снег будет падать долго, со временем он смерзнется в плотную ледяную корку, и жизнь останется только здесь, внизу, кто сказал, что конец света — это пекло?

Гомер.

Я вспомнил Гомера. Гомер был велик, но вряд ли он видел столько, сколько я, как глаза у меня только не вытекли.

— Ах ты! — Алиса нервически пнула колесо дрезины. — Дрянь...

Она продемонстрировала нам окровавленный палец.

— К черту бензин...

Алиса стряхнула безымянный, кровь брызнула на колеса.

— Ну, все, — сказал я зловеще. — Дрезина смерти. Вы окропили адскую машину кровью, теперь она завезет вас в самые глубины ада. Готовьтесь...

Алиса ругнулась, прокляла дрезину, свою жизнь, зассанца Прыщельгу, ароматы которого обязательно приманят к нам целый полк оголодавших дьяволов, и то, что он

переделся, ничего не значит, и вообще, нет ли у кого пластыря?

Вместо пластыря у меня имелся скотч, им перемотал Алисин палец. Заживет.

Через двадцать шагов еще одна дрезина. То есть тележка, мотора у нее не было, вместо него был установлен пузатый баллон. Я вознадеялся, что в этом баллоне сохранился бензин или хотя бы солярка, я со скрипом свинтил кран, но из него вытекла лишь мутная жижа, вонючая и рыжая.

— Зачем баллон? — спросил Егор.

— Туда заливают кровь грешников, — сообщила Алиса. — Ты же видел.

— А на самом деле?

— Хрен знает, Я никогда не думаю о таких вещах. Зачем нужен баллон на колесиках? Плевать, после бродячих холодильников в моей душе случился некий излом... Плевать на эти банки, вперед, однако.

— Вперед...

— Ладно, вперед. Только пусть Пуговичник шагает сбоку, а то он на мета все время пялится.

— Я не пялюсь... — возразил Егор.

— Пялишься-пялишься, я же чувствую. Мы идем мир спасать, а он черт-те о чем думает.

— Я не думаю!

— Заткнитесь, — велел я. — Заткнитесь, пожалуйста, у меня голова в двух местах болит.

Да и ухо чешется. Кажется, гниль за ним поселилась, не вредная, не сыть, обычная. Но если запустить, может и отвалиться, чешется, иногда совсем непереносимо. Надо было их оставить. И Алису, и Егора. Оставил бы, да негде совсем. Видимо, вместе придется.

— Заткнитесь... — повторил я.

Они замолчали.

Мы двинулись дальше. Алиса шагала по правому рельсу, Егор по левому, я посередине.

— Влажность вроде...

Егор облизал губы.

— Точно, влажность. Водой пахнет, вы не слышите?

— У меня горло болит, — ответил Алиса. — Я вообще ничего не чувствую, все вкусы отбило. С чего здесь воде быть?

А у меня синдром усталости, у меня мозг отбило, я тоже ничего не чувствую.

— Здесь может быть река, — сказал я. — Или ручей, под землей много ручьев. Раньше они сидели в трубах, но теперь...

— Ручей бы услышали, — возразил Егор. — А здесь просто... вода. Рельсы вроде вкривь пошли! Поворот!

Егор указал пальцем.

Тоннель действительно поворачивал. Неожиданно резко, точно сломался, наверное, и на самом деле сломался. Я повернул первым и...

Много. Мрецы. Мрецов нельзя не узнать, они воняют, даже в том случае, когда не воняют. Луч выхватил их из темноты. Стояли. Вдоль стен. И между рельсами. Не обычные. Какие-то все сутулые, а некоторые вообще на четвереньках.

И еще мне кое-что не понравилось. Егор наступил мне на ноги, я зажал рукой ему рот, прижал к стене. Прикрутил лампу. Алиса все поняла, вжалась в стену сама.

Мы стояли в темноте несколько минут, затем стали отступать. Очень медленно, чтобы не брякнуть, чтобы не услышали. Разбираться в темноте с мрецами не стоит. Ты их не видишь, они тебя видят. И много их. Больше двадцати, если я правильно успел посчитать. И что особенно погано — с оружием. С молотками, с лопатами, с ломami. Мрецы с оружием редко попадают, а тут... Видимо, всю жизнь с этими инструментами провели, так что после смерти оно у них в руках осталось, по привычке.

Идти пришлось на ощупь, медленно, определяя каждый шаг. Метров через триста

остановились, я зажег лампу. Бледненько они выглядели — и Егор, и Алиса. Перепугались. Оно и понятно, схватка под землей гораздо опаснее, чем схватка на поверхности. Сбежать некуда, все время надо заботиться о свете, рикошетом может зашибить, потолок обваливается, дышать трудно. Преимуществ почти нет. Разве что к стене прислониться, прикрыть спину.

— Это кто? — спросил Егор.

— Шахтеры, — сказал я. — Бывшие то есть шахтеры, люди подземные. Мертвые. Совсем разложенные...

— А у некоторых, между прочим, топоры... — Егор нахмурился. — Давайте поворачивать, а?

— Давайте, — согласился я. — Попробуем обойти по главной линии.

— Что так? — спросила Алиса. — Зачем поворачивать? У нас же есть Рыбинск. Пусть он пойдет и всех убьет, ему это ничего не стоит!

Егор икнул.

— Давай, Рыбинск, покажи, — усмехнулась Алиса. — Иди, убей их.

— Их нельзя убить, — ответил я. — Они уже дохлые.

Алиса прищелкнула языком.

— Как все меняется... — Алиса потерла лоб. — Раньше нашего Рыбинска и гнать никуда не надо было, едва почувствует, где можно погань пошинковать, сразу туда поторапливается, из глаз смерть так и брызжет. А сейчас...

Алиса махнула рукой.

— А сейчас все больше в обход. Так?

— Так, — согласился я. — В обход. Я обходчиком стал.

Алиса хихикнула. Егор поглядел с непониманием.

— Выщвел, выщвел. Ты когда в последний раз поганца успокаивал? Не помнишь, наверное?

— Недавно! — вступился за меня Егор. — Он убил огромную женщину!

Алиса уже хохотнула, с издевкой и удивлением, и разочарованием одновременно, как только она умеет.

— Это на него очень похоже — убить огромную женщину! Наш Дэв — настоящий герой, я всегда про это знала. Не маленького мужичонка, нет, большую, большую женщину!

А действительно ведь, я убил огромную женщину. То есть не убил, она и была мертва, но я тоже, подействовал...

— Ладно, — согласился я. — В обход не пойдем. Как скажете. Напрямик. Сейчас... Надо вернуться.

Я шагал по шпалам первым, Алиса и Егор за мной, оглядывались. Вернулись к дрезинам. Не хотелось мне, это правда. Не знаю почему. Вот тишком пролезть — это да, а напрямик... нет, напрямик не очень. Какое-то непонятное нежелание, тошнило от всего, они ведь совсем недавно были людьми.

Нет, я не верил, что их можно вылечить. Или оживить. Наверное, в Благодать я тоже не верил, с ней осторожнее надо быть, вон одни уже Частицу Бога выделяли, довыделялись. Но все равно...

Мрецы, они как роботы, не ведают, что творят. Я вспомнил жнецов, тех, сломанных, под ракетой. Роботы, про достижения разные рассказывали, а их взяли и переделали. В убийц. Пятьдесят шесть минут. Бежать. Сейчас я, наверное, и десяти не продержался бы, сдох, сердце не выдержало бы. А раньше пятьдесят шесть! А почему пятьдесят шесть? Или пятьдесят семь? Не помню уже... Почему не час, час ведь ровнее? Кто его знает...

Мрецы тоже. Лежали себе мертвые, никого не трогали, а потом раз — и восстали. Вряд ли они хотели бродить и на всех подряд набрасываться, но у них никто не спрашивал. А значит, они не виноваты.

Кого не возьми, все не виноваты.

— У нас мало патронов, — сказал я. — Три?

— Да, — подтвердил Егор. — Ты там стрелял...

Алиса хмыкнула.

— Раньше тебя это не останавливало, — напомнила она. — Отсутствие патронов.

— Давайте все-таки попробуем в обход... — начал Егор.

— Если честно, я устала от этих нор. У меня в горле от них першит, надо куда-нибудь уже и выйти. Давай, Рыбинск, разберись с мертвяками. Ты же уже сорок тысяч их убил, убей еще десяток. Прыщельга, скажи ему!

— Что сказать?

— Скажи ему, что я тут хочу пройти. И ты тоже. Нас большинство, он должен подчиниться.

— Я думаю...

Алиса зарычала.

— Она права, — тут же сказал Егор. — Нам лучше сюда. Ты это... А я тебе помогу.

— Ладно.

Ладно. Осталось недолго, я знаю, прикушу губу. Найти уцелевшую станцию, определиться — и снова вперед. Последний бросок. Эти шахтеры, от них один вред. Непонятно, как они здесь скопились. И у всех в руках инструменты. Обычно мрецы с собой ничего не таскают, а здесь... У кого кирка, у кого мотыга, а у некоторых ломы. Но пройти надо. Рельсы на самом деле разъезжены, не зря же сюда ездят? Мы заблудились, в этих тоннелях кто угодно заблудится.

— Вагонетка на ходу?

— И что? — спросила Алиса.

— Завести сможешь? — Я пнул тележку в колесо.

— Ах ты... — догадалась Алиса. — Узнаю старого Дэва! Узнаю! Протаранить сволочей вагонеткой! Вот это по-нашему!

— Попробуем...

— Учись, Егор. Бери пример, Егор. Ты знаешь, какое прозвище получил наш Рыбинск? Его звали Палач!

Алиса принялась возиться с дрезиной. Дергала за рычаги, крутила ручки, приговаривала, слова по большей части незнакомые, технические, наверное.

Егор смотрел на меня, губы дрожали. Не звали меня Палач, никогда.

— Палач... — протянул Егор с уважением.

— А действительно, — сказал я. — Давно я делом что-то не занимался...

— Я тоже, — Егор хрустнул шеей. — Надо бы размяться, а то под землей совсем замерз...

— Я сам, — успокоил я Егора. — Сам справлюсь. Ты мне помоги баллон на рельсы поставить.

Я указал на тележку.

— Да...

Взялись, поставили на рельсы задок. Потом передок, положили под колеса деревянные чурбаки, валявшиеся рядом.

Алиса принялась пинать дрезину. Сначала в колеса, потом в мотор. Это подействовало, дрезина чихнула, плюнула огнем, подпрыгнула. Запахло по-незнакомому, горячим маслом, электричеством, паленой проводкой, тарактенье усилилось.

Это был странный звук. Работающего двигателя. А раньше этими звуками был заполнен весь мир, как они жили при таком шуме?

— Лучше сейчас запустить, — сказала Алиса. — Бензина ненадолго хватит.

Я велел Егору бежать, доставать из-под колес цистерны деревяшки. Мотор дрезины застрекотал громче, Алиса дернула за какой-то рычаг и спрыгнула. Дрезина затряслась еще сильнее, зажужжала резче и сорвалась, покатила по рельсам. Егор отскочил в сторону, дрезина пронеслась мимо, врезалась в колесную цистерну. Звук получился громкий, дрезина задрожала, колеса завертели, с жужжаньем прокручиваясь на рельсах. Бочка затряслась и

через несколько секунд сдвинулась и покатила вместе с дрезиной.

По тоннелю понесся грохочущий звук, наверное, так раньше катились по этим подземным дорогам настоящие поезда, веселые, в них и музыка играла, наверное, и огни горели, и ехали в них чистые люди, с песнями и плясками.

— Ждите здесь, — велел я. — Я пойду туда... Когда все закончится, я свистну.

Я снял винтовку, вернул ее Егору.

— Тебе помочь? — спросила Алиса неожиданно серьезно.

Я помотал головой.

— Справлюсь сам.

Сбросил рюкзак.

— Справлюсь сам... — повторил я. — На всякий случай приготовьтесь. Я думаю, большую часть уже передало. С остальными я разберусь. Но все может быть...

Приготовил топоры. Конечно, это были не боевые топоры, приспособленные к рукопашным схваткам, а вполне обычные инструменты Для рубки дров, они были не очень хорошо сбалансированы и для метания в головы врагов не годились, но выбора не было.

Я взял топор в левую руку, перехватил топор в правую, все. Длинный топор, настоящий, дровосечный, я прихватил его в инструментальном отделе, припомнив о ломах и кайлах в руках шахтеров, повесил на плечо. Пригодится.

Алиса неожиданно достала из-за спины настоящий мачете, протянула его мне. Ничего ножик, с пилой по верхней кромке, с крестовидной гардой, с рукоятью из живого пластика.

— Спасибо, я и так справлюсь. Ждите здесь.

Подвернул рефлектор лампы, и водяной винт — света мне понадобится много. Направился за уехавшей дрезиной, Алиса сказала мне в спину привычную гадость, но я уже не слушал, я настраивался.

Надо почувствовать.

Почувствовать желание, жжение в руках, дыхание смерти — все те вещи, которые необходимы для боя...

Почувствовал бензин. В тоннеле воняло. Я ускорил шаг и через сто метров увидел.

Дрезина застряла. Остановилась просто, в мрецов не врезалась, не скovyрнула с рельс, остановилась. Мотор не стрекотал, испортился, наверное. Ничего опасного пока вроде, никого не видеть, я подтянулся к машине. Бензошланг лопнул, Алиса, видимо, действительно разбиралась в технике. Мотор заглох, и теперь горячее растекалось по рельсам, испарялось и пахло, не знаю как кому, но мне этот запах нравился. Запах человечества, отгоняет блох и других насекомых, только кожа шелушится, отслаивается, осыпается.

Тонкой стружкой. Я сорвал бутылку, быстро выдавил из нее воду и стал собирать горючку. Пристроил бутылку в железные внутренности, повернулся в сторону мрецов.

Они наверняка слышали звук дрезины. Они вообще очень хорошо слышат и чувствуют, предчувствуют, теперь они услышали дрезину и приближаются. Я прислушался: так и есть — по стенам и по струнам рельс брякало, смерть приближалась. Не очень скоро, то ли не разогнались еще, то ли зима опять, но брели, заводные смертельные механизмы.

Вообще я очень надеялся на дрезину. На тяжелую цистерну, они должны были ударить, смять и раздавить большую часть, но получилось совсем не так И теперь я буду с ними разбираться.

Снял шлем, укрепил его на цистерне — много мрецов, и света тоже должно быть много, на каждого по свече.

Проверил дрезину.

Натекла почти полная бутылка, литр золотистого бензина, я закрутил пробкой, вставил в специальный карман. Из шланга продолжало капать, я подставил ладони и растер бензин, вмазал его в руки, а потом и в щеки, чтобы глаза не слипались. Еще бы чуть накапало, полпригоршни, чтобы втереть в голову.

Бензинчик ни одной твари не нравится, это как святая вода. Вот Гомер рассказывал, что

совсем раньше чертей особой водой гоняли. Специально ее изготовляли, на серебре настаивали, молитвами насыщали. А потом додумались, как готовить гораздо более сильную святую воду. Бензин — это тоже святая вода, сгущенный сок солнца, недаром он горит, и всякая погань от него бежит, и погибает, растворяясь в его бешеном пламени. Запах бензина — это и есть запах света, запах Солнца.

Ладно, пора.

— Жопа, — сказал я и стал ждать.

Они показались разом, вдруг, вывалились из тьмы, вступили в свет, окунув меня в смрад давно сгнившего мяса. Тоннель широкий, это помешает — могут накинуться стадом.

Первая троица.

У заглавного, идущего первым, в руках блестел... Не знаю, как это называлось, механический молоток с безнадежно погнутым штырем. Я убрал небольшие топоры за пояс, достал из-за плеча старшего брата, двуручный, дровосекский.

Теперь они меня не только чуяли, но и видели. Передний сорвался, зашипел, кинулся на меня. Началось. Я сделал несколько шагов вперед, размахнулся и, точно рассчитав движение, ударил молотобойца. В башку, чуть наискось получилось.

Почти сразу не повезло — череп у шахтера оказался крепкий. Лезвие пробило каску и заклинило прямо в башке. А сам мрец не остановился, продолжал на меня наступать, видимо, шахтерские мрецы отличались повышенной устойчивостью, прекрасная новость. Как все-таки легко было с огнестрелом, раз — и все. Я успел выхватить короткий топорик и почти без размаха, сбоку, в колено.

Этот метод себя вполне оправдал, как всегда, колени и локти — самые уязвимые места у человека, даже если он давно мертв. У шахтера имелся наколенник, он не отвалился за все время его мертвости, пришлось бить сбоку. Колено подломилось, и молоточник упал, я отпрыгнул назад и ударил второго, кинувшегося на меня, только на этот раз в голень.

Третий запнулся за первых двух, упал и весьма неудачно подставил мне затылок. На все это ушло, наверное, полминуты, тот, кто получил в затылок, замер, двое других копошились. Шахтер с топором в черепе умудрился подняться аж на одной ноге, я изловчился, схватил за длинную рукоять топора и уронил мреца на рельс. А сверху уже коротким топориком отполировал. После чего уперся ногой в шахтерскую спину, дернул.

Лесорубский топор оказался у меня. Кстати — в свет вступили другие, на этот раз низкорослые и малоразмерные, мне по плечо. Но пошустрее предыдущих, поспешили ко мне, без всяких инструментов, клацая зубами.

Я люблю мрецов. За их тупость и предсказуемость. Они всегда только нападают, торопятся тебя сожрать. И никогда не защищаются, не берегут себя, тот, кто давно сдох, жизнь не ценит, ни свою, ни чужую. Это очень удобно, так что иногда аж неинтересно. С малорослыми шахтерами я очень удачно расправился, места много, лесорубский топор оказался весьма удобной штукой — шлеп — и нету. Все равно как поленья рубить, конечно, много не намахаешься, плечи начинают болеть, но это плечи.

Показались еще двое.

Опасный. Сдох, но сохранился неплохо. И к своему состоянию уже привык, двигаться научился, не жрал давно. Мрецы, они долго не жрать могут. Впадают в спячку, стоят, поджидают, пока поблизости движуха не пойдет, как пауки. А как воздух встрепенется, так они тут как тут, голодные. На меня почти побежал. Перескочил через кучу дохлых товарищей...

Я встретил его ударом длинного топора. Размашистым и сокрушительным, наверное, чуть более сокрушительным, чем следовало — рукоять сломалась, лезвие отскочило в темноту, мрец задрал руки, словно хотел меня прибить невидимым камнем, и я вогнал ему в грудь острый деревянный обломок. Этого хватило, опасный свалился на колени, упал мордой в рельсы.

Осталось два топора. Погань повалила, считать я ее не стал, какие-то не очень могучие твари, с недостатками, рук в основном не хватало, и в движениях что-то было косое, рост

ниже среднего, меня ниже. С ними я справился легко, одной рукой. Слева снизу, от пояса направо вверх, и полетела челюсть или голова, от такого удара нормальному человеку трудно увернуться, а эти вообще уворачиваться не спешили, раз-два, и путь свободен. Только топорик потерял, он застрял в ребрах у полугнома, выдернуть не успел — гном скрылся.

Оставался один топорик.

И два мреца. Они показались через минуту. Самый, пожалуй, страшный из сегодняшних, прогнивший, с распухшими руками, он спешил ко мне, заплывшие бельмами глаза поблескивали желтым. Медленно как-то они торопились, упыри беззаветные, очень медленно. Я отметил, что события не развиваются, а вываливаются, выползают, как каша из опрокинутого котелка, еле-еле, наверное, это из-за темноты, очень восприятие искажает.

Второй опасности не представлял, мне показалось, что он вообще был одноногий, передвигался, опираясь на стену, подпрыгивал корпусом, брякал головой в провисшие кабели, урод, стоило заняться первым. Непривычно высоким для шахтера, два метра, с ломом, сжимаемым в громоздких кулаках, наверное, он с этим ломом и умер. Как умер, так и ходит теперь, что лом, что человек, теперь одно и то же.

Длинный кинулся издалека. Неудобный противник — у него лом, у меня топорик, попробовал подрубить колени, не получилось, ни справа, ни слева. Вообще мозг у длинного совсем не действовал, он орудовал ломом безо всякого искусства, на размах, стараясь расшибить все и вся, очень быстро я догадался, как действовать — присесть и отпрыгивать. Одно плохо, длинный не уставал, а я уже запинался и не мог приблизиться — слишком шустро он мотал железной дубиной, да и боль из ступни начала пробираться в колено, ничего, боль нормальная. Есть еще ненормальная боль, нормальная поболит и послезавтра перестанет, а ненормальная надолго ляжет, и сам ляжешь.

Ух!

Вышиб у меня топорик. То есть я сам подставился, хотел оттяпать ему руку, получилось почти наоборот. Поднять оружие уже не успел, лом прогудел у меня перед носом, ударил в холодный рельс, и по стенам запрыгало эхо, что-то запело у меня в ушах, я попытался поймать длинного за ногу, попытался уронить, но он пнул меня коленом в лицо, предпоследний зуб, последний зуб, прощай.

Карбидку в сторону своротил, а поправить я не успел. Теперь мне, чтобы видеть перед собой, приходилось поворачивать голову чуть вбок.

Успел подняться и тут же присел, лом просвистел надо мной, врезался в стену, увяз в тяжелых кабелях, длинный дернул, лом не поддался. Длинный дернул сильнее, бесполезно, лом сел крепко. И вместо того чтобы заняться мной, длинный занялся своей железкой, лом был для него гораздо важнее меня.

Я отполз на спине на метр, сорвал с пояса бутылку, почти отгрыз деснами пробку и плеснул на мреца, в белые глаза, в морду, и с ног до головы, потратил драгоценную кровь цивилизации на уничтожение никому не нужного, и тут же, не отрываясь, чиркнул огнивом, и в сторону, в сторону, и не загорелось.

Чиркнул еще, упал на левую руку, на пальцы, кисть подвернулась, и я свалился на бок, свет ушел в сторону и погас. Я чиркнул огнивом еще раз, и снова не загорелось, в свете вырвавшихся искр я увидел — мастер лома оказался прямо передо мной, и лом уже летел мне в голову.

Успел перевернуться, и тут же в спину мне ударили ломом. Больно. Конечно, защита смягчила удар, если бы не она — получил бы перелом позвоночника. Но все равно мало не показалось, перед глазами лопнули нарядные радужные пузыри, меня пробрало от пяток до затылка, рот наполнился кровью...

И еще раз. Удар. По плечу.

В этот раз звездочек не получилось, получилась темнота.

Свет всегда разный, от огонька свечи до пламени солнца, ему нет конца. А тьма всегда одинакова и всегда абсолютна. Чуть-чуть не тьма — уже свет. Поэтому в темноте

разбираться нельзя, в боли можно, в темноте нет, в этот раз темноты случилось слишком много.

Очнулся от того, что кто-то пытался оторвать мне палец. Безымянный, дергали, дергали, какая-то тварь хочет отодрать мне палец... И за ногу тянуло...

Огниво. Успел намотать ремешок огнива на палец, видимо, уже почти в бессознательности, ремешок был натянут, кресало застряло под рельсом, а ремешок вовсю старался срезать мясо с пальца. И уже почти срезал, я с трудом дернул кистью, и кресало освободилось, и я тут же спрятал его в чехол.

Темнота вокруг, непробиваемая. Кажется, в тоннеле, и пахнет... Ничем не пахнет, нос расквашен, в горле кровавая жижа.

Но все равно в тоннеле — голова стучалась о шпалы, затылком, тук-тук-тук, волокут, значит.

Это уже было. Или нет... Не помню... Нет, точно было. События слиплись в бесконечный ком, из которого торчали руки, и ноги, и жизни, и я путался, совсем уже путался. Меня уже таскали за ноги. И по тоннелям, и по норам. Пытались сожрать и просто убить, и в тоннелях, и в норах, и на улицах, везде-везде, в китайском дирижабле. Все одно и то же, только убийцы меняются. И даже не меняются...

А как по-другому? В помойной куче все крысы на одну морду, и сама куча одинаковая, мусор — он и есть мусор, трубы, бутылки, ржавчина. И это еще не раз повторится, меня будут волочь между рельсами по грязным вонючим коридорам мертвые шахтеры. Мертвые водопроводчики, возможно, если повезет, мертвые библиотекари, почему они мне раньше не встречались? Редкая профессия, наверное. А я буду сносить им башку, потому что так принято, потому что другой кучи у нас нет.

За ногу волочет. Наверное, ломовик. Сразу не зажрал, странно, побережь решил, что ли? Куда волочет... Какая-то дурацкая идея — если он меня за ногу рукой держит, то куда лом дел? Надо посмотреть...

Достал огниво. Чиркнул. Ага, тот самый. И лом действительно на плече. Почему мрец не загорается? Огниво, что ли, испортилось... Или бензин протух... Чиркнул еще...

На этот раз полыхнуло. Бензин вспыхнул, побежал по спине, по загривку и перебрался на голову, стало немного светло. Шахтер разгорался. Постепенно огонь перебрался в одежду, просохшую в подземелье, она занялась и затрещала, но шахтер не отпускал, вцепился мне в ногу крепкой натруженной лапой. Которая пылала.

Не знаю, то ли руку у него там свело, или еще что, но не отпускал. Лом тоже почему-то горел, все уже горело, а этому хоть бы что, прет себе и прет...

Ладно, хватит, провалится в какую-нибудь яму, меня за собой уволочет, пора заканчивать.

Уцепился за рельс. Шахтер продолжал тащить и гореть, сейчас бы топора... Рельс был равномерный, пальцы скользили, ухватиться не за что, сдохнуть, что ли...

Шахтер остановился. Я крутанулся влево, лягнул ногой во вражеское запястье, вырвался, поднялся, поправил шлем с карбидкой. Что это с ним, интересно? Та толстая Маша тоже замерла. Мертвенная сила в них, что ли, истекает?

Шахтер горел ярче лампы. Он вообще хорошо горел, точно пропитан был изнутри особым составом, удивительно, почти как факел. Наверное, на самом деле пропитан — под землей бывает сухо, сквозняки выдувают влагу, газы горючие, пыль... К тому же некоторые люди просто так возгораются от грехов — грехи жгут их изнутри, — что возникает настоящий огонь.

Шахтер продолжал стоять и гореть, в некоторых местах аж злым зеленоватым пламенем. Наверное, это очень удобно для самих шахтеров прежде всего. Сдохнет шахтер, а его распилят — и на дрова, и тепло, и зря не бродит.

Я надел перчатки, схватился за лом, дернул, едва не уронил, да сколько же он весит, пудовый, наверное. Острый. Бить в спину не хотелось, но потом вспомнил, что он меня совсем не пожалел, и в спину не пожалел, и по башке. Сжал лом посильнее и вогнал его под

левую лопатку. Острие прошло насквозь, шахтер покачнулся и все-таки упал.

Я отправился назад.

Голова кружилась. Прекрасно. Удары ломом по спине даром не прошли, не хватало еще сотрясение заработать, наверное, и заработал, покачивало здорово, приходилось хвататься за свисающие со стены кабели.

У дрезин околачивался одноногий шахтер, не знаю, что ему надо было, наверное, ничего, на меня он не обратил внимания. Я протиснулся вдоль стенки, двинул к Алисе с Егором. Торопясь, почему-то меня захватила мысль о том, что они исчезли, испугался, что сейчас их не найду, что буду идти по этому тоннелю вечно...

Но скоро показался огонек, Алиса и Егор сидели на кабелях, свесив ноги, съежившись, как сиротливые подземные птицы. Егор жег свечу, не знаю, откуда у него взялась, наверное, заныкал прежде. Карбидку они пригасили и теперь глядели на мелкое пламя, молчали.

Милое зрелище, умиротворяющее, беспокоить их не хотелось. Но стоило. Надо идти вперед. Вперед. Кнопка. Кнопка. Кнопка.

— А вот и наш Рыбинск! — Алиса заметила меня, само собой, первой, помахала.

Я подхромал.

— Ну что, скольких огромных женщин на этот раз успокоил? — осведомилась Алиса.

— У тебя кровь на лице, — сказал Егор. — И это... Синяк надувается.

— Что-то тебя действительно скособочило, — сообщила Алиса. — Вправо. И одновременно влево. Во все стороны, короче. Стареешь, Рыбинск, стареешь. Нос, кажется, сломали, как лепешка стал.

Я не ответил, плюнул, Егор сунул мне бутылку с водой. Выпил половину, потрогал нос. На самом деле сломан, причем хорошо так, опухоль чуть ли не на лоб поползла, и в правый глаз отростки пустила...

Если не приложить холодного к вечеру... Или к утру... Разнесет окончательно, глаза затянет, опять утрачу зрение. Где холодное...

Опустился на колени, приложился к рельсу. Холодный. Хоть и ржавый. Ничего, железо полезно для организма, главное, его не внутрь принимать, а снаружи.

— Что он делает? — шепотом спросил Егор.

— Разве не видишь? Рельсу молится.

Также шепотом ответила Алиса.

Глава 6 Защита от мертвеца

— Стоять, — проскрипел я.

Егор послушно остановился.

Алиса тоже.

Рельсы обрывались. Уходили в темноту метра на два, а тверди под ними уже не было видно, только пустота. Стены тоже заканчивались, аккуратным срезом, никаких выдранных сухожилий арматуры, висящих кабелей, бетонных сколов.

— Яма, кажется... — прошептал Егор. — Не видно дна... Бездна!

Это Егор сказал с восхищением.

— Дурак ты, Прыщельга, бездн не бывает, — фыркнула Алиса.

Она огляделась, подняла искривленный кусок трубы, швырнула в пустоту. Звук падения не слышалось долго, булькнуло, наверное, секунды через три.

— Водохранилище, — объяснила Алиса.

Я направил луч прямо и не увидел противоположной стены. А все-таки я мудрый человек Вот если бы разогнались на дрезине...

— Таких не бывает... — возразил Егор. — Это, наверное, провал... Прорва...

— Прорва — это ты, — сказала Алиса. — Обычное водохранилище. Запас воды на пятьдесят лет. Или на сто пятьдесят. Теперь понятно, почему труперы в трубе скопились, в

воду нырять не хотели. Как тут перебраться только...

— Мост, — указал пальцем Егор.

Мост выступал из темноты, казалось, он висел в воздухе, но, приглядевшись, я обнаружил длинные стальные фермы, поддерживающие его снизу.

Между краем моста и обрывком рельс небольшое пространство, метра три. Не пройдешь и не перепрыгнешь. Хорошо придумано, надежная защита от мрецов и от другой ползучей твари, через три метра пробраться сложно, если только с крыльями.

— Прыгать не буду, — сказала Алиса. — Даже не надейтесь.

— Далеко... — поморщился Егор. — А у Дэва нога болит.

Какой заботливый.

— Дрезины летать не умеют, — сказал я. — Значит, должен быть предусмотрен способ...

Я огляделся. Ну, конечно — на стене висел длинный багор, не просто висел, был прикован стальной цепью на квадратный несбиваемый замок. Впрочем, ключ болтался тут же — чуть сверху на крючке, Егор вскарабкался по кабелям, снял. Защита от мертвеца, понятно. Человек все поймет и ключ добудет, мертвец нет.

Сняли багор.

Увесистый, пришлось Егору мне помогать. Дотянулись до моста, дернули.

Люди здесь ходили, причем недавно — я заметил на замке свежие царапины, да и мост выдвигался хоть и со скрежетом, но легко.

Подтащили его к рельсам, прицепили скобой, все, можно перебираться.

— Давай, — Алиса подтолкнула Егора. — Давай, Прыщельга.

— Почему я?

— Умственно неполноценных принято пропускать первыми. Хотя ладно, не хочу, чтобы твоя кровь легла на мою совесть. Ну-ка, разойдитесь. Рыбинск, давай, свети на меня.

Алиса посторонила Егора и шагнула на мост. И попрыгала.

— Надежно, — заверила она. — Перебираемся. Давай, Прыщельга, не бойся...

Егор опустил на четвереньки.

— Голова кружится, — пояснил он. — И ботинки скользкие...

— Главное, что в штаны не наделал, — усмехнулась Алиса.

Егор пополз по мосту, медленно, прижимаясь к нему корпусом. Я вернул на место багор, замкнул его цепью на ключ, проявил человеческие качества. Ступил на мост. Узкий, от рельса до рельса, а дальше темнота, и пустота, глубина, и покачивается немного, юлит под ногами, неприятно.

Впрочем, выдвигающаяся часть моста оказалась не очень длинной, двадцать шагов, и я ступил на твердое железо. Алиса и Егор поджидали меня, Егор лежал, обнявшись с рельсом, Алиса сидела, свесив ноги с края, очень в духе Алисы.

— А если прыгнуть, а? — Алиса помахала мне руками.

— Не надо, тут высоко, — попросил Егор.

К скобе, скрепляющей мост, была привязана длинная веревка, я дернул, скоба поднялась, мост с дребезжанием втянулся, отделив нас от другого берега водохранилища пропастью.

— Я знала одного, он любил прыгать...

Бульк. Далеко под нами. И еще раз бульк, как крупная рыба плесом ударила.

— Там есть кто-то, — сказал Егор.

— Сом, наверное. Если это на самом деле водохранилище, то сомы должны водиться. Можно посмотреть.

Мне самому было интересно. Я слышал про такие накопители, в них обитали электрические сомы-людоеды, они оглушали своих жертв током, затаскивали в глубины и не спеша поедали. А в черных, никогда не видевших света омурах селились донные ведьмы с налимыми хвостами и глазами из чистого золота, и сорокаметровые угри с лошадиными головами, и...

Я вытряхнул из рюкзака факел, поджег, подождал, пока разгорится, и бросил вниз.

Факел долго падал сквозь плотный воздух, лениво, мне показалось, что он завис, свет его был тускл и жалок — и все никак не мог встретиться с водой.

— Застрял... — прошептал Егор. — Вы видите — застрял!

— Это ты застрял, — тут же сказала Алиса. — В трехлетнем возрасте. Факел не завис — он на что-то упал. Не видно только пока... Красиво...

Я смотрел под ноги. Далеко внизу горел факел, красный цветок, темнота жадно подъедала пространство, но все равно было видно — водохранилище безбрежно. Вода темная, но беспокойная, на поверхности водовороты и волны, казалось, что вода шевелилась сама собой, как живая.

— Там дом... — прошептал Егор. — Факел лежит на крыше. Дом! Вы видите!

Из темноты выступало странное сооружение. Плот. Широкий, собранный из всякого мусора. Из бутылок. Пластиковые бутылки — самый ценный продукт ушедшей цивилизации, с помощью них можно сделать все. Построить плот, например, было бы куда плыть. Там не одни, впрочем, бутылки просматривались. Надутые автомобильные камеры. Пластмассовые бочки и квадратные баки, набитые пенопластом, а на всех этих плавучих средствах лежали широкие бруски, на брусках стоял домик. Самый настоящий, сложенный из бревен и покрытый черепицей. С широкими окнами, с верандой. Чистый и как будто игрушечный, я видел такой на картинках, на неправдоподобных фотографиях из прошлого.

Сам плот был обнесен небольшой веревочной преградой. На плоту человек. В кресле-качалке. Мертвый.

Совершенно мертвый, я в них толк знаю.

— Там кто-то есть! — громко прошептал Егор. — Давайте ему крикнем!

— Да он труп! — вмешалась Алиса. — Трупнее не бывает! Мертвяга!

— А домик красивый, — сказал Егор. — Очень... Сколько он тут прожил, а?

Спросил Егор.

— Какая разница? — Алиса плюнула вниз. — Он там прожил сто лет и сдох пятьдесят лет назад... Послушайте, психи, надеюсь, вы не собираетесь спускаться?

Алиса посмотрела на меня с испугом.

— Там может быть оружие, — предположил я. — Патроны...

Спускаться глупо. Это сделать могу только я, а я не в самой лучшей форме. Спуститься еще могу, а вот подняться... Да и веревки нет надежной.

— Я не полезу, — сказал Егор, забегая вперед. — Смотрите, огонь разгорается!

От факела затянулась крыша. Пластиковая черепица, она не должна гореть. Но вещи теряют свои качества, я об этом уже говорил. То, что не тонуло, тонет, то, что не горело, горит. От факела расплзалась огненная язва, прогоревший пластик проваливался внутрь крыши, и из дыры уже начинал валить дым. Он долетал до нас, горький, едкий, пришлось переместиться в сторону, оттуда пожар было видно лучше. Скоро крыша разгорелась веселее, полопались стекла, воздух ворвался внутрь дома, занялись стены, внутри затрещало. Темнота расступилась, и стал виден размер водохранилища. Озеро средних размеров, никак не меньше, в плохую погоду с одной стороны другую не увидеть.

И плот с горящим домом. И вода вокруг бурлит.

— Пойдемте-ка, — сказал я. — Кто знает, что у него там рванет еще. Вдруг там газовые баллоны остались?

— Правильно, — согласился Егор. — Рванет, а мы туда провалимся...

Но рвануло совсем по-другому. Зашипело, засвистело, затрещало, и через горящую крышу стали вылетать разноцветные шары. Вдруг и много. Величиной с кулак, эти шары разлетались по сторонам, разбрасывая слепящие искры, стрекоча и взрываясь, превращаясь в клубы огоньков, меняя цвет.

Как живые цветы, они превращались из зеленого в синий, потом в оранжевый, затем в красный и ослепительно белый. Шары, огоньки и искры металась по водохранилищу, сталкивались друг с другом, отскакивали от стен, с визгом взмывая мимо нас к потолку, с

шипением погружаясь в воду. Егор восторженно охал при каждом новом хлопке, вздрагивал, когда огонь пролетал слишком уж близко, и закрывал глаза при наиболее ярких вспышках.

Это продолжалось долго. Плавающий дом хранил в себе огромный запас веселья, наверное, мертвец, горевший вместе с остальным на своем диване, был при жизни человеком жизнерадостным, и уход его получился ярким, громким и настоящим. Так и должны уходить люди.

И вот дом вздохнул. Громко, точно внутри у него лопнул плавательный пузырь, собственно, так оно и было — под брюхом плота начали плавиться пластиковые бочки и лопаться резиновые камеры, дом накренился, хлебнул черной водички и неожиданно быстро затонул, выбросив над собой белое облако пара. Потемнело.

— Смотрите — они и под водой тоже... — указал пальцем Егор. — Еще стреляются...

Огненные шары продолжали вспыхивать и в глубине и почти немедленно гасли, и при их скудном свете было видно, как проплывают над ними продолговатые тени.

Кто-то там определенно... Сомики.

Я представил, как жил человек на плоту. Один, окруженный этими водными тварями. Храня на чердаке дома ящики с огнями радости, дожидаясь, когда их можно будет пустить в ход по какому-нибудь стоящему поводу.

Но не дождался. То есть дождался, но уже мертвым.

Какое-то время мы сидели почти в темноте, лампа светила слабо, пришлось отвернуть кран посвободнее...

— Бежим! — вдруг заорала Алиса. — Бежим!

— Что?! — встрепенулся Егор.

Алиса схватила его за шиворот и поволокла по мосту, я взглянул вниз, успел. Вода светилась неприятным малиновым светом и надувалась пузырем. Ничего хорошего этот пузырь не предвещал, я поспешил за своими.

Мы преодолели мост, вбежали в тоннель, в точно такой, как на противоположном берегу, Алиса остановилась, и Егор привалился к стене, но я рывкнул и поволок их дальше, впрочем, отойти мы не успели, надо было падать...

Мощно, видимо, все-таки газ. Или что посерьезнее. Сомиков глушить. Мертвец приготовил своим соседям последний сюрприз, это да.

Взрыв случился в воде, она расширилась и толкнула воздух, нас ударило в спины мокрой волной, не успели ни залечь, ни за кабель схватиться.

Полетели.

Вытянул перед собой руки, но все равно ударился сильно, локтем, левую ладонь вообще чуть не проколол чем-то, и колено... Но самое худшее было другое. Немножко потерял равновесие и снова ударился головой, шлемом. Карбидка ударилась о рельс, рефлектор сплющился, лампа соскочила со шлема, свет погас, и залило водой, мгновенно промок.

— Да будет тьма, — сказала Алиса совершенно спокойно. — Живы, покойнички?

Некоторое время у меня перед глазами кружились колючки, похожие на репейные семена, только треугольные, потом они рассеялись, и тьма вступила в свои права.

Я поднялся, попробовал то есть. Опять качало, теперь даже небольшое сотрясение вызывало головокружение, наверное, мозгом все же стукнулся, подняться не удалось, опустился обратно. В голове закручивались дикие спирали, надо зацепиться за что-то глазом, но вокруг непробиваемая кромешность и вода за шиворотом, неприятно. Но могло быть и хуже, взрыв в замкнутом пространстве, могло выбить перепонки, выдавить глаза, высосать легкие, перемолоть сердце, печень и селезенку, а повезло.

— Давайте, что ли, свет зажжем, — недовольно буркнула Алиса. — А то мы сейчас все себе поломаем... Скользко. Рыбинск, давай огонь!

Огонь.

Огниво. Мне подарил его Гомер, принес из очередного похода, снял его с трупа врага, не просто под кустом нашел, настоящая вещь. Заостренный напильник и трубка, из которой

высекаются искры, не знаю из чего, то ли камень, то ли металл, кремь, так его у нас называли. Стоит чиркнуть немного — искры, крупные, даже бересту поджигают. Соединено цепочкой. Хранил огниво в кожаном футляре с тройной застежкой, как Алиса пустилась ругаться на тьму, так я руку в кошель и сунул. А огнива нет.

Сначала думал, что мне это почудилось — в мешочке из толстой кожи обнаружилась непривычная пустота, вода. Вытащил пальцы, пошевелил ими, погрузил еще раз. Ничего. Ни привычной ребристой поверхности кресала, ни шершавого холода кремья.

Выскочило.

Последняя вещь, оставшаяся у меня от Гомера. Память. И вещь полезная, но память прежде всего, пропадет огниво, и оборвутся последние нити, и забуду. Вещь исчезнет, и я забуду. Останется только имя, но его-то я буду помнить.

Всегда.

Я опустил, наколенники ойкнули, жалобно и как-то позавчерашне. Пополз между рельсами, ощупывая все вокруг, выщербленные бетонные шпалы, ржавчину, поселившуюся на железе, мелкую гальку, перемазанную жирным маслом, колючки и, как мне показалось, кости, я наткнулся на обломки карбидки и порезал пальцы. Лампа оказалась исковерканной, трубки разорваны, рефлектор смят, все, в темноте не восстановить.

Значит, придется дальше с факелами пробираться, что не очень хорошо, ничего не видно...

Факелы промокли. Не все, один я в бутылке сохранил.

Ладно с ней, с карбидкой, огниво бы отыскать.

Я ползал на коленях, ощупывая окрестности. Ничего. Мусор, грязь, какие-то гайки, огниво будто провалилось, оно вполне могло и провалиться, тут полно дыр...

Ладно, я прекрасно понимал, что найти что-то в темноте да еще в незнакомом месте невозможно. Но все равно искал.

Сбил, дурак, сошел с места, отсутствие света скрадывает расстояние...

Не найти. Огниво исчезло. Навсегда, я это понял уже через пару минут. Сел на рельс. Хотелось подумать. О чем... Темнота наступает, я упустил прибор, рождающий огонь. Знак, что ли... А плевать.

— Прыщельга?! — позвала Алиса.

Егор смолчал. И я.

— Прыщельга! Рыбинск, вы где, придурки?!

Егор молчал.

— Во бараны... Если не отзоветесь, я сейчас топор куда-нибудь кину!

Пообещала Алиса.

— Тебе, Прыщельга, точно в башку попадет, очень пожалеешь! Кидаю!

Алиса лягнула топором, и Егор тут же отозвался:

— Я здесь.

— А чего молчишь, идиот?!

Алиса нервничает. Никто не хочет оставаться один. Алиса вот, наглая особа, всем плюет в глаза без разбора, а туда же. Человек — стайное животное, ему одному тухло, он все время прижаться хочет...

Особенно в темноте.

— Я не молчу, — повторил Егор. — Просто у меня челюсть парализовало...

— У тебя мозг парализовало. И у меня. А крепче всего у Рыбинска, я это с первого раза заметила. А где Рыбинск?

Я молчал.

— Рыбинск!

Я исчез.

Метрах в пяти от меня. А я думал, совсем в другой стороне, уже успел заблудиться. Раньше у меня в голове вертелся компас, безошибочно определявший направление к дому. Теперь нет. Жизнь — это отсечение, и это тоже Гомер говорил. Сначала зрение, потом слух,

потом мозги киснут, киснут, и в один момент тебе просто не хочется жить. Шевелиться, бежать, биться головой о стену, ничего не хочется. Продержаться до кнопки.

— Рыбинск, отзовись! — велела Алиса.

Ага, четыре раза.

— Дэв, ты где на самом деле? — спросил Егор.

Я молчал.

— Нет его... — сказал Егор.

— Нет его, как же... Рыбинск, выходи, а то точно топор кину!

— Не надо, — попросил Егор.

— Кину! — упрямо сказала Алиса. — Он мне надоел! Рыбинск, я кидаю!

— А если в меня попадешь? — заволновался Егор.

— А пусть.

— погоди, — сказал Егор. — погоди, не торопись. Если ты топор кинешь, потом его трудно отыскать будет...

— Дэв! — крикнула Алиса бешено. — Выходи!

Сама дура. Куда я ей выйду?

— Он, кажется, запнулся... упал.

— Надеюсь, он свернул себе шею. Хотя вряд ли такое счастье случится, я не верю в чудеса...

Алиса. Что ты делать будешь, если я на самом деле сверну шею?

— Наверное, он головой ударился, — предположил Егор. — Сознание потерял... Наверное, рядом где-то лежит. Я поищу...

— Стоять! — крикнула Алиса. — Стоять!

Нет, точно нервничает.

— Не надо никуда идти! Не хватало нам еще потеряться! Подождем. Если Дэв ударился, то он очнется... Дэв?

Я решил не отвечать. Слишком умные, тоже мне, сами по себе...

— Дэв, хватит, выходи, — попросила Алиса. — Прыщельга, скажи ему... Прыщельга, ты здесь?

— Здесь, здесь, — сказал Егор. — Доставай веревку, сейчас прощупаем... А если его... утащили?

Егор перешел на шепот.

— Кому он нужен? — спросила Алиса. — Такой гад...

— Слизню, — сказал Егор.

— Кому?

— Слизню. Или слизеню... Вдруг и здесь они водятся?

Алиса вздохнула.

— Надо было и дальше в холодильниках идти, ты это хочешь сказать?

— Что еще?

— Нет, я просто...

— Сейчас меня стошнит, — перебила Алиса. — Егор, отойди подальше, а то заблую тебя до смерти.

Егор сделал шаг, запнулся, упал.

— Его не могли утащить, — возразила Алиса.

— Почему?

— Потому что он мне еще не надоел. Вот если бы он мне надоел — его давно уже слопали бы. Но я его пока еще терплю. А вот ты, Прыщельга, мне уже надоел... Шучу-шучу, не падай.

— Я уже упал.

— Послушай, Уже упал, а ты сам огонь добывать умеешь?

— Сейчас попробую...

Егор принялся копошиться, брякать железками, но ничего так и не выбрякал,

разочарованно языком прицокнул.

— А ну, дай-ка ружье, — потребовала Алиса. — Сейчас пальну, сразу светло станет!

— Не надо! — визгнул Егор.

Послышалось копошение, видимо, Егор пытался забраться под рельс.

— Я здесь, — сказал я. — Стрелять не надо.

Кто-то вздохнул с облегчением, то ли Егор, то ли Алиса.

— Я так и знала, — Алиса отчетливо плюнула. — Ничто с ним не произошло, жив-здоров, нас еще переживет.

Алиса плюнула снова.

— Ты что плюешься!

— Слюна скопилась. Извини, Прыщельга, я не хотела в тебя попасть. Просто так уж получается, плюнешь от души и обязательно в какого засранца попадаешь, у меня с детства.

Егор промычал, Алиса исправилась.

— Если ты очень сердишься, ты в меня тоже плюнь, я совсем не обижусь.

— Что?

— Все, Прыщельга, я передумала. У тебя был шанс, теперь его больше не будет. Никогда, откуси себе с горя язык. Рыбинск, ты что прячешься?

— Я не прячусь, головой стукнулся... Сотрясение мозга, наверное. И с глазами что-то, я что-то вас не вижу...

— Не переживай, я тебя тоже не вижу, — фыркнула Алиса. — И Прыщельгу не вижу. Но слышу. На нем блохи о жизни совещаются. А Рыбинска по запаху слышу, от него карасями воняет... Или пескарями. Но я вот что думаю, в темноте есть свои большие преимущества. В темноте я вас не вижу. Это здорово — не видеть ваши морды. Прыщельга, когда у тебя день рождения?

— Не помню, — ответил Егор.

Алиса снова плюнула, не попала. Или Егор промолчал.

— Пусть третьего июля. Ты мне третьего июля напомни, я тебе подарю порошок от блох — и будет счастье.

Она замолчала.

Некоторое время мы дружно молчали, первой не выдержала Алиса:

— Да будет свет, а?

— Я огниво потерял, — признался я.

— Огниво потерял... Как говорили мудрые люди древности, жизнь — это дорога потерь и разочарований, так ведь, Рыбинск? Сегодня огниво потерял, завтра голову... Герои, вы меня утомили, давайте свет.

Егор принялся шарить по карманам, приговаривая, что у него где-то тут хранилась зажигалка, но, конечно же, не нашел.

— Патроны давай, — велел я ему.

Старинный способ. Вскроем патрон, высыплем порох, щелкнем капсюлем, зажжем факел. Просто. Нечего впадать в панику, со мной так уже сто раз случалось.

— Три штуки осталось, — напомнил Егор. — Поберечь бы...

— Давай один.

— Сейчас.

Егор принялся клацкать механизмами двустволки, извлекая патрон.

— Ах ты... — выругался он.

— Что? — спросила Алиса. — Надеюсь, палец оторвался?

— Патрон упал... — грустно сказал Егор.

Я хотел было хорошенько обругать Егора за безрукость и безмозглость, но вспомнил, что сам ничуть не лучше.

— Цирк уродов, — загадочно произнесла Алиса.

— Сейчас найду...

Егор закричал, опускаясь на колени.

— Не, Дэв, ты уже не тот, — сказала из темноты Алиса. — Совсем не тот. Раньше ты, как червь, в землю закапывался, бегал, прыгал, стрелял... А сейчас огниво теряешь. И Прыщельгу тому же учишь... Нет, от вас никакого, как я погляжу, толка, наоборот совсем. Зачем я с вами только связалась...

Егор не ответил, ползал, кряхтел, хлопал носом. Алиса ругалась. Но как равнодушно, без своей обычной ехидности, без души, так, устало.

— А я ведь ему поверила почти, — прихмыкивала Алиса. — Он мне те же сказки рассказывал, говорит, пойдём со мной, нажмём на кнопку, спасу мир, спасу тебя, будешь за мной, как за каменной стеной... А теперь, я гляжу, совсем никуда уже наш Дэв не годится, руки за ноги запинаятся. Как жить, а? Прыщельга, может, ты мне расскажешь?

— Закатился куда-то... — ответил Егор. — Не могу найти, пальцы не просовываются...

— Пальцы не просовываются... — передразнила Алиса. — Ничего у вас не получается, бараны сумеречные.

— Сейчас второй патрон достану, — сказал Егор.

— Давай-давай, — с удовольствием сказала Алиса. — Патронов у нас мно-о-ого.

— Доставай, — велел я.

Егор снова залязгал металлом, ку-клукс-клац.

— Достал, — сказал он. — Вот. Ты где?

— Ты где, Рыбец, отметься свистом, — промурлыкала Алиса.

Я свистнул, Егор сделал несколько шагов, нащупал, протянул патрон. Я зажал его зубами, спрятал подмышкой извлеченный из бутылки сухой факел. Добыть из патрона огонь легко, порох, капсюль, молоток.

Снял шлем, размотал с шеи шарф — единственную сухую тряпку, сохранившуюся на мне. Протер рельс, три раза. Распотрошил патрон, рассыпал порох.

Капсюль вот не выковыривался. Это был китайский патрон, было темно, и у меня ничего не получалось. Пальцы плохо слушались, голова продолжала крутиться, лоб продолжал пухнуть, в переносице ворочался холодный стержень. Нет, не получится, попробуем по-другому. Установил гильзу на порох, капсюлем вверх. Теперь попасть топором по доньшку. На ощупь это сделать было трудно, поэтому я зажал гильзу пальцами, размахнулся. Если промажу, пальцы могут и сломаться.

К черту, пальцы мне еще пригодятся — убрал руку, ударил.

Промазал, гильза отскочила в сторону.

— Бамц! — сказала Алиса.

— Мимо? — спросил Егор.

Я ударил по рельсу, надеясь высечь искру от железа, но слой ржавчины оказался слишком толст, нужной температуры не возникло.

Алиса захлопала в ладоши, звонко, мне захотелось схватить ее за руки, но в темноте я не видел совсем. Гомер рассказывал, что если долго сидеть во тьме, то рано или поздно начинаешь немного различать предметы. Но времени у нас не было.

— Один остался... — сообщил Егор.

— Хватит патроны тратить, — попросила Алиса. — Застрелиться не хватит. Давайте что-нибудь придумывать.

Я стал придумывать. Натуго обмотал шарфом голову, понимал, что это все чушь, но хотелось — чтобы мозги не очень болтались, не очень стучались о стенки черепа.

— Что молчишь? — спросила Алиса.

Я вспоминал способы добычи огня. Огниво небывало позорно утеряно, неслыханная вещь, никогда про такое не слышал, край. Патроны не годятся, да он и один остался. Карбидка сломана. Можно попробовать, конечно, починить, но тут с меня взять нечего — руки трясутся, в голове шарикоподшипники. Егору доверять нельзя, Алису вообще в расчет не берем. Надо высечь искру...

Это получится. Вокруг одно железо, если долбить по нему топором, то искру высечешь рано или поздно. Только это будет холодная искра, такой вряд ли порох поджечь получится.

По-другому...

С потолка капала раскиданная взрывом вода, воздух был пропитан влагой, хорошо, что хоть не очень холодная.

— Зажигалки нет? — спросил я на всякий случай.

— Может, тебе сразу прожектор подогнать?

Я надел шлем. Поверх шарфа. Голову сжало, мысли не собрались.

— Некоторые трением добывают, — прошептал Егор.

Алиса постучала по чему-то гулкому.

— Я не знаю, как больше... — Егор явно пожал плечами.

Попробовать выковырять из лампы карбид. Полить его водой, пойдет газ, и чиркнуть...

Сложно слишком в темноте.

Похоже, выхода нет.

— Я не знаю как, — сказал я.

— Что?

— Я не знаю, как добыть огонь, — признался я. — Даже если бы здесь было сухо... Не получилось бы.

Егор издал звук, во мраке не сумел его опознать.

— Пойдем в темноте, — сказал я.

— Самоубийство, — немедленно сказала Алиса.

Это точно, самоубийство. Причем верное. Во-первых, ноги поломаем. Как бы ты ни был ловок, какой бы у тебя ни был слух, в темноте тебе это не поможет, зацепишься за кривую арматуру, напорешься на штырь. Во-вторых, любая тварь нас подстережет, потому что у них чутье и зрение, а у нас в лучшем случае слух. В-третьих... Первых двух хватит вполне.

— Надо вернуться к дрезине, — сказал я. — В баке есть бензин, немного, пол-ложки, но сохранилось. Там есть... Я не знаю, как оно называется, то, что бензин зажигает...

— Свеча, — сказала Алиса. — Это действительно выход, так получится огонь развести... Только туда вернуться... Через мост?

Егор присвистнул.

Это точно, через мост не вернешься. Нет, конечно, можно рискнуть... Уж очень придется рисковать, не стоит. Да и мост вообще, наверное, не устоял, после взрыва. Нет...

— Назад не пойдем, — сказал я.

— Вперед не пойдем, назад не пойдем, что делать будем?! — занервничала Алиса.

— Думать.

Я раскатал мешок из строительного утеплителя, забрался в него, сыро, но ничего, закрыл глаза. А мог бы и не закрывать.

— Дэв? — позвал Егор. — Ты что делаешь?

— Спать устраивается, — ответила догадливая Алиса.

— Спать?! — поразился Егор.

— Ага, — сказал я. — Я поплю. А ты сторожи. Слушай.

Уснул я удивительно быстро, не успел до трех сосчитать, как уже проснулся.

Алиса и Егор шептались. Тикал будильник. Раньше я его не слышал совсем, а теперь наоборот. Четкие шаги стрелок и спокойное журчание шестеренок, эти звуки растекались в глухом пространстве, набирали силу, обступали со всех сторон, я чувствовал себя погруженным в часы, в сердце гигантского будильника. А где-то далеко, в глубине бесконечной подземной протяженности, звякали далекие серебряные молоточки.

Звук был слабый, гораздо слабее тиканья, он долетал до нас с очевидным запозданием, трудно отражаясь от стен, от потолка, рассыпаясь в ветках коридоров, но все-таки добиралась до нас.

Примерно на это я и рассчитывал. Мы успокоимся. Сердце замедлит бег, кровь перестанет бешено стучать в уши, прекратится капель, и воздух чуть подсохнет, внутренняя тишина согласуется с внешней, и тогда мы услышим. Замок на мосту открывали недавно.

Значит, тут проходили люди.

— Слышите? — спросила Алиса. — Дэв, ты слышишь?

— Очень далеко, — ответил Егор. — Не знаю даже как. Двадцать километров.

— За двадцать километров ни один звук не доскачет, — возразила Алиса. — Ближе. Но, конечно, далеко. И в темноте.

— Пойдемте... — сказал я. — То есть пополземте.

— В каком смысле пополземте? — возмутилась Алиса.

— В прямом. На коленях. Потихоньку. Осторожно. Шаг за шагом. У всех наколенники есть, ничего, мослы не испортим. Перчатки наденьте.

А как по-другому? Только ползком. Вдоль рельс, ползком.

Преимущества налицо — не запнешься, это раз, а если не запнешься, значит, и не упадешь, не расшибешься, голову не сломаешь. Можно рукой ощупывать — что там впереди, или прутом лучше. И если еще какой взрыв, то волна пойдет над, а не в спину, удивительно вообще, как тоннель не рассыпался, хорошо шахтеры построили... Минус передвижения на карачках один — медленно.

— Поползем, — повторил я. — Потихоньку, помаленьку... Скорость ползбы примерно километр по пересеченной местности, так что... Все равно другого варианта нет. Так что вперед.

Я свернул спальник, надел рюкзак, проверил топоры, натянул перчатки покрепче и двинулся первым.

— Стоп! — требовательно сказала Алиса. — Есть важный Момент!

— Какой еще?

— Самый что ни на есть насущный. Как мне ползти?

— А что тебя смущает? Ползи как все...

— Нет. Первой я ползти не стану, не хочу, чтобы такие больные, как вы, смотрели на меня сзади.

Егор хихикнул.

— Тут же темно, — сказал он. — Мы тебя все равно не увидим.

— А мне плевать! — капризно сказала Алиса. — Не хочу! Я вам не доверяю! Обоим! Особенно тебе, Прыщельга!

— А я-то что? — с обидой спросил Егор.

— Я же видела, как ты на меня посматриваешь!

Теперь рассмеялся уже я, не смог удержаться — вся Алиса в этих вещах. Глупых ссорах, издевательских подначках и... Я к ней уже привык.

— Я на тебя не посматриваю...

— Я что, тебе не нравлюсь?

— Нет, ты мне нравишься, только я не посматриваю...

— Ползи за нами, — перебил я эту страстную беседу.

— Сами за собой ползите, — тут же сказала Алиса. — Я поползу, а ваши глупые задницы будут у меня перед носом? Нет уж!

Теперь рассмеялся и Егор.

— Ты не хочешь ползти первой, ты не хочешь идти последней, как же ты хочешь?

— Пусть ползет рядом со мной, — решил я.

Алиса согласилась. Разумеется, на том условии, чтобы Егор передвигался за мной.

Мы пошлепали. Сначала молча, через каждые сто метров останавливаясь и прислушиваясь к далеким звукам. Затем, убедившись в том, что звуки эти не прерываются, рассказывая сказки. По очереди. Алиса опять рассказывала про «одного придурка», она была с ним знакома, и он то и дело попадал в разные истории, которым не находилось никакого оправдания. Истории в основном скучные, чрезвычайно язвительные и с неперменной моралью в конце. Выражавшейся в следующих словах: «а я этому идиотику говорила».

Я тоже знал целую кучу поучительных историй про разных дураков, только в моих историях они все в конце погибали, причем обычно мучительно и страшно, так что сказать

«а я тебе говорил» было некому. Поэтому я рассказывал про приключения Ноя, смешные, печальные и поучительные в самой незначительной степени.

Егор вообще поучительных историй не знал и рассказывал про еду. Про то, что он ел, про то, что он хотел бы поест, и про то, что человек ест для того, чтобы жить, а не живет для того, чтобы есть, он читал, на севере в студеных ручьях водятся маленькие рыбки, по вкусу... По вкусу, как песни ангелов.

Это было интереснее всего.

Глава 7 Шахтерский хлеб

— Лязгает...

Действительно лязгает. Громыхание какое-то железное.

Темно. То есть почти темно — впереди по полукруглым стенам тоннеля играли отблески света.

— Прыщельга, давай, сползай, посмотри, — Алиса посмотрела на Егора.

— Я... Я... Да, сейчас...

Егор выдохнул трагически и собрался ползти, Алиса пнула его в ногу.

— Сиди уж, — сказала она. — А то не станет кому ботинки почистить, как тогда жить...

Она оттолкнула Егора и с ловкостью ящерицы зазмеилась к мостику, которым заканчивался переход между тоннелями.

— Всегда она так... — грустно сказал Егор. — Я к ней всей душой, а она...

— Она тоже к тебе всей душой, поверь мне. И вообще, ты ей нравишься.

— Я?

— Ну, конечно. Я ее давно знаю.

— Давно... А я девчонок вообще не видел никогда, только на картинках...

— Ничего, — успокоил я. — Совсем скоро их у тебя будет девать некуда.

— Да? — чистосердечно удивился Егор.

— Конечно. Я тебе обещаю. Как только все закончится, так сразу все и начнется. У тебя будет целая куча девчонок, шоколада, печенья с сушеной вишней...

Короче, всего.

— Сразу?

— Почти. Через некоторое время. Что-то она долго... Сейчас схожу посмотрю, а ты здесь оставайся.

— Нет уж! Не хочу, я с тобой...

Двинулись. Метров через пятьдесят тоннель разошелся надвое, Алиса лежала в правом. На полу, поперек, на коротеньком мостике, перекинутом через железнодорожные пути, лежала.

— Мертвая... — выдохнул Егор.

Алиса помотала головой. Сделала знак — валитесь на пол, подтягивайтесь ползком. Мы легли на холодный мраморный пол, поползли, стараясь не шуметь.

— Тише, болваны, — сказала она. — Тут интересное...

Устроились на мостике, укрывшись за перилами, проросшими мхом. Под нами блестели рельсы. Блестели.

— Я сейчас такое видела! — Алиса кивнула вниз, на рельсы. — Чрезвычайно интересно... Смотрите!

В тоннеле показался свет. Яркий, электрический, к нам с мрачным гудением приближались два желтых глаза.

— Топорик дай...

— погоди, — прошипела Алиса. — Пригодится еще...

Из тоннеля проявилась тележка. Платформа с колесами, как дрезина, только не с

рукояткой, а со сбруей, в которую были впряжены...

Ну, вроде бы... Фигуры. Горбатые, худые, в касках, фигуры тянули тяжелую телегу, на которой горой возвышалось добро. Телега катилась по рельсам вроде бы вполне себе легко, но при всем при этом со ржавым скрипом.

— Это кто опять? — спросил Егор.

— Шахтеры опять, — ответила за меня Алиса. — Это шахтеры, я никогда не видела их... живыми...

— Я тоже...

Телега прокатилась под нами, и тут же из тоннеля показалась следующая, поменьше. Ее тащил уже один, в ней горой лежали предметы, напоминавшие мячи. Целая гора мячей, зачем им столько?

А потом они просто повалили. Телеги на круглых колесах, волокуши на подшипниках, тачки, состоящие из двух колес и прицепа, люди... Нет, все-таки люди — на некоторых телегах сидели дети с чумазыми, усталыми, но вполне человеческими лицами. Старшие же выглядели совсем по-другому. Они не смотрели вверх, а если и поднимали лица, то я видел только маски.

Из белой пластмассы — с дырками для глаз и рта, и плетеные из разноцветной проволоки, за которой совсем не видно кожи, только крупная ячеистая сетка, и удлиненные каски с вмонтированными в них выпуклыми очками, и просто грязные тряпки, обмотанные вокруг головы. А вообще шахтеры были разные. Некоторые высокие, отчасти длинные, неприятно напомнившие мне сумраков, угловатые и обвешанные газовыми ключами, обрезками труб и непонятными приспособлениями, теперь понятно, откуда у мрецов оружие. Другие, наоборот, приземистые, ниже меня, коренастые и широкоплечие, некоторые казались больше в ширину, чем в высоту, с некрасиво короткими руками, большими головами и ногами, как толстые тумбы. Третьи вообще непонятные, нескладные и несуразные, инвалиды шахтерского труда — одна рука длиннее, второй вообще нет, ноги колесом, горбы, кривые шеи, слишком маленькие головы, эти существа двигались дергано, отрывисто и размашисто, как испорченные роботы. Почти как мрецы, только не мрецы.

Уродцы передвигались медленно, с лязгом, хрустом и постаныванием, на стены тоннеля ложились причудливые изломанные тени, в которых не чувствовалось ничего человеческого, казалось, что по путям шагает процессия настоящих чудовищ. Наверное, года два назад я, не задумываясь, открыл бы огонь, приняв подземных обитателей за порождения тьмы, сейчас...

Сейчас я наблюдал.

Они тащились долго, наверное, час, запасы шахтеров под землей оказались велики.

— Уходят, — прошептал Егор. — Куда?

— Не знаю. Подальше. Я думаю, к востоку.

— Наверное, им есть куда отступать, — негромко сказала Алиса.

— Наверное...

— Переждем, — сказал я. — Пока последние не пройдут.

— А потом?

Я не ответил. Потом по этому тоннелю, что ж непонятного.

— Шахтеры бегут, — сказал Егор. — Под землей тоже нехорошо.... Тут жарко...

На самом деле жарко. По-настоящему. Я начал потеть уже давно, не обращал внимания, думал, от усердия ползбы, а теперь вот почувствовал. Мы приближались к цели, и становилось все жарче и жарче. Внизу пекло, наверху зима, снег должен таять... Я думал, что тоннели затоплены, не все, оказывается, некоторые вполне проходимые. Не люблю я всю эту подземку, ой как не люблю... А видимо, на поверхность выберемся не скоро, да и снег там, что там делать...

Шахтеры брели еще почти час — Егор то и дело доставал будильник и поглядывал на стрелки. Последним пробрела грустная семья, главный и несколько мелких, дети. Все были впряжены в грубые волокуши, перемещавшиеся по рельсам с нестерпимым скрежетом,

который звучал в тоннеле еще долго.

Но и он смолк, в тоннеле стало тихо, мы спустились с мостика на перрон. Очередная безымянная станция, стены, поросшие бледным мхом, с потолка свисают... сосульки, что ли, не знаю. Мы спрятались за мохнатыми колоннами и подождали еще немного. Никого.

— Ну что? — Алиса уставилась на меня. — Вперед?

— Шахтеры не входили в мои планы... Хотя, может быть, это к лучшему. Вперед.

— А если они пойдут навстречу? — спросил Егор.

— Если они пойдут навстречу... Мы скажем им «привет». Я первый.

Я спрыгнул с платформы. Подал руку Алисе, она фыркнула. Егор хихикнул.

Примерно полкилометра. Навстречу нам тянулся незнакомый шахтерский запах, составленный из множества оттенков, из железа, машинного масла, горелого пластика, пота и непонятного запаха, напоминающего воск. Я уже почти привык к этому запаху, но тут в него вплыла новая струя, кажется, пища, что-то жареное, Егор начал пыхтеть носом, а Алиса сказала:

— Смотрите, пришли, кажется.

Алиса остановилась.

Тоннель закончился. То есть не совсем закончился, а разошелся, как воронка, только не в глубину, а в разные стороны. Потолок зала подпирали кривые железные штанги, похожие на рогатки, между этими рогатками были натянуты тросы, к которым крепились длинные кабели с лампами. Рельсы заканчивались, по краям воронки располагались вагоны стального цвета, а в центре темнела яма, так на первый взгляд показалось. Однако, приглядевшись, я обнаружил, что это тоже тоннель, только идущий вниз, под уклоном.

— Жарко... — Егор вытер лоб. — Чувствуете?

Кто бы не почувствовал. Из тоннеля шел вполне ощутимый теплый воздух. Поток его был настолько сильный, что некоторые лампы покачивались, рисуя на стенах замысловатые узоры.

— Видимо, мы полезем вниз, — сказала Алиса. — Так?

Я кивнул. Егор протяжно вздохнул.

— Правильно, — неожиданно поддержала меня Алиса. — Поперечный тоннель, тот, что с севера на юг, должен проходить где-то здесь... Так что вниз. Правильно, Егор?

— Конечно, — тут же подхватил Егор. — Там теплее. А я уже устал от мороза... Шахтеров не видно.

— Пока не видно, и пойдём. Нечего...

Снизу раздался свист и сразу за ним дружный лязг.

— Опоздали, — грустно сказал Егор.

— Туда! — Алиса подтолкнула нас к ближайшему вагону.

Мы быстренько запрыгнули внутрь, спрятались за скамейками, стали наблюдать.

— Опять ползут... — Алиса поморщилась.

По наклонному тоннелю поднимались люди. Шахтеры то есть. Мрачная толпа суровых троллей, по свистку они впрягались в лямку и делали шаг, затем совместно вдыхали-выдыхали, еще свисток — и еще шаг.

— Телегу тащат, — прошептал Егор. — Добро вывозят...

— Много их как-то... — Алиса плюнула. — Развелось.

— Кто-нибудь по-шахтерски умеет?

Языков мы никаких не знали, даже Егор, который, сидя в слоне, много читал.

Алиса хмыкнула.

— Шахтеры они... — Егор выдержал вопросительную паузу. — Они чем питаются?

— Прыщельгами, — тут же ответила Алиса. — А ты думаешь, зачем мы тебя с собой взяли? Мы тебя кинем, они прыгнут, а мы тут и проскользнем.

Наивный Егор поглядел на меня, я не стал его успокаивать. Пусть помучается.

Шахтеры показались из тоннеля. Они выволокли за собой очередную телегу на железных колесах, в нее тут же впрягся плечистый шахтер и, поднатужившись, поволок

ношу в тоннель Верхнего метро. Понятна их схема — вверх телегу втягивает группа, затем, дальше по горизонтали тянут в одиночку. Бегут шахтеры, бегут.

— А это кто еще... — Алиса переместилась чуть вправо. — Он мне что-то совсем не нравится... Видите?

Егор промолчал. Не видит. Как и я. Я недавно в цвет вернулся, по краям еще муть и крупные зерна, а вдаль вообще плохо вижу, все сливается в серую муть. А Алиса видит отлично, как орел.

— Вон же оно!

Теперь и я увидел. Животное. Метра полтора в высоту, черного, само собой, окраса, без хвоста.

— Опа... — выдохнул Егор.

Алиса ткнула его в бок.

Существо тьякнуло. Зажглось еще несколько ламп, и я разглядел это. Длинные, чуть вывернутые лапы, короткая, или почти никакая шерсть, хвоста нет, уши широкими лопухами. Глаза, я заметил, слишком уж белые. Небольшие, обычные глаза, но белые, издали видно. Встречал я такое, выгоревшие, выслепшие, от огня или от болезней, или из-за наследственных тяжестей.

Существо подняло к потолку слепоглазую морду. Нюхает.

— Псина... — прошептала Алиса. — Ах ты...

— Сейчас я его пристрелю, — прошептал Егор. — Сейчас...

Он потянул к себе двустволку, но я помотал головой.

— Унюхает ведь...

Но он не только унюхал, он еще и услышал — уши шевельнулись, повернулся в нашу сторону, заурчал. Шахтеры переглянулись, некоторые достали опасного и явно убойного вида подземные устройства, а один выволоч из-за спины кирку. Хорошо подготовлены, реакция быстрая.

Псина устремилась к нам. Широкими скачками, когти бряцали по железу. Гномы за ней.

— Сейчас стрельну, — сказал Егор. — Все...

Я отобрал двустволку. Алиса выхватила нож. Псина ворвалась в вагон. Впрыгнула через окно, развернулась, скрипнула когтями, оставив на полу вагона блестящие борозды. Уставилась. Хотя она не могла смотреть, глаза-то совсем стеклянные, белые, как у вареных карпов. Но она нас чуяла. Зарычала, выставила зубы, собрала мускулатуру в холке. Килограммов семьдесят, не меньше. Я по псам специалист, но сейчас вряд ли справлюсь. Интересно, чем ее кормят? Прыгнет ведь...

Но псина не прыгнула.

— Пристрели ее! — крикнул Егор.

В окне напротив меня возник шахтер, черное лицо с красными белками глаз, зубы, как железные лопаты, железные и блестящие, заточенные остриями. И тут же в других окнах показались. Сморщенные черные лица, с въевшейся навеки блестящей подземной пылью. Глаза, не привыкшие к дневному свету.

Люди.

Много.

Давно столько не видел.

— Не дергайтесь, — велел я своим. — Не дергайтесь!

Шахтеры смотрели на нас со всех сторон.

— Привет, — улыбнулся я деснами. — Как дела?

Шахтер с потухшими глазами, разъеденными пылью, покачал головой и поманил меня рукой. И улыбнулся в ответ. Его улыбка тоже не отличалась полноценностью. Зубы желтые с черными крупными дырками, в которые были вставлены блестящие гайки. Оригинально, я тоже такие хочу, потом вставляю, во все свои три оставшихся зуба.

— Прыщельга, будь осторожен, — сказала Алиса.

— А что?

— Если вдруг обоссешься, могут неправильно понять.

Мы выбрались из вагона. Шахтеры окружили, смотрели на нас, не выпуская из рук своих инструментов.

— Скажи им чего, Дэв, — попросила Алиса. — А то сейчас Прыщельга обделается и нас вмуруют...

— Я не обделаюсь...

— Кто у вас главный? — спросил я. — Главный?

Повторил я медленно, по слогам.

Шахтер с гайками в зубах кивнул в сторону туннеля. Туда, значит. Хорошо... Алиса пробубнила что-то гадкое, Егор вздохнул, затем мы долго спускались вниз. Шагали по аккуратно отсыпанной дорожке, по пологому склону, держась за удобные поручни. Шахтеры пыхтели позади. Молча, никто не сказал ни слова. А навстречу нам по рельсам катились груженные тележки, впряженные в узкие плечи, подземники тащили наверх добро.

Алиса, как всегда, не молчала, развивала мысль о том, что мы нуждаемся во множестве вещей, от патронов до продовольствия, а платить нам нечем. Поэтому она лично видит один выход — продать Егора, то есть Прыщельгу, в рабство, взамен получив все необходимое в избытке.

Егор пугался, а мне эти идеи были знакомы, я улыбался.

Тоннель тянулся и тянулся, я чувствовал, как у меня начинают болеть уши. Алиса терла виски и плевалась, и рассказывала, что рабов посылают разминировать рогатки, во взгляде Егора блестела тоска. Становилось теплее, шахтеров встречалось все больше и больше, они, поглощенные своими заботами, поглядывали на нас равнодушно, безо всякого интереса.

Уклон постепенно спрямлялся, и скоро я заметил, что его вообще больше нет, мы оказались на ровной площадке, засыпанной мелкими металлическими шариками. В стороны от площадки расходились туннели, ходы и лазы разных форм и размеров, под потолком на тонких колеблющихся штырях вертелись маленькие вентиляторы, совмещенные с лампами. Отчего свет получался какой-то мелкий и мягкий, приятный для глаза.

— А тут мило, — сказала Алиса. — Прыщельга, тебе нравится?

Егор не ответил.

— Не дуйся, Прыщельга, я о твоём же благе всегда забочусь. А вдруг бы шахтеры обиделись на то, что ты наделал в штаны? Приняли бы это на свой счет? Так что ты не дуйся, можно сказать, я тебе жизнь спасла. Скажи мне спасибо!

Егор «спасибо» не говорил, Алиса стала требовать «спасибо», я осматривался. Шахтеры постояли-постояли вокруг, затем разошлись, оставив нас самих с собой. Вокруг медленно разворачивалась подземная шахтерская жизнь, шахтеры, не торопясь, перемещались туда-сюда, тащили свои телеги, волокли волокуши, нас не замечали.

— Они на самом деле бегут, — сказала Алиса. — Им не до нас...

— Пусть бегут, — сказал я. — Это их дело. Хотя... Было бы интересно поглядеть, как тут у них... Но времени мало...

— Времени всегда мало.

Сказал худой шахтер, появившийся... Я не заметил, откуда он появился, то ли выскочил из норы, то ли просто из воздуха собрался, раз — и здесь, бледный, похожий на духа ущелий и лазов. Я сразу заметил, что он отличается от остальных. Одеждой. То есть ее чистотой. Синяя роба из грубой ткани, много карманов, петель, карабинов и ремешков, все как полагается шахтеру. Никаких масляных пятен, дырок, заплат — и тех не видно. Только инструменты из карманов торчат, но не грубые и тяжелые, как у остальных, а мелкие и точные, блестящие никелем и позолотой.

Рядом с худым стоял мелкий непонятный человечек, то ли взрослый, то ли ребенок, то ли зверушка какая, весь в червяках косичек, доходящих до пояса, в черных очках, распространявшихся на пол-лица, в пластиковой маске, кто — непонятно.

— Времени мало, — повторил худой. — Но особо тоже спешить не стоит. Вам нужно

поесть, вам нужно отдохнуть...

Он скользнул по мне взглядом, секунду подумал, сказал:

— Но больше всего вам нужно оружие. Я вижу тех, кому нужно оружие.

Я кивнул.

Худой посмотрел на мелкого, присвистнул через зуб. Мелкий кивнул.

— Его зовут Скелет, — мелкий указал на старшего. — Он маркшейдер. А вы?

Теперь едва не присвистнул я, и не через зуб, а со всей дури. Маркшейдера я представлял несколько по-другому. Ну да, клыки, когти, желтые глаза с крупными кровавыми прожилками, лапы и клокочущая внутри адская сущность.

Человек как человек. Лицо приятное, тощее, мосластое, но умное при этом.

— Дэв, — сказал я. — Я занимаюсь...

— Он убийца, — перебила меня Алиса.

— Вот как? — Скелет прищурил глаз.

— Вот так, — кивнула Алиса. — Он убивал все, что движется. Людей, нелюдей, женщин, как обычных, так и огромных размеров. Убийца.

Я не стал пожимать плечами. Пусть. Это правда.

— А это Прыщельга, — Алиса ткнула в Егора. — Он... Короче, он Прыщельга. Его так с детства прозывают, понятно почему. Он... Он не убийца, он страдает...

— А это Алиса, — теперь перебил ее я. — Она из страшной сказки.

Скелет вежливо кивнул. На Алису он смотрел долго, не смотрел, всматривался. Она даже не поежилась. Я стал думать, что Скелет стал что-то подозревать, разглядел Алискино прошлое... Но Скелет всего лишь спросил:

— Наверное, вы хотите есть?

Егор ответил ему громким желудочным урчанием.

— Проводи их, — велел Скелет.

Мелкий проводил нас в столовую, это оказалось недалеко. По пути он успел много что рассказать. Его звали Лисичка. Мир стоял на дохлой черепахе. Если мы пришли со стороны старой бочки, то, наверное, видели Пашу Водную Крысу, это его прапрадед, он сошел с ума и сдох, подавившись рыбной костью. Если кто хочет, то он, Лисичка, может показать рубец упорства — в прошлом месяце ему в шею вцепилась горная блоха, размером с ноготь пальца ноги, но он не стал ее сразу давить, а терпел еще четверо суток, пока блоха не разрослась почти в пять раз и не въелась в мясо на всю величину. Он это сделал исключительно ради развития терпения, хотя боль чувствовалась такая, что не получалось спать. Если у Егора есть будильник, то он готов обменять его на шкатулку, которая умеет играть легкую музыку, предсказывать будущее и говорить «братан, иди в задницу».

Егор отказался, и Лисичка равнодушно замолчал.

Столовая пустовала. Железные стены, железные столы и стулья, никаких вентиляторов, но свежо, воздух протекает словно сам по себе, скатываясь с прохладной горки, неудивительно, подземные жители должны разбираться в воздухе и в свете. Лисичка проводил нас к блестящему железному шкафу, который оказался теплым. Внутри железные судки, Лисичка выдал каждому по две штуки, Егор вздохнул, и Лисичка дал ему третий.

Другой шкаф напротив холодный, внутри пластиковые бутылки с красным соком, похожим на помидорный, каждому по бутылке. Мы расположились за столом. Лисичка принес ложки, тяжелые, черного цвета, как мне показалось, серебряные, на каждой номер. Устроился напротив, смотреть, как мы едим.

Мы не стеснялись. В судках нашлась однородная масса, по вкусу напоминавшая пюре, то ли картофельное, то ли морковное, то ли реповое, я не очень различал, Лисичка сказал, что это шахтерский хлеб. Вкусно очень. Наверное, это было вкусней, чем жареный кабан. Соленое, сладкое, кислое и еще какое-то, я не мог определить. Настоящая горячая еда. Не консервы, не печеная крыса, не вареные рога, не распаренный клей, содранный со старинных табуреток Еда. Вкусно. Много. Досыта.

Я ел последовательно. Стараясь не очень спешить, от краев медленно пробираясь к

центру. Алиса ела равнодушно. Не ела, ковырялась. Конечно, аппетиту нее присутствовал, но Алиса не могла не кривляться, это ведь была Алиса.

Егор, напротив, забыл об аккуратности напрочь. Он набрасывался на запеканку с разных сторон, подцепляя ложкой целые горы, разевая до скрипа рот и брызгаясь от счастья слюной.

После первого лотка я сделал перерыв и прислушался к ощущениям. Хорошо. Тепло внутри, все колючки расплавились и улеглись, я сделал несколько успокаивающих вдохов, после чего приступил ко второму судку. И здесь торопился еще меньше, стараясь разобрать оттенки корочки, образовавшейся сверху и снизу, и ароматную кашу в центре.

А в конце я выпил сок.

Сок оказался кисленьким, совсем не томатным, подкрашенным то ли вишней, то ли свеклой, наверное, в сок было что-то подмешано. Снотворное. Довольно мощное, я помню, как ел запеканку, обжигаясь о ложку, а дальше нет, не помню. Наверное, я уснул бы и без этого, но запеканка с соком обрушили на меня тонну пленительной ваты, я провалился стремительно и бесповоротно.

Кажется, я просыпался. Или дремал с открытыми глазами, не знаю. Передо мной мелькали размытые фигуры, где-то далеко наверху шевелились звуки, запахи уже не проникали. Кажется, я куда-то шел. И говорил, и мыслил, отвечал на вопросы о калибрах, о кучности и еще о чем-то, спорил с кем-то, вроде бы с Егором...

Наверное, действие снотворного. Побочное. Оно отключило часть мозга, ту часть, которая принадлежала мне совершенно, и, напротив, возбудило другую, которая могла принадлежать кому угодно, а может, и сама по себе действовала.

Внутри этого странного состояния я засыпал, пробуждался вновь, снова засыпал, перед глазами плясали вентиляторы и покачивались лампы, и в этом я находил определенный смысл.

Мы поднимались по лестнице с железными перилами, а потом ехали по тоннелю, я налегал на тугой рычаг и слушал рассказ шахтера, Скелета, того самого, в чистой одежде. И рассказ этот тоже был важен, я понимал это сквозь сон, но не мог ухватить из него ни слова.

Потом мы остановились, резко. Алиса что-то прокричала мне в ухо и брызнула водой. И еще брызнула, вода потекла уже за шиворот, я очнулся.

Дрезина стояла на рельсах. Лисичка держал рычаг тормоза, Алиса разглядывала потолок, Егор что-то жевал.

Скелет светил вверх.

Вода пробивалась из сетки щелей в своде, собиралась, стекала по стене уже изрядным ручейком.

— Где мы? — спросил я.

— Очнулся! — Алиса хлопнула меня по щеке. — Вовремя. А мы как раз за пушками...

— Да... Хорошее снотворное... — Я потер голову. — До сих пор звенит...

— Какое снотворное?! Ты уснул прямо во время еды! Мордой в тарелку! Кстати, Прыщельга тоже уснул, но все-таки чуть позже. Герои...

— Это из-за давления, — объяснил Скелет. — У многих такое происходит, вариант нормы. Обычно двенадцати часов хватает, чтобы восстановиться, но вы...

Он обвел нас пальцем.

— У вас, голубчики, цинга. У всех. Но у тебя...

Скелет ткнул в меня ухоженным пальцем.

— У вас в крайне запущенной форме. Зубов, как я погляжу, совсем не осталось.

— Выбились, — ответил я.

— Выпали... Зубы просто так не выпадают. Усталость, голова кружится, в сон клонит?

— Я думал, это синдром хронической усталости...

Скелет рассмеялся.

— Такой болезни не существует, — сказал он. — Во всяком случае, в наши дни. А цинга — вот она. Поверьте, я, как шахтер, в цинге хорошо разбираюсь. Вам требуется отдых

и усиленное питание, в противном случае... Это все усугубится и ничем хорошим не закончится... Впрочем, вам, кажется, нужно оружие?

— Да, если можно...

— Тогда вперед.

Мы снова уселись на дрезину, взяли за рукояти, Егор подтолкнул, покатались.

— Никто точно не знает, сколько тут тоннелей, — рассказывал Скелет, двигая ручкой дрезины. — Тысячи. Начали копать около трехсот лет назад, возможно, раньше. Сначала это были скрытные ходы, по которым можно было перемещаться на повозках. Затем под землю стал перебираться транспорт — наверху не хватало места. Потом под землей стали строить убежища, заводы... Половина города ушла под землю. И вокруг всего этого строились тоннели.

Мы катились по невысокому тоннелю на тележке с ручным приводом. С одной стороны рычаг ворочал Скелет, на другом конце сидели Егор и Лисичка. Мы с Алисой расположились на пассажирском сиденье, смотрели вперед.

— Пробовали составить карту, — Скелет ворочал рычагом. — Но удалось отметить только основные и второстепенные тоннели, такие, как этот.

Скелет похлопал по потолку широкой шахтерской ладонью.

— Старые замуровывались, затем откапывались заново, бросили это дело уже давно, достоверных карт не существует. К тому же имеются аномалии...

— Аномалии? — переспросил я.

— Блуждающие тоннели, — пояснил Скелет. — Механизм их не ясен, что-то связанное с топологией... Мы не знаем, что это, если честно. Но они встречаются редко...

— А цель у вас была? — перебила Алиса. — Ну, понятно, выжить, пятое-десятое. А вообще? Большая? Цель?

— Была, видимо. Когда-то давно. Но она забылась за повседневными делами. А сейчас мы уходим. Возможно, вернемся на поверхность. Как там, на поверхности?

— Лучше не возвращаться, — посоветовал я.

— Боюсь, выбор у нас небольшой. Ничего, мы умеем постоять за себя. Правда, Лисичка?

Лисичка сурово кивнул.

Я не стал спорить. Кому-то кажется, что он умеет за себя постоять. Ой.

— Лучше туда не соваться, это правда, — сказал Егор. — Там уже совсем людей не осталось, только твари. А как вы в снегу жить собираетесь? Там снег.

— Снег сойдет. Вода напитает землю. Будет богатый урожай.

— Ага, — ухмыльнулся Егор. — Будет. Но лучше все равно туда не соваться. Поверхность ошибок не прощает. Там надо быть всегда наготове...

— А почему вы нам помогаете? — спросила Алиса.

Скелет не ответил, дорога пошла чуть вверх, Скелету пришлось налегать на рычаг. Алиса поймала меня за мизинец и стала его зачем-то старательно выкручивать, я не мог понять, к чему это она.

Скорость дрезины упала, и свет стал тускнеть, Скелет пыхтел натужно, я спрыгнул с телеги и стал подталкивать ее в корму. Минут через пятнадцать добрались. Скелет закрепил вагонетку железным башмаком, погрузился во тьму.

— А тебе сколько лет? — спросила Алиса у Лисички.

— Восемьдесят, — ответил Лисичка непонятным голосом, трудно было понять, шутит или серьезно.

Вполне может, и серьезно, кто знает, как они тут стареют? Подземелья консервируют.

— А выглядишь хорошо. Слушай, а ты вообще кто, мальчик или девочка?

Лисичка не ответил. Интересный вопрос, мне казалось, что мальчик, но при таком обилии грязи наверняка сказать было нельзя.

— Понятно, — сказала Алиса. — Вот у нас тоже такой есть, не поймешь, мальчик или девочка, Егорка зовут.

— Я мальчик! — возмущенно возразил Егор.

Загорелся свет.

Мы находились в невысоком зале с сосульчатой крышей. Хотя это были не совсем сосульки, это свешивались небольшие фонарики, светящиеся совершенно небывалым искристым огнем. Зал перегораживал стальной фартук, с толстой железной дверью в центре, Скелет, наклонившись, ковырялся в замке.

— Я мальчик, — сообщил Егор Лисичке. — А она настоящая Врунгильда...

Алиса стала стучать кулаком в Егора, тот защищался. Дверь с лязгом отворилась, выпустив наружу кривые тени, Скелет сделал приглашающий жест.

— Я первой не пойду, — прошептала Алиса.

— Я тоже.

— А говорил, что мальчик, — хихикнула Алиса.

Егор поглядел на меня, я пожал плечами. Скелет помахал рукой, нырнул внутрь, я шагнул за ним. Егор проскочил следом.

Оружейку узнаешь по запаху. Масло, порох, железо. Все это присутствовало и здесь, причем в таком густом замесе, что у меня зачесалось в поломанном носу. В слабом свете, исходящем непонятно откуда, шевелились неясные призраки, Скелет дернул за рубильник, стало еще светлее, и я увидел, что призраки — это не совсем призраки. Это одежда.

Балахоны из промасленных льняных тканей, назначение которых мне было непонятно, возможно, поминальные рубахи.

Глубоко прорезиненные макинтоши оранжевого и зеленого цвета, непромокаемые и недоступные для гнуса и мелкой погани, легкие и приятные для носки.

Шахтерские комбинезоны из толстой ткани с наколенниками, налокотниками и наплечниками.

Пожарные мешки, блестящие, из помятого металлизированного материала, с огненными подпалинами, видимо, шахтеры действительно часто спускались в горячие пещеры.

Бронекостюмы широких разновидностей, с металлизированными пластинами, с керамическими пластинами, с элементами силовых скелетов и с какими-то плоскими коробочками, видимо, шахтеры долго собирали всю эту одежду. Присутствовали даже какие-то совершенно необычные костюмы, неловкие, с застекленными шлемами и квадратными ранцами, то ли космические, то ли подводные, а может, и те и другие одновременно.

— Какой, однако, гардеробчик... — протянула Алиса.

— Второе резервное хранилище, — сказал Скелет. — Мы никогда не храним припасы в одном месте.

Отдельно висели гирлянды касок, шлемов и ботинок, на длинных покачивающихся цепях.

Я хотел посоветовать Алисе поменять куртку — слишком уж вызывающе заметная, и никакого броневого эффекта, но решил, что советовать Алисе бесполезно, пусть сама разбирается.

— Насколько я понимаю, вас интересует в основном оружие, — сказал Скелет. — Это дальше.

Мы прошли дальше, продвигаясь между тяжелыми связками обуви и касок, я немного думал, что все это снято с мертвецов, связки за нами начинали хаотически покачиваться, и весь оружейный зал наполнился движением и скрипом, это усугубляло мысли.

— Мы не очень любим огнестрельное оружие, — сказал Скелет. — Сами понимаете, пещеры, здесь лучше избегать громких звуков без особой надобности.

— Как же вы стреляете? — спросил Егор. — Из лука, что ли?

— Нет, не из лука. Вот. Прекрасный вариант для замкнутых помещений.

Скелет снял с цепи оружие, похожее на большой пузатый пистолет.

— Пневмогвоздер, — пояснил Скелет. — Прицельная дальность пятнадцать метров, этого под землей обычно достаточно. Вместо гвоздей используем специально закаленные

штыри. Попробуйте.

Скелет сунул пистолет Алисе, та брезгливо передала его мне. Тяжелый. Круглый баллон для сжатого воздуха сбоку.

— Стрелять можно в потолок, — сказал Скелет. — Он из пенорезины.

— Не отскочит? — спросил я.

— Пенорезина.

Я выстрелил в пенорезину. Пистолет просвистел, штырь воткнулся.

— Они при попадании в зонтик расходятся, — сообщил Скелет. — Раньше с помощью этого дома строили.

Приятное оружие. Но не без недостатков. Тяжеловато и не очень универсально. На поверхности не постреляешь с таким дальнобоем. Баллоны опять же за собой не очень натаскаешься. А как давление в них упадет, так и выкидывай, баллоны не подкачаешь.

Я повесил пистолет обратно на крюк.

— А другое оружие? — спросила Алиса. — Мне эти гвоздодеры не очень нравятся... Что-нибудь обычное? ЭМГ или лазер...

Скелет непонимающе пошевелил бровями.

— На разнополюсных слезах, — пояснила Алиса. — Слезы — это такие капли, их в Нижнем Метро собирают...

— А, — кивнул Скелет. — Мы ими, к сожалению, не пользуемся вообще: очень опасно. Замкнутые помещения, себе дороже. А обычное оружие вот.

Скелет сдернул свисающую с потолка сетку.

— Все в отличном состоянии, — пояснил Скелет. — Новое, но пристрелянное. Под потолком распылители, раз в сутки они выбрызгивают в воздух масляную взвесь. Боеприпасы тоже здесь. Выбирайте. Я подожду вас возле узкоколейки. Осторожней, не поскользнитесь. Есть бахилы.

— Нет, нам без надобности, у нас у самих есть, — тут же ответила Алиса. — Бахил Авессоломович Прыщелыга и Бахил Цинга-Рыбинск, они единоутробные братья, в детстве их завалило березой...

Скелет улыбнулся.

— Это она шутит, — пояснил Егор.

— Я понимаю. Это смешно.

Скелет несколько раз вежливо хохотнул.

— Бахилами лучше все-таки воспользоваться.

Мы натянули тяжелые резиновые мокроступы.

— А почему оружие так далеко хранится? — спросил я. — Гораздо удобнее ведь иметь его под рукой?

— Под рукой у нас тоже есть, — ответил Скелет. — Это излишки. Человек не может жить в окружении оружия, от него душа начинает гноиться. Его подальше от людей держать надо, так и раньше всегда делали.

Я не стал спорить, у шахтеров свой взгляд на вещи. Меня не их идеи интересуют, оружие. Скелет это понял, кивнул.

Проследовали дальше.

Охнул даже Егор.

Столько оружия я не видел никогда. Стена была заполнена им, разных модификаций, разных времен, разных калибров.

Егор присвистнул, Алиса тоже хмыкнула, оценила.

— Ну, Цинга, радуйся, — сказала она. — Вот оно, твое счастье! Приключилось! Сбываются детские мечты! Я...

Пришлось поглядеть выразительно.

Двинулись по времени, от минувшего к недавнему.

Совсем старые образцы, винтовки с магазинами на пять патронов, с ручным механизмом перезарядки, надежные, как кувалда, но с определенными недостатками —

слишком длинные, слишком тяжелые, не для наших условий. Даже если хорошенько обрезать, все равно не пойдет. К тому же патроны нужные найти нелегко, особенно сейчас.

Пистолеты с квадратными магазинами перед курком, убийные, но громоздкие и недостаточно надежные из-за давности изготовления.

Обычные пистолеты, с магазинами в рукояти и звездами на ней, по виду совсем древние, не знаю, зачем их шахтеры собирали, может, кому-то оружие просто нравилось, не знаю. Егор потянулся было, треснул его по рукам, нечего привыкать к барахлу.

После пистолетов начались пистолеты-пулеметы, устроенные по двум основным схемам — с круглым дисковым магазином и с длинным рожком. Убийное, конечно, оружие, особенно, если погани много и прет стадом, однако в наших сумрачностях от него толку мало. Долго с ним не побегаешь. Дисковый магазин станет мешаться, прямой станет цепляться, из-за укрытия стрелять трудно.

Револьверы. Я обрадовался, однако преждевременно, боевого орудия с нормальным калибром в шахтерском собрании не оказалось. Зато было изобилие короткорылых, размером с ладонь, для близкой схватки. Вороненая сталь, пластик, состояние идеальное, царапин почти нет, металл гладкий, глубокий. Я взял себе две штуки и остальным посоветовал. Егор тоже взял, Алиса задумчиво повертела на пальце, пожала плечами, сказала, что из такого только застрелиться хорошо, патронов всего шесть влезает, а с перезарядкой намучаешься, все пальцы перепутаются, оружие для психов.

Затем начались штурмовые винтовки. Больше всего, конечно, было автоматов Калашникова, от совсем первобытных — с деревянным прикладом, до последних вариантов, с коробчатым магазином. Надежный, почти вечный, смертоубойный, удобный, все как полагается. Наверное, я бы выбрал его...

Потом вспомнил, что вечность мне теперь совсем не требуется. А требуется что-нибудь полегче, как в смысле грядущего, так и в смысле таскать на шее. В конце концов, я уже немолод, чтобы ворочать все эти многокилограммовые штуки, от которых начинает болеть все, от спины до голени, а отдача такая мощная, что желтый синяк на плече постепенно превращается в толстую, как подушка, мозоль.

— Мне кажется... — Егор почесал подбородок. — Мне кажется, надо вон те брать...

Он указал пальцем.

— Валяй, — сказал я. — Выбирай все, я подожду.

И направился к Скелету. Оружие почему-то не вызвало у меня никаких чувств. Обычно в окружении оружия я чувствовал себя спокойно. Уверенно. По-домашнему. А здесь...

Наверное, из-за масла. Оно чувствовалось в воздухе, оседало в горле горькой пленкой, щипало глаза. Дышать трудно.

Скелет сидел на дрезине и играл с Лисичкой в подземные шахматы. От обычных они отличались тем, что на доску не выставлялись пешки, сама доска была меньше, по шесть клеток, а фигурки выточены из магнитов и выкрашены в красное и белое.

Устроился рядом.

— Выбрали? — спросил Скелет.

— Выбирают.

— Ты им доверяешь?

Я кивнул. Нет, я не очень им доверял, но промахнуться с выбором оружия только дурень может. Разберутся.

— Егор совсем молод, — сказал Скелет, двинул фигуру.

Я не очень разбирался в шахматах, но мне кажется, что Лисичка выигрывал.

— А она... Она девушка.

Лисичка двинул коня.

— И красивая. Зачем ты ведешь их с собой?

— А я их и не веду.

Скелет поглядел на меня с прищуром, сделал ход. Лисичка тоже.

— Когда-то можно было пересечь город, ни разу не поднявшись на поверхность, —

сказал Скелет. — С севера на юг, с запада на восток. Не пересекаясь с линиями подземки. Когда-то можно было пересечь мир за несколько часов. Когда-то люди жили на поверхности, а теперь они... Мы уходим.

— Куда?

— На север. Как там, на севере?

— Как везде. Все одно и то же с небольшими различиями.

Скелет горестно кивнул.

— Послушай, Скелет, хотел тебя спросить...

— Шах, — сказал Лисичка с удовольствием. — Шах тебе!

Скелет задумчиво поглядел на доску, сдвинул фигуру.

— Наверное, так, — сказал он.

Лисичка начал грызть костяшки кулаков, думать.

— Спросить. Про китайцев.

— Про кого? — не понял Скелет.

— Ну, про китайцев. Эти, на дирижаблях летают.

Скелет кивнул понятливо.

— А с чего ты решил, что они китайцы?

— Ну, так... Никто не знает, как выглядит живой китаец, вот и... А почему не китайцы? Мы сами названия придумываем, я вот их китайцами назвал.

— Пусть китайцы, почему нет, — согласно кивнул Скелет. — Они... Как бы сказать. Они не отсюда. Да ты, наверное, и сам понял.

— Они от нашего воздуха умирают, — сказал я.

— Не все. Достоверно известно два случая, когда... эти китайцы не умирали. Не скажу, что они могли толком приспособиться к нашим условиям... Но не умирали...

— Почему они к нам лезут? — перебил я. — Если умирают?

Лисичка хихикнул.

— Почему мы залезли под землю? — вопросом на вопрос ответил Скелет. — Не от хорошей, сам понимаешь, жизни. Мало кому нравится жить в тесных душных норах, да еще без света. С китайцами, я думаю, та же история. Они спасаются. Когда горит дом, люди выпрыгивают в окна, забывая про высоту.

Интересный Скелет все-таки человек. Шахтер, всю жизнь под землей провел, свет поверхностный редко видел, а знает, как выглядят дома при пожаре. И как в окна выпрыгивают. Чем-то на Гомера похож, только на подземного. Может, они родственники? Надо спросить...

— Вот вода, — Скелет поглядел на потолок, погладил шею. — Есть пресная — в реках и в озерах, а есть соленая, в морях. И там и там живут рыбы, некоторые очень похожи друг на друга, наверное, они даже родственники. Но если взять речную рыбу и выпустить ее в море, она долго не протянет. А морская, в свою очередь, в реке не может. Но есть такие рыбы, их, кстати, немного совсем, так вот, эти рыбы, они могут и в море, и в реке. Потому что живут у берега, в местах, где реки в море впадают. Так и китайцы эти. А уж откуда они, с другой планеты или из соседнего измерения... В ближайшее время на этот вопрос мы вряд ли сможем ответить. Я думаю...

Свисающие с потолка костюмы зашевелились, качнулись, как оживающие мертвецы, неприятно все-таки, показался Егор с оружием. Две винтовки, пистолеты, коробки с патронами. Гранаты Егор ссыпал их в синее пластиковое ведро, еле тащил все это разрушительное великолепие.

— Вот, — сказал он. — Выбрал... Как? Я старался выбрать, как ты учил, смотри. Короткий и тяжелый ствол, чтобы не мешал при стрельбе и не дергался. Калибр стандартный, патроны найти легко. Их нетрудно переснарядить — металл гильзы пластичный, легко держит форму, я думаю, два раза можно одну использовать...

Я кивнул. Хорошо рассказывает, глядишь, с оружием научится разбираться постепенно, человеком станет, я смогу почувствовать себя наставником.

— Продолжай.

— Вес не более четырех килограммов, — рассказывал Егор. — В конструкции использованы композитные материалы...

— Что? — не расслышал я.

— Пластик, керамика, карбоны, — пояснил Егор. — Но все важные детали из стали. Магазин расположен позади рукояти, почти в прикладе, что при сохранении длины ствола укорачивает оружие. Четырехкратный оптический прицел, замедлитель...

Егор рассказывал про винтовки, я не очень слушал. Хорошие пушки, и так видно. И Егор знает много, наверное, энциклопедию прочитал, в слоне проживая.

— Молодец, — сказал я. — Правильно выбрал. С замедлителем.

— Доброе оружие, — согласился Скелет. — Боеприпасы разные подобрать, есть отличные фосфорные пули...

— Я взял их, — сказал Егор. — Пять коробок.

Фосфорные пули это, конечно, здорово. Тоже редкая вещь, почти и не встретишь. А у шахтеров есть, запасливые люди.

— Еще взять? — спросил Егор.

— Хватит. Не надо жадничать.

— Гранат вот еще прихватил... — Егор поднял ведро. — Здорово тут у них, никогда такого не видел...

— А Алиса где? — спросил я.

Егор оглянулся.

Алисы не видно.

— Она там тоже что-то выбирает... А я еще пистолеты взял. Вон, смотри...

Егор достал из-за спины оружие, принялся рассказывать, нахваливать, вернее.

Показалась Алиса. Через плечо у нее болталось два армейских шлема, оружия она не взяла никакого. Винтовки, во всяком случае, не видно. Кинула шлем Егору, он уронил ведро с гранатами, они раскатились по рельсам.

Лисичка присвистнул, Алиса рассмеялась.

— Ты, Прыщельга, меня поражаешь. — Алиса надела шлем. — Поражаешь... За это и нравишься, кстати. Ты бы сразу на гранате подорвался, тогда, например, зачем столько страданий в жизни?

— Успею, — буркнул в ответ Егор. — А ты почему винтовку не взяла?

— А зачем? — зевнула Алиса. — Тебя убьют, я твою возьму. Таскать эти тяжести...

— Это она опять шутит.

— Я понимаю, — хохотнул Скелет. — Ха-ха.

— Прыщельга, ты меня волнуешь, — сказала Алиса. — И не дыши на меня, не хочу цингой заразиться, и так живем через корягу. Не дыши, говорю, гребни шустрее...

Отправились назад. Обрато медленнее, чем туда, из-за оружия, наверное.

Поселение шахтеров оказалось обширным, Скелет сказал, что почти два километра в горизонтали, в вертикали же вообще неизвестно сколько, количество тоннелей, опускающихся на неизвестную глубину, вообще учету не поддается. Глубоко, лучше не соваться. Лезть в бездны у меня не было никакого желания, хотелось пожрать, если уж совсем честно, каши или еще чего, мягкого бы, необременительного для десен. Я вспоминал о столовой и запеканке, смотрел по сторонам. Дрезина катилась по подземному городу. Трубы, баки, лестницы, железные сундуки, ангары с дрезинами, шахтеры, искры, падающие из-под потолка, вентиляторы, незнакомые предметы. Мало света. Вода. В некоторых местах брызгало уже из стен, причем кое-где вода была ощутимо горячая, почти кипятком.

Скелет рассказывал, что горячая вода нужна для ферм, они работают на гидропонике, труб запасных почти не осталось, приходится латать, а это нехорошо, снижается уровень надежности системы, надо починить, но вы, наверное, хотите есть...

Мы дружно кивнули, Егор клацнул зубами и подналег на рычаг дрезины.

Добрались минут через десять. Я совершенно потерялся, перестал воспринимать

дорогу, этого за мной раньше тоже не водилось, наверное, на самом деле цинга... Докатались, цинга. Жаль, справочник оставил, посмотрел бы про цингу, кажется, ее клюквой лечат. Во всяком случае, от нее умирают протяженно, до кнопки успею.

Вообще нельзя тут долго оставаться, размякнем, забудем зачем, забудем куда... надо идти, прямо завтра, с утра, как только будильник зазвенит... Только пожрать бы неплохо. Еще два раза. А лучше три, вот эту самую запеканку, и с собой взять в термосе, двенадцать порций, и Егор с Алисой тоже пусть тащат, жрать они любят, а таскать нет, как я люблю обедать!

Но пообедать не получилось, я уже ощущал знакомый морковный запах, и Егор зашевелил ноздрями, и на лице у Алисы образовалось хищное выражение, которое она сама не замечала. Нас перехватил шахтер, остановил Скелета и что-то сказал ему на ухо. Тот озабоченно кивнул и свернул в узкий проход справа, мы за ним, со всем оружием, боеприпасами и снаряжением. Скелет сделался собранным и не улыбочивым, что-то там произошло, это явно.

Очередное помещение, квадратное, как и все предыдущие, только с потолком, теряющимся где-то в вышине. Оттуда, из зыбкого тумана на черных масляных цепях свисала клетка. Замок, таких я вообще не видел, килограммов в десять весу, с толстенной дужкой, непростые прутья — каждый снабжен несколькими заточенными штырями, направленными к центру клетки, чтобы тварь, заключенная там, не могла толком пошевелиться, не напоровшись на острие.

Тварь походила... Трудно описать, сначала мозг выдал привычного паука, только увеличенного раз в сто, однако почти сразу я понял, что сознание просто услужливо подсуло мне первую похожую форму из хранившегося у меня в голове набора. Не паук, нет. Вот если бы взяли большую черную обезьяну... Не обезьяну, а, скорее, ее руки. Да, длинные, покрытые черным блеском руки, их выдрали и соединили, три пары на небольшом теле, незаметном, казалось, его и вовсе нет.

У паука восемь ног, а у этой шесть. И головы не видно. Интересно, как она жрет, желудок где уместается, в руках, что ли, про таких вообще не слышал...

Вряд ли жрет вообще. Скорее всего, она пищу не переваривает, насыщается кровью, как клоп. Или как пиявка, которая забирается под кожу, прячется между мышечными волокнами и ими же питается, и растет, и никак ее не вытащить...

Затошнило. Я привычен к погани, с детства она вокруг суетится в разных обличьях, а тут опять затошнило, цинга, ничего не поделаешь. Этот рукоед...

— Кикимора, — пояснил Скелет. — Много их в последнее время... Раньше раз в три месяца пробивались, теперь чуть не каждый день. Почти весь личный состав занят отстрелом, в некоторых местах кишат просто. Откуда лезут... Прокапываются, что ли...

Кикимору я уже видел. Тогда, на кассете. Черная тень, набрасывающаяся на человека и откусывающая ему голову с кровавой радугой, точно не ест, сразу кровь перерабатывает.

— Не переживайте, — улыбнулся Скелет. — Этот сектор хорошо укреплен, здесь спокойно, все предусмотрено.

Алиса приблизилась к клетке. Тварь зашипела.

— Не видела таких... — задумчиво сказала Алиса. — Что-то новое... А в Рыбинске как, такие бяки водятся?

— Не водятся.

— На западе дорожное кольцо давно разомкнуто, — сказал Скелет. — Его в свое время неплотно ядом залили, так что они в основном туда идут. К тому же большая часть из сохранившихся тоннелей ведет на запад. Там степень заражения территории гораздо выше. Практически тотальная инвазия ксенофауны, ничего не поделаешь.

— А эту зачем держите? — Алиса пнула клетку.

Кикимора зашипела еще, сжалась в плотный ком.

— Проверяем.

Скелет снял со стены зазубренное пыряло, ткнул кикимору в бок, тварь издала

скрежещущий звук, потекла черным.

— Обычно они недолго живут, — сказал Скелет. — Около десяти дней, затем подышают. Однако...

Он шуганул поганку еще.

— Однако нам кажется, что они приспосабливаются. Активная адаптация. Срок жизни увеличивается постепенно. Кстати, именно поэтому мы уходим. Контролировать все это в тоннелях крайне проблематично.

— Надо подорвать, — сказал я. — У вас же полно взрывчатки, тут как в крепости засесть можно, ни один поганец не прорвется...

Скелет помотал головой.

— Дело не только в монстрах, — сказал он. — Последние два года температура растет. В самых нижних штреках уже нельзя находиться без защитных костюмов. Земля разогревается.

— Как это? — спросил Егор.

— Земля внутри горячая, — Скелет показал пальцем в пол. — Расплавленная. А чем дальше от центра, тем тверже, потому что остывает. Но теперь времена изменились. Внутренний жар поднимается... Мы уходим.

Скелет поморщился, горько так, видимо, не очень хотелось ему покидать родное место, понятно.

— Это давно продолжается, — рассказывал Скелет. — В некоторых штольнях температура повышается вдруг, разом, прорывается пар, люди варятся заживо или на поверхность в беспомощности лезут... Не первый год. Пытались к поверхности охлаждающие шахты прокапывать, оказалось, малоэффективно...

Я вспомнил огромные норы-воронки, встречающиеся в городе, когда-то я наивно думал, что это пути в преисподнюю... Все проще.

— Температура растет слишком быстро, — повторил Скелет. — Наверху снег. Жар будет его подтапливать, тоннели зальет. С кикиморами, конечно, справиться можно, с наводнением — нет... Думаете, почему такой снег?

— Снег от жары? — вѣдливо спросила Алиса. — Разве бывает?

Скелет кивнул.

— Снег — это вода, — сказал он. — Она испаряется, накапливается в воздухе, а когда становится холодно, выпадает обратно в виде снега. Наверху воды мало осталось, она вся вниз ушла. Поэтому в последние зимы снега почти не было. Сейчас внизу воды много, а жар усиливается. Вода испаряется и выходит наружу в виде пара. А теперь она выпадет снегом. Его много.

Скелет поглядел в потолок.

— Его так много, и он так тяжел, что земля проседает.

Скелет сплющил ладошками воздух.

— Снег же легкий, — возразил Егор. — Как он...

— Снег тяжелый, — помотал головой Скелет. — Очень тяжелый, это только так кажется, что пух, на самом деле тонны. Кое-где штреки уже начали обваливаться. Укрепить все нереально...

— Выдавливают, — равнодушно сказал Лисичка.

— Выдавливают, — согласился Скелет. — Ладно, мы что-то отвлеклись... Вы не хотите перекусить?

— У меня аппетит что-то... Утратился.

— У меня тоже, — сказала Алиса. — Эта кикимора.

Егор, судя по молчанию, и сейчас был не прочь пожрать, но промолчал.

— Тогда отдыхать, — кивнул Скелет. — Завтра поговорим о делах. Лисичка проводит вас по боксам и принесет вам вечером сухой паек.

— Спасибо, — сказал я.

А что мне было ему еще сказать?

Скелет удалился, Лисичка проводил. По пути он постарался выменять будильник Егора на чудесную гашетку сновидений, если нажать ее перед сном двадцать пять раз, то сны придут полагающиеся, но Егор оставался непреклонен и фамильного будильника не отдал.

Лисичка сопровождал нас до боксов — оказалось, что предыдущую ночь мы провели в отдельных конурах, то есть Алиса в отдельной, а мы с Егором в одной, на широких рундуках. В коридоре Лисичка сделал последнее предложение — коробку патронов с золотыми пулями.

Егор устоял. Лисичка зевнул и удалился неторопливой походкой, мы остались перед своими комнатками.

— И когда он сухой паек принесет теперь? — спросил Егор.

— Никогда, — ответила Алиса. — Он будильник хочет, а ты не меняешься. Теперь жратвы не видать, сдохнете от цинги. Зачем этот Скелет нам кикимору показывал?

— Чтобы аппетит отбить, понятно же, — буркнул Егор. — Мы слишком сильно на еду накупились, не надо было жадничать. Вот он нам и показал. Это намек, вот и все.

— Не знаю, не знаю, — ответил я.

Я на самом деле не знал. Так, догадывался.

Глава 8

Диалектика перехода

Скелет рассказывал. Про то, как они тут жили все это время.

Шахтеры то есть.

Культурно, в общем-то, жили, это по всему заметно, по мелким деталям. Вот огонь, например — не кое-как, а организованно горит — в особой треножной жаровне, забранной особой сеткой — чтобы угли не разлетались. И огонь тоже не дровяной, тоже культурный — или специальные брикеты из торфа — горят долго, тепло и ароматно, или баллоны с газом, одним словом, красота, целый подземный мир, который образовался еще до катастрофы. Причем не кое-как образовался, а по плану.

Нижнее Метро строили никакие не китайцы, обычные повсеместные люди. Сначала пробовали на самом деле китайцев завозить, только никакого проку от этого не было — китайцы умели работать только кирками, а вручную такой тоннель никак прорыть не получалось. Поэтому стали приглашать шахтеров из разных стран. Вообще, оказывается, шахтерство раньше очень популярно было, добывали из земли уголь, нефть, полезные припасы разные, тоннели в горах сверлили. И вот они собрались все здесь и стали работать. И жили под землей — чтобы времени зря не терять, под землей у них все было: и поселения, и больницы, и школы.

Пробурили они главный тоннель, но работы много все равно осталось — в порядке все это поддерживать, ремонтировать, воды умирять, поэтому под землей оказалось много людей, все с высокой подготовкой, умеют работать, с хорошим образованием. Постепенно они перестали на поверхность вообще подниматься — зачем, если внизу все для жизни оборудовано? А потом произошла катастрофа.

Но и после нее сначала все шло более-менее нормально, подземный мир существовал отдельно от верхнего и мало с ним пересекался, удалось перекрыть тоннели от наводнений и укрепить своды, удалось уберечь фермы и пробурить вентиляционные шахты...

Но постепенно ситуация начала меняться. Стали пропадать люди. Стали находить мертвых. Люди изменялись, пришла подземная чума, от которой срастались пальцы на руках и ладони превращались в грабли, таких отселяли в дальние штреки, потому что чума была заразна.

Ну, а дальше, как у всех. Все меньше и меньше людей, все больше и больше чудовищ.

Скелет рассказывал про себя, и про подземную жизнь, и про некоторые странные непонятные вещи. Сам Скелет родился в семье чумовых, в дальнем штреке на самом юге, его родители не умели разговаривать, потому что ни у матери, ни у отца не было языка, и они

только мычали. Они даже на руках его не могли нормально держать, потому что рук у них как таковых не было. Дети у чумовых не выживали, поэтому родители уложили Скелета в люльку, сплетенную из алюминиевой проволоки, и отнесли к кордону, так что своих родителей он не видел никогда. Они оставили ему немного — пацифик, сплетенный из медной проволоки, он до сих пор его носит. Скелета приняли шахтеры, вырастили и научили всем подземным премудростям, первый раз поверхность он увидел только в одиннадцать лет.

«Повезло», — подумал я.

Мы сидели в очередной полукруглой железной комнате, довольно просторной и чистой. В комнате располагалось множество приспособлений для счастливой шахтерской жизни — механические молотки, сверла на гусеницах, железные подземные кроты-ползучки, буровые машины, и все в блестящем порядке. Мастерская, наверное.

Посередине комнаты стоял стол, за ним мы и сидели. А с потолка банки еще свисали с водой, прозрачной до голубизны. И в этой воде медленно покачивались короткие белые змеи. С плоскими мордами, с рубиновыми жабрами, раскинутыми веером, с вуалевыми хвостами. А еще у них имелись ручки, это больше всего меня удивило. Маленькие ручки, сжатые в кулачки. Червяки.

Банок было много, они медленно поворачивались, и червяки поворачивались вместе с ними, пошевеливая хвостами и лапками, светились туманным белым молоком.

Я слишком долго на них смотрел, и Егор спросил робко:

— А это кто? Что за червяки?

— Это протей, — объяснил Скелет. — Наши домашние животные. Они обитают в глубинных озерах, в подземных водопадах, в серебряных родниках. Только в самой чистой воде.

— А какая от них польза? — спросила Алиса.

— Никакой. Они странные. Красивые. И светятся в темноте.

Мне эти протей понравились. Своей бесполезностью, это раз. И тем, что в темноте светятся.

— Это личинки, — Скелет постучал пальцем по банке. — Недоразвитые особи, и никто их взрослыми не видел.

— Они умирают, — сказал вдруг Лисичка.

— Да, действительно... Они умирают все чаще.

Скелет грустно улыбнулся, лицо быстро переползло справа налево, затем обратно.

— И что здесь удивительного? — спросила Алиса. — Все умирают. Вон у нас Прыщельга...

— Протей бессмертны, — мягко перебил ее Скелет. — Они только рождаются, но никогда не умирают. Не умирали то есть. Живут, питаюсь свежей водой, тишиной и светом. Считается, что это дети драконов. То есть при определенных условиях они вырастают в драконов... Красивая легенда. А теперь они умирают.

— Почему? — сочувственно спросил Егор.

— Никто не знает, — ответил Скелет. — Видимых причин нет. А невидимые...

Он замолчал, поглядел на меня, совершенно неожиданно сказал:

— Ты, кстати, седьмой.

— Какой это седьмой? — спросила Алиса, быстро отреагировала.

— Седьмой, — кивнул Скелет. — Мне отец рассказывал о четверых, а двое при мне еще были.

Скелет показал два заскорузлых пальца.

— Все туда пробирались, — Скелет указал пальцем в стену.

Скелет замолчал. И думал. Несколько минут, а мы его не перебивали, боялись спугнуть мысль. Лисичка полировал пирамидку пальцами, тер их о волосы, собирал сало, после чего втирал в металл, пирамидка матово поблескивала.

— Все одиночки? — негромко спросила Алиса.

— Нет, вроде бы и группа была, — ответил Скелет. — Кажется, пять человек. Только это недостоверно, давно очень... Пришли с оружием, со снаряжением всяким, с роботами, со взрывчаткой, проводников просили. Мы их до Кривого Штрека проводили, а там они уже сами, оттуда до Серебряной Собаки меньше километра, рукой подать. Но они не вернулись.

— Почему?

Скелет пожал плечами.

— Кто его знает. Оттуда никто не возвращается. Наши тоже пытались, и всегда...

Скелет сложил из пальцев крест.

— Никто. Потом тоже приходили. И все рассказывали ту же историю, что и вы, — улыбнулся Скелет. — Про Эксперимент, про Установку. Про гелевую бомбу.

Я поглядел на Егора.

— А я-то что? — тот пожал плечами. — Я... Да ты же сам видел пленку!

— Видел, — согласился я.

— Пленку, значит... — покивал головой Скелет. — Пленку...

А Лисичка рот открыл, язык выставил, а в языке круглая булавка в виде черепа.

— Пленку, — подтвердил я. — Кассету. Там показано, как все происходило. Конец Света.

Скелет почесал подбородок.

— Лисичка, сбегай-ка... — велел он. — Сам знаешь. Там, у меня.

Лисичка спрыгнул с табуретки, исчез.

Мы молчали. Сидели, стараясь не смотреть друг на друга. Егор возил пальцем по столу, иногда палец скрипел, мы вздрагивали. Над головами медленно ворочал лопастями вентилятор, теплый воздух пошевеливался, обдувал лицо.

Лисичка вернулся минут через пять с подозрительно знакомым мне пластиковым пакетом, стянутым по горлу зеленой веревкой. Под мышкой он держал продолговатый предмет, который я тоже раньше встречал. Видеоплеер.

— Четырнадцать копий. — Скелет развязал мешок, высыпал на стол кассеты. — Мы собираем кассеты, книги... Ну, вы видели, там, в библиотеке. Просматриваем все, что находим. Инцидент Белова, не так ли?

Он поместил кассету в плеер, запустил воспроизведение, повернул монитор к нам.

Белов. Проверяет камеру. Ну, и так далее. Еще раз смотреть это не хотелось.

— Распространенная запись. — Скелет отключил плеер. — Часто встречалась. И сейчас иногда встречается. Кто-то ее размножил и разместил по всему городу.

— Зачем? — спросил Егор.

— Чтобы все знали, как можно это остановить.

— Зачем? — спросила уже Алиса.

Скелет закашлялся, достал из внутреннего кармана куртки жестяную плоскую банку, подышал на пальцы, открыл. Табак, я сразу опознал. Но не рубленый, а в листьях, широкие, желтые и длинные. Скелет вытащил несколько листов табака, понюхал их с видимым удовольствием и ловко свернул длинную безбумажную папиросу.

— Кто-нибудь закурит? — поинтересовался гостеприимный Скелет.

Мы отказались, Скелет отгрыз кончик папиросы, достал зажигалку, построенную из винтовочной гильзы, чиркнул. Несколько раз с треском втянул воздух и выпустил в вентилятор синюю струю.

— Тут все просто, — Скелет с удовольствием сощурился. — Кому-то раньше очень было нужно, чтобы про Серебряную Собаку узнало как можно больше народа.

— Что ж тут удивительного? — Алиса помахала ладонью перед лицом. — Одна кассета, спрятанная в снеговике, могла и затеряться. А сотня, разбросанная по всему городу... Рано или поздно кто-нибудь да наткнулся. И вдохновился бы. А то что это — мир надо спасать, а дураков нет.

Наверное, так оно и есть. Скелет выпустил дым, у меня зачесались глаза и заодно голова.

— За сто лет семь дураков нашлись, один дурак на тринадцать лет.

— Почему дураки? — спросил Егор.

— Они вернулись? — Алиса повернулась к Скелету.

Тот помотал головой.

— Значит, дураки. Умные бы вернулись.

Скелет улыбнулся.

— Дураки. Наверное. Они приходили и уходили. И вы тоже.

Я думал, что Алиса сейчас что-нибудь скажет. Ехидственное.

Но она промолчала.

— Никто не вернулся... — повторил Скелет.

Егор щелкнул зубами.

— Нет, — сказал Скелет, — мы их всех отговаривали. Но никого не отговорили.

— Почему? — поинтересовался Егор.

— Потому что мир спасти нельзя, — совершенно спокойно ответил Скелет.

Он выпустил из ноздрей задумчивую дымную фигуру.

— Мир должен пасть, — совершенно спокойно повторил Скелет. — И ничто этому не помешает.

Алиса и Егор посмотрели на меня вопросительно.

— Человек не может уничтожить то, что создал не он, — сказал спокойно Скелет. — Изгадить — это пожалуйста, а чтобы совсем... Нет. Мир, если ему суждено быть разрушенным, разрушится. И вы это не остановите.

Скелет затыкнулся.

— Кстати, — он облизал зубы, — это уже случалось.

— Что? — не понял я.

— Светопреставление. Причем, судя по всему, не один раз.

— Как это может быть? — Алиса прищурилась. — Конец Света... это же конец.

Все...

Скелет как-то по-особенному прищелкнул языком, отчего дым получился треугольный.

— В определенном смысле... — Скелет полуприкрыл глаза. — Знаете, шахтерская жизнь тяжела, очень быстро изнашивается позвоночник, легкие. Когда работать невмочь, по разным местам распределяемся. Я попал в книжную палатку, времени много, читал, читал. Конец — это для одних конец, для других же всегда начало. Диалетика называется. Так что... У меня, кстати, есть доказательства. Лисичка.

Кивнул Скелет.

Лисичка снова шустро исчез и появился через минуту с большой черной книгой.

— Альбом, — объяснил Скелет. — Под землей лежит много чего интересного, и находят это шахтеры.

Скелет протер руки о куртку, встряхнул их как после воды, открыл.

Фотографии. Большие и красивые. Слои земли, а в каждом отпечаток.

— Сделано на разных глубинах, — начал рассказывать Скелет. — Но все в пределах нашего города. Каждое время откладывается в земле, чем глубже, тем старше. Вот, смотрите, это было совсем давно. Отпечатки. А иногда и кости встречаются.

На фотографии изображалось чудовище. Оно напоминало толстую трубку, расширяющуюся к одному концу. По бокам трубка расходилась многочисленными отростками, похожими на щупальца, каждое заканчивалось набором коротких пальцев. Из широкого конца трубки простирался толстый язык.

— Пакость какая... — сморщилась Алиса.

Скелет перевернул страницу.

Следующее чудовище выглядело ничуть не лучше первого, те же щупальца, но прикрепленные к шару. Действительно пакость.

Скелет начал переворачивать страницы. Одни монстры сменяли других, омерзительные твари становились все омерзительнее, постепенно я отмечал, что монстры как бы

объединяются в группы.

Вот твари, утыканные щупальцами. А вот похожие на раков, с клешнями и глазами на длинных палочках, с острыми шипастыми хвостами, с конечностями, состоявшими из треугольников.

Вот они, ящеры. Тут уже что-то знакомое — когти, зубы, хвосты. Для сравнения рядом с этими самыми костями стояли шахтеры, выглядели они совсем не богатырями.

Вслед за ящерами шли звери. Тоже зубастые и тоже клыкастые, некоторые клыки были устрашающие до крайней степени.

На последней странице альбома оказалась неожиданная фотография. Человек. Немного непохожий на нас, руки чересчур длинные, а голова сплюснутая, челюсть тяжелая.

Скелет закрыл альбом.

— И что это значит? — спросила Алиса. — Что это объясняет? При чем здесь Конец Света?

— То, что этот, нынешний Конец Света далеко не первый.

Мне стало как-то грустно. Совсем уж.

— Такое случалось и раньше, — сказал Скелет. — И не один раз. Это записано в земельных слоях, те, кто бывал в глубинах, знают. Вот живут черви, и слизни, и ползучие каракатицы, и ими кишит все, и вдруг среди них ни с того ни с сего появляются... не знаю, пожиратели каракатиц. Или ящеры. Их много, они везде, от самых маленьких, размером с ноготь, до огромных, высотой в трехэтажный дом. Они господствуют над миром, и так продолжается много лет подряд, столько лет, что представить себе невозможно. И вдруг разом исчезают, вымирают, и вот весь мир заполнен только их костями. И на этих костях прорастают другие существа, новые, совсем не похожие на предыдущих, иные в крайней степени. Это происходит вдруг, разом, как будто ребенок смахивает со стола надоевших ему солдатиков и лепит из глины новых. Может, пришло наше время?

Скелет спросил это неожиданно, вдруг, так что мне захотелось ответить. Да.

Сигарета Скелета прогорела, и он тут же скрутил следующую, зажег, задымил.

— Но это длится уже давно, — возразила Алиса. — Они уже давно здесь! Много лет!

Скелет сладко закурил сигару. Я отметил, что уже привык к дыму, что он не кажется мне едким, а, напротив, сладким и даже приятным, он окружил нас синеватой завесой, за которой растворился окружающий мир.

— Я видел у тебя будильник, — Скелет обратился к Егору. — Можно?

Егор послушно достал часы, выставил на стол. Скелет завел пружину, будильник послушно затикал.

— Это не я придумал, — стал объяснять Скелет, — это прочитано в одной из книг. Мир существует давно, очень давно. Если представить, что весь мир существует час...

Скелет постучал по стеклу будильника и повторил:

— Если представить, что мир существует целый час, то жизнь на нем длится меньше пяти минут. А человек...

Скелет задумался, подсчитывая в уме.

— Наверное, меньше секунды. То, что происходит у нас, — это даже не миг, это... Практически ничто. Вздох. Вот через тысячу лет это станет половиной мига. Но это все равно, с точки зрения истории — это просто прах. Если наш исход продолжится тысячу лет, то здесь...

Скелет снова постучал, сначала по стеклу будильника, затем по альбому.

— Здесь это будет выглядеть как исчезновение. Вот жили мы, а вот нас нет. И вместо нас ползуны. И только кости в земле.

— Но раньше же, во времена червяков, не было никаких Установок, — сказал я. — Как оно все уничтожалось?

Что-то подсказывало мне — у Скелета есть ответ и на этот вопрос.

— Механизм inferno не имеет значения, — сказал он. — Эпидемия. Активность солнца. Похолодание. Война. Или какой-нибудь китаец, сифилитик и пожиратель

осьминогов. Один вид, допустим, каракатицы, заходит в тупик, жрет все подряд и портит воздух, и тогда появляются пожиратели пожирателей.

Некоторое время мы молчали. Потом Егор спросил:

— Это что же получается? Вроде как мы это все бесполезно делаем? Все равно ничего вернуть нельзя?

Скелет не ответил.

— А какой во всем этом смысл? — спросила Алиса. — Ну, пусть — одни каракатицы поедают других каракатиц. Вот насколько я поняла из этого...

Алиса постучала пальцем по альбому.

— Насколько я поняла, эти новые каракатицы появлялись всегда и как бы вдруг.

— Судя по всему, да.

— То есть... это... некое вмешательство?

Скелет пожал плечами.

— Вмешательство — это слишком тонкая вещь. Как и невмешательство. Но если говорить откровенно...

Скелет прикрыл глаза, наслаждаясь сигаретой.

— Вмешательство вполне вероятно. Во всяком случае, слишком многое на это указывает...

— А зачем? — опять перебила Алиса. — Зачем все это нужно?

Скелет пожал с хрустом плечами.

— На этот вопрос нет ответа, только предположения. Одни формы жизни перестают отвечать Цели, другие оказываются тупиковыми ветками, третьи слишком активно друг друга истребляют. Так или иначе, от них избавляются как от бесперспективных. Для этого есть широкий выбор средств, от потопа до вулкана. Получается, что вся жизнь — это и есть Конец Света.

Я помотал головой. Не верилось. В то, что мы не оправдали. В тупиковую ветвь. Хотя...

— Есть еще интересная теория, — Скелет выпустил дым в вентилятор. — Она, конечно, не объясняет многого... Но, с другой стороны, объяснить все то, что происходит с нами, не может никто...

Мы слушали. Скелет был интересным, много знал, рассказывал складно, точно книжка с нами разговаривала. Я думал, что шахтеры от избытка подземелий погружены в мозговую темноту, а оказывается, наоборот все. Дух Божий дышит даже в глубинах земельных.

— В свое время я тоже интересовался... — Скелет совершил сигаретой круговое движение. — Онтологией, так сказать. То есть как оно все получилось.

— А на Запад как, сходить не хотелось? — осведомилась Алиса с ехидцей. — Самому? Своими ножками?

— Кому в молодости не хотелось спасти мир? — вопросом на вопрос ответил Скелет. — Хотелось. Само собой. Я и припасы собирал, одежду, патроны. Как сейчас помню... Вовремя остановили.

Скелет поглядел на Лисичку.

— Кому не хотелось спасти мир? — повторил Скелет. — В молодости это нормально — брать задачи не по плечу. Впрочем, я отвлекся. Я о теории рассказывал, интересной весьма и весьма. Так вот, некоторые считали, что Конец Света случился уже давно.

— В нашей библиотеке есть интересные рукописи, мы объединяем их по названию первой найденной — «Часослов Заката». К сожалению, не могу вам их предложить в силу того, что у вас, вероятно, мало времени.

Егор и Алиса переглянулись.

— Чрезвычайно мало, — сказал я. — Почти и нет его, времени.

— Я так и предполагал. Поэтому изложу вам изустно. Принято считать, в частности, благодаря записям того же Белова, что Конец Света случился вдруг. То есть он хронологически совпадает с началом Эксперимента по изучению физических законов, в

результате чего возникла аномальная территория, распространившаяся отсюда вширь. Однако существует и противоположная точка зрения. О распределенном Конце Света, джасемся, так сказать, растянупом во времени. Автор первого «Часослова» анализирует историю человечества за последние пятьсот лет и доказывает, что предвестники грядущего Апокалипсиса проявлялись еще очень давно. Это привычные человечеству вещи — эпидемии, войны, переселения народов. Вспышки насилия, зачастую не имеющие никаких видимых причин. Изменения климата. Создание новых существ, способных к выживанию в критических условиях, конструирование боевых машин. Биологическое оружие, массовые психозы...

Скелет сделал паузу для затяжки.

— Человечество давно стало на тропу самоистребления, более того, оно с азартом по этой тропе продвигалось. Но не это интересно, интересен вывод анонимного автора «Часослова». Он отмечает, что катастрофические события, ранее равномерно распределенные по столетиям, к концу двадцатого века резко участились, время точно сжалось. Более того, они вышли на новый качественный уровень — и начали случаться там, где они не могли случиться в принципе. Причем было замечено, что чаще всего несчастья происходили в тех местах, где люди жили в больших скоплениях. В крупных городах, как правило...

— А какой сейчас год? — перебила Алиса. — Всегда хотела узнать, с раннего детства. Мечтала.

Скелет ответил сразу.

— В старинном летоисчислении больше, увы, не содержится никакого позитивного смысла, но если вас интересует, две тысячи двести восьмой. Плюс-минус пятилетие.

Две тысячи двести восьмой. И мне сразу стало как-то легче. Я почувствовал себя на месте, укоренился, что ли. До этого я болтался в непонятном пространстве с искаженным временем — и вот разом оказался в истории. Пусть плюс-минус пятилетие, это все равно. На месте.

Отныне. Навсегда.

— Автор «Часослова Заката» полагает, что Установка — это не причина катастрофы, это попытка ее остановить. Причем удачная.

Теперь переглянулись уж все мы. Алиса глазом дернулась — вроде как не слушать надо Скелета, не совсем он нормальный.

— Этот человек изучал старые документы, — рассказывал Скелет. — В том числе и секретные, в последние дни открыли доступ к архивам, все драпали. Так вот, чудовища появлялись задолго до Эксперимента. Нападали на людей, убивали, причем иногда это происходило в массовом порядке. За четыре года до запуска Установки на юго-западе города было вырезано два дома — и это далеко не единичный случай. Для борьбы с проявлениями иноактивности создавалось даже специальное подразделение. В определенный момент стало ясно, что ситуация выходит из-под контроля, нападения учащаются и распространяются вширь, и контроль уже не поддаются. И чтобы взять очаг вторжения в энергетическое кольцо, создали Установку.

Прогорела и вторая сигарета, Скелет тут же принялся вертеть третью. Интересно, как ему здоровья на эти сигареты хватает — они же такие едучие, я помню, я пробовал. Наверное, это подземная закалка — у всех шахтеров крепкие легкие, их сигаретами не пробить.

— И что же было дальше? — поинтересовалась Алиса.

— Вместо того, чтобы заделать дыру, они ее расширили, — сказал Егор.

Скелет кивнул.

— Не совсем так. Установка должна была полностью изолировать возникшие пространственные бреши, но все пошло не совсем так, как рассчитывали.

Все-таки красиво говорит, изолировать, красивое слово...

— А потом было поздно, никакими средствами заткнуть образовавшиеся бреши не

получалось. Пытались залить внешнее дорожное кольцо модифицированным дефолиантом, не очень эффективно...

— Ты же сказал, что попытка остановить катастрофу удалась? — перебил уже Егор, вредные черты характера заразны.

— А вы когда-нибудь видели самолеты? — спросил Скелет.

Алиса поглядела на меня.

— Самолет, машина, по небу перемещается. Обычно в виде скошенного крестика. Кто-нибудь видел?

— Ну, я, — вспомнил я. — Если это мне не показалось, я тогда не в очень устойчивом сознании...

— Ты был в сознании, — успокоил меня Скелет. — Я сам видел самолет, причем несколько раз. Они любят летать над городом, возможно, наблюдают. Так что Установка сделала свое дело — брешь не расширилась до пределов всего земного шара. И где-то сохранилась жизнь в ее старинном понимании.

Кстати, некоторые считают, что именно поэтому птичья лапа в кольце так часто встречается в нашем мире. У вас она тоже есть. Насколько я помню, раньше существовал культ пацифика. Люди поклонялись птичьей лапе, считая, что она сохраняет мир от распада.

Алиса хлопнула в ладоши.

— Вот Дэв, — она ткнула в меня. — Он из Рыбинска. Это тысячу километров на север...

— Это гораздо ближе, — поправил я. — Совсем не тысячу километров...

— Так вот, там никакой жизни нет, — продолжила Алиса. — Все то же самое, что и здесь, только гораздо хуже. Там люди на ночь в могилы закапываются! Ничего этот кругляк не сохраняет!

Алиса достала из-под воротника кругляк.

— Ничего он не сохраняет! Эта лапа всегда в говно вляпывается! Это просто карта.

— Зачем ты тогда ее носишь? — мягко поинтересовался Егор.

— Могу и не носить.

Алиса дернула за кругляк, сильно, шея чуть не оторвалась, по горлу белая полоса протянулась, крепкий шнурок, Алиса дернула еще, царапнула шею, под челюстью показались кровавые капли.

Егор неуверенно хихикнул.

Алиса рванула сильнее, но шнурок одержал верх, и она отступилась, спрятала пацифик обратно. Есть сильные вещи, которые просто так с шеи не сдернешь.

— Все это неправда, — сказала Алиса. — От первого до последнего слова. Сначала мне говорят, что Земля сорвалась со своей оси, день увеличился на четыре часа и по-прежнему не будет никогда. Потом мне рассказывают про то, что мир смыло потопом, и теперь нам придется жить в тине и иле, среди ракушек и скелетов рыб. А потом рассказывают про мор. Про пришельцев, про неудачный эксперимент, про пришельцев снова, а я сначала не верю, потом все-таки немного верю... Нет, мне по большому счету уже наплевать на все это, мне бы не сдохнуть кое-как. А теперь мне говорят, что это Господь наш Бог учинил. Разгневался на то, что мы такие засранцы, и пролил на нас серу и прочее едучее говно! А если это не пришельцы, если это не чума, если это на самом деле Он? Получается, что мы ничего сделать вообще не можем?!

Скелет пожал плечами.

— Это всего лишь гипотеза. При желании ее легко опровергнуть. Любой в состоянии это сделать.

— Вот именно. — Алиса пришла в скверное настроение. — Мне кажется, что все эти истории... Они только запутывают. Сначала вы говорите одно, потом другое. А вечером третья. И ничего не понятно. Нет ответов.

— Правильно, — согласился Скелет. — Мы никогда не узнаем наверняка, что

произошло. Потому что... это выше нашего понимания. Надо просто принять, смириться с неизбежным.

— Получается, что мы зря идем? — с надеждой спросил Егор. — Бесплезно?

— Бесплезного ничего не бывает, — вмешался я. — Только кажется, что все бесплезно. Что люди бесплезно гибнут, что не туда идем... Но польза все равно есть, я точно знаю. Ни одна жизнь, и уж тем более ни одна смерть, не бывает зря. Любой человек, самый на первый взгляд бессмысленный, он все равно совершает что-то. Вкладывает свой камушек.

— Может, ты и прав, — негромко сказал Скелет. — Может, так оно и есть на самом деле. Если ты, конечно, веришь в то, что говоришь. Вера — важная вещь. Люди утрачивали веру, а похоже, что именно она скрепляла мир. Поэтому мы и не отговариваем тех, кто идет на запад.

Он затушил сигарету о стол.

«Ага, не отговариваете. Только кикимор показываете. Но нас кикиморой не пробьешь, у нас цинга, у нас мозг не работает». А вообще слишком много информации сгрузилось в мою голову. И не просто информации, а какой-то взрывной, в разные стороны, противоречивой и непонятной, путающей. Надо было подумать, хотя я не сомневался, что думать не смогу, если стану думать, то начну сомневаться...

— Завтра выступаем, — повторил я.

— Погоди, Дэв, — сказал Егор. — Если Нижнее Метро как раз построено для того, чтобы погань не распространялась, а мы его взорвем...

— Завтра выступаем, — сказал я. — Хотя, наверное, лучше послезавтра...

Егор не стал больше спорить.

— Скелет, кто-нибудь нас проводит? — спросил я.

— Да тут и провожать особо не надо. Тоннель один, проверенный, захотите — мимо не проедете. Чай пить будете?

Глава 9 Прорыв

Тепло. Тепло и хорошо, в таком состоянии можно спать сутками, не размыкая глаз. Укутавшись мягкими клетчатными одеялами, прижавшись спиной к теплой железной стене, слушая далекие беседы, испытывая странное удовольствие от попыток понять — реальны ли эти разговоры, или это обрывки сна, или мои страхи, возникшие из привычки постоянно ожидать опасности...

Самолет. Мир. Где-то он есть... Неблизко, если близко, я бы знал... Кто-нибудь бы да знал... Мы ведь думали, что все, только мы остались. Мы да соседи, да Москва стоит. Человек всегда полагает, что мир крутится вокруг него, и если у него ноготь врос, то все вокруг должны хромать. Но где-то другой мир ведь есть — откуда-то самолет прилетал. Наверное, очень издалека. Может, из-за моря, с другого конца света, планета большая и круглая, пешком не обойти.

А почему они нас тогда не выручают? Почему... Ну, да, понятно, это ведь очень просто. Зараза. У нас тут все мрут направо-налево, может, тем, внешним людям, сюда нельзя, может... Мало их. Самим тяжело. Ведь как отсюда полыхнуло, так и по всему шару разлетелось, кто знает, что у них там вообще...

Никто ведь ничего не знает, никто, лишь бы выжить, лишь бы не сожрали, тут не до широких мыслей...

Заболела голова, я сказал, что хватит думать. Нечего думать.

Я проснулся совсем. Не знаю, почувствовал — что-то должно было произойти. Очень скоро, почти сейчас, уже, наверное, происходит.

В банке под потолком свивался в восьмерки и распрямлялся тугой живой пружиной протей. Название гадкое, что-то такое... Личинка дракона, драконьш, так как-нибудь надо,

протей.

— Егор, — позвал я негромко.

Егор спал.

Я позавидовал — у меня так спать не получается. Я вообще много чего не умею, например мечтать. Раньше у людей была возможность мечтать — они читали книги, смотрели фильмы, ездили по всему миру, для фантазии был простор. А мне о чем мечтать — если я ничего не видел? Во-во. Мои грезы непротяженны, приземлены, во мне, как и в Егоре, кипит и побеждает слоновость.

Поэтому я мечтаю о простом.

— Егор! — позвал я чуть громче.

— Ну?

Услышал, как Егор стукнулся о трубу головой.

— Ну, чего? — спросил он недовольно.

— Подъем.

— Зачем подъем, Дэв? Можно же еще поспать...

— Подъем.

Я откинул одеяло, сел. Ноги. На правой не хватает пальцев. Надо сделать пластиковый протез. Потом.

— Зачем мы поднялись? Так хорошо, поели вчера.

Гудок. Прямо под потолком.

Егор подпрыгнул, прикусил язык, выругался.

— Тревога, — сказал я спокойно. — Что-то случилось. Собираемся.

— Трубу, наверное, прорвало, — предположил Егор. — Или потолок обвалился... Нас ведь не зовут.

— Смотри, — я указал на банку с прозрачным слепым червяком.

— И что?

— Чует, — сказал я. — Видишь, как бесится?

Протей шевелил лапками, и мне до ужаса казалось, что это не лапы, а руки человечка, заключенного в длинном светящемся теле.

— Ему страшно.

— Да это червяк просто... — неуверенно сказал Егор.

— Такие твари очень чувствительны ко всем опасностям. Помнишь, Скелет говорил?

— Он псих, каких много...

— Собирайся.

Егор стал собираться, проклиная жизнь и особенно меня в этой жизни.

— Фосфорные пули? — спросил я.

— Вчера зарядил шесть магазинов... — буркнул Егор. — Хватит?

— Вполне. Держись за мной.

— Понятно. А Алиса? Она же ничего не услышит...

Вечером Алиса чувствовала себя нехорошо. Ругалась, плевалась на стены, говорила, что у нее трещит голова от нашего общества, что она хочет отоспаться, а спать она ляжет с револьвером, и, если какая-то сволочь посмеет ее разбудить, она будет стрелять, не открывая глаз. А чтобы эти сволочи не побеспокоили ее глупейшими в мире криками, она станет спать в глушилке. Алиса достала вату, скатала в пробки, сунула в уши, затем обмотала голову скотчем в два обмота. Я посоветовал ей быть осторожнее с этим, со сгибанием ушей не стоит перегибать, кровообращение может нарушиться, и тогда уши отсохнут...

Алиса послала меня, конечно же, в Рыбинск. Затем она напялила шлем, опустила светофильтр и взмахнула рукой — проваливайте.

— Разбудим? — спросил Егор.

— Пусть спит, — сказал я. — С ней все будет в порядке.

Вышли из бокса.

Сирены продолжали взрыкивать, негромко, но надоедливо, мимо спешили шахтеры,

организованно торопились по коридору с оружием и в защитных приспособлениях. Мы двинулись за ними. Шахтеры прибывали и прибывали, они выныривали из боксов и вливались в толпу, если что, против течения не повернуть...

И вообще, чувствовать себя в толпе оказалось очень неприятно, все тычет тебя локтями, толкаются, дышат в ухо, подталкивают в спину, и куда бы ты ни двинулся, всюду люди.

— Держись за меня, — велел я Егору.

Он и так держался.

Мы вывалились на центральную площадь поселения, похожую на перевернутую чашку. На самом верху, в доньшке этой чашки, располагались круглые отверстия, из которых выходил равномерный белый свет, скорее всего, электрический. Под потолком вращался обычный для этих благоустроенных подземелий вентилятор, большой с широкими лопастями, на которых болтались бороды пыли и веревочки с блестками из фольги, казалось, что свет разбивался лопастями в мелкую сияющую пыль, которая оседала на плечах шахтеров. Их много уже скопилось, человек пятьсот, не меньше, хотя это мне могло и показаться, я не очень хорошо определяю количество людей по головам, непривычен. Все они стояли и молчали, точно ждали чего-то в напряжении.

— Мне это не нравится, — прошептал Егор. — Совсем...

К нам пробрался Лисичка.

— Прорыв на западном направлении, — сообщил он.

Лисичка — самый загадочный человек, которого я знаю. То есть не знаю. Не могу определить возраст. Рост маленький, но это ничего не значит, это от замкнутости помещений, рыба в маленьком пруду тугорослая, в большом, наоборот, люди тоже. Хотя сам Скелет довольно высок, но везде случаются исключения. Я не могу понять его отношение. Ко всему. Вот сейчас он сказал про прорыв на западном направлении совершенно равнодушно и как бы даже с вопросом, с усталостью и удивлением одновременно. И голос такой, точно в горло вмонтирован маленький громкоговоритель. На карлика не похож, хотя в движениях что-то есть. Равнодушное. Ленивое. Наверное, это от отсутствия солнца. Все подземные твари медлительны, подземный человек похож на протей, только с глазами.

— Кто прорвался-то? — спросил Егор.

— Все, — сказал Лисичка. — Все... Много что-то, не знаю как..

— А почему они все тут стоят?

— Ждут сигнала.

— А нам что делать? — поинтересовался я. — Тоже ждать сигнала?

Лисичка помотал головой.

— Пойдемте.

Лисичка взял меня за рукав и поволок за собой, едва успел поймать Егора. Мы перли прямо через толпу, Лисичка расталкивал всех попадающихся на пути, шахтеры послушно расступались перед ним, видимо, Скелет был важным человеком, его помощник пользовался уважением.

Шахтеров все прибывало, пробираться через них становилось все сложнее, и вдруг Лисичка замер, затем крикнул что-то и принялся толкать меня в грудь.

— Ты чего...

Шахтеры вокруг стали валиться, я догадался, чего от меня требуется, и тоже упал, уронив за собой Егора. И тут же поверх нас ударил воздух, всех, кто стоял, сбilo с ног и швырнуло на стены, вентилятор завертелся с тройной скоростью, во вращении прорезался высокий писклявый звук, вентилятор скосило, и...

Оторвалась лопасть. Она проревела над головами, врубилась в стену, застряла блестящей раскорякой, и тут же из-под нее брызнуло горячее масло, брызнуло и сразу ударило мощной струей, и заорали ошпаренные, стали кататься по полу.

Вентилятор, утративший равновесие, скособочился, лопасти стали чиркать по потолку, высекли искры и почти сразу же огонь, он принялся стекать длинными голубыми языками,

прихватывая прижавшихся к полу.

В лежащей толпе закричали, шахтеры начали вскакивать, Егор тоже попробовал вскочить, Лисичка рыкнул, пнул его под колени, Егор завалился, вентилятор оборвался.

Он начал плясать по площади огромной железной юлой, подпрыгивая, касаясь бетонного пола уцелевшими секирами лопастей, разбрасывая вокруг оторванные руки, ноги и головы, жаль людей, совершенно бессмысленный расход. Хорошо бы в угол спрятаться, пропеллер круглый, угол квадратный, но тут нет углов, площадь круглая, и все мы здесь.

Вентилятор завяз в мясе, остановился, с лопастей стекала кровь. Загорелось масло, сразу в нескольких местах.

Лисичка выругался на незнакомом языке, топнул в ярости ногой. Надо было помочь раненым, надо было тушить огонь, но Лисичка потянул нас к выходу.

— За мной идите! — кричал он. — За мной, нам в другое место надо!

Поднялись и, перешагивая через раненых, побежали за Лисичкой. Он нырнул в узкую дверь, мы попали в тесный длинный коридор, в котором в несколько ярусов тянулись толстые горячие трубы, к концу коридора от их тепла я вспотел, а Егор умудрился ожечься.

После коридора мы оказались в вертикальной трубе с узкой лестницей, по которой спустились метров на десять и очутились в широком тоннеле. Здесь воняло порохом, не было рельс, мы побежали по этому тоннелю, и я отметил, что с трудом поспеваю уже за Лисичкой и даже Егор опережает меня, хотя и старается держаться у меня за спиной.

Лисичка прыгнул в люк, мы за ним и потом долго ползли по тесной канаве...

И еще лезли, и еще ползли, прыгали, я сбился и просто следовал за поводырем. Иногда Лисичка замирал, вжимаясь в пол, и мы тоже вжимались, и над головами проносился горячий ветер, и твердь вокруг нас тряслась.

Навстречу никто не попадался, тоннели вымерли, надо было спросить почему у Лисички, однако я не поспевал за его скоростью, да и дыхания не очень хватало.

Минут через пятнадцать мы оказались в тоннеле, с виду очень напоминавшем тоннель Верхнего Метро — и стены, и толстые кабели по ним, и рельсы, причем весьма разъезженные, блестящие. Здесь пахло порохом еще сильнее, кроме того, здесь чувствовался ветер. Сквозняк, который, помимо пороха, пах еще паленым пластиком, мы поспешили навстречу сквозняку и скоро услышали стрельбу, тухлую музыку наших дней.

Беспорядочная, я сразу определил. А значит, и бессмысленная, попадания при такой стрельбе скорее случайные, пустая растрата боеприпасов. Патронов не жалели, значит, врагов много и не очень крупные. Если были бы мелкие, их выжигали бы огнеметом, в случае одного, но большого расстреливали бы серьезным калибром. Значит, средние, примерно нашего размера.

Егор снял с плеча винтовку.

— Тут уже рядом, — сказал Лисичка. — Лучше нам побежать.

Побежали.

Метров через триста встретили шахтера, шагал навстречу, залитый кровью, с чужим взглядом, Лисичка пытался его расспросить, но раненый ничего не слышал, только головой мотал. И мычал, наверное, он откусил себе язык.

Еще через двести метров мы увидели баррикаду. Несколько шахтеров строили ее из перевернутых тележек, рельс, листов металла, бочек и другого железного мусора. Спешили, ругались, кричали.

Стрельба раздавалась с другой стороны. Понятно. Пока одна группа сдерживает прорыв, другая строит укрепление. Правильная тактика. Скелет явно в этом разбирается... Интересно, откуда? Хотя некоторые имеют врожденные таланты, некоторые рисовать умеют, другие грибы искать, третьи стреляют хоть с закрытыми глазами.

Взрыв.

Под ногами пробежала волна, стены содрогнулись, свет пропал и почти сразу зажегся вновь. Сварочные аппараты погасли.

— Сюда! — крикнул Скелет. — Скорее! Лисичка, Дэв!

Мы поспешили.

Баррикада была недоделана, причем изрядно. Шахтеры пытались распалить сварочные аппараты, стучали по железу длинными электрическими прутьями, бесполезно. Возле правой стены и под потолком красовалась прореха, в которую легко пролезло бы два человека.

Возле стены сидели раненые. Несколько человек, раны рваные, дрянные, после таких не выживают. Хотя шахтеры, наверное, другие, помажутся угольной смолой, и как новенькие. Как мертвые, лежали, не стонали, не шевелились, только глаза моргали. Наверное, под обезболивающим.

Стояло оружие. Много. Ручные пулеметы, в основном пара автоматических дробовиков, и огнемёт с большим красным баллоном.

Шахтеры. Суетились, человек пять. Трое чинили сварочные аппараты, двое с помощью домкрата пытались подогнуть к потолку рельс.

Стрельба на той стороне не стихала. Четверо, я опознал по выстрелам. Палят, не думая...

Уже трое. Четвертый затих, двадцать секунд, а он не очнулся, за двадцать секунд вполне можно перезарядиться.

— Одного убили, — сказал Егор.

Определенно растёт. Года два — и станет самостоятельным человеком. Сможет сам о себе позаботиться.

— Прорыв! — почему-то выкрикнул Скелет, хотя я его прекрасно слышал. — Прорыв! В четырех местах сразу! Раньше такого никогда не было!

Кажется, контузия. Движения разобранные, руки трясутся.

— Весь северо-запад просел! — снова крикнул Скелет. — Тоннели разорваны, коммуникации разорваны, они лезут! Надо задержать...

Я кивнул.

— Здесь их нельзя пропустить! Если пройдут, по трубам расплзутся, не выловить! Это точно!

— Скелет, трансформатор выгорел! — крикнул другой шахтер. — Сварки не будет! Надо за баллонами бежать! Слышишь?!

Все контуженные.

— Не успеем! — в ответ крикнул Скелет. — Не успеем за баллонами! Где остальные?!

Он поглядел на Лисичку. Лисичка безразлично промолчал.

— Бегите за баллонами! — приказал Скелет.

Два шахтера тут же бросили сварочные агрегаты и поспешили от баррикады прочь. Мне почудилось, что это они с удовольствием сделали, удрали просто, Егор с тоской посмотрел им вслед.

— А если потолок подорвать? — спросил я. — Несильно? Крыша обвалится и закопает...

— Нельзя! Тут рядом газгольдер! Разнесет все! И водохранилище еще! Даже гранат нельзя!

Смолк еще один пулемет.

— Двое осталось! — Егор показал два пальца.

Понятно.

Я снял с плеча винтовку. Надо посмотреть, как там дела...

— Посмотрю, что там, — сказал я. — Егор, прикрываешь сверху. А вы щели заделывайте.

Сунулся в прореху справа, протиснулся вдоль стены.

Хорошая баррикада, толстая. Построена правильно — снаружи ошпательна острыми трубами, рельсами, опутана колючкой. Под потолком два прожектора, светят вдоль стен. Никого.

Я полагал, бой разворачивается прямо тут, за баррикадой, оказалось, нет. Метров пять колючей проволоки, настоящий железный чертополох. А тоннель уходил вперед и через

пятьдесят метров поворачивал налево. Стрельба слышалась из-за поворота. Я поднял винтовку, приложил ее к плечу и двинулся вперед.

Я не успел. Прошагал всего метров двадцать, второй пулемет смолк. И последний тоже. Все, готовы.

Прижался к стене, поплотнее, чтобы не напали со спины.

Вот. Вот оно.

Ненадолго я почувствовал то, что не ощущал уже давно — в пальцах заплясали холодные иголки, зубы заныли, наверное, это чувствуют перед броском все хищники. Но настроение прошло, почти сразу отступило, накатила волна привычного равнодушия. Ладно.

Из-за поворота выскочил человек. Шахтер. С пулеметом. Живой. Он выпустил очередь в темноту, затем побежал ко мне. С воплем. Остановился, отстреливаясь. Он орал что-то, я не мог разобрать, затем отбросил пулемет, видимо, кончились патроны, и рванул ко мне так быстро, как только мог. И почти успел...

— Скорее! — заорал я. — Скорее, сюда!

Шахтер снова остановился. Замер. Лицо перемазано, только глаза блестят, на расстоянии видно. Страх. Его оглушило страхом. Или ногу свело, судорога, подобные штуки случаются. Или нервы лопнули.

— Сюда!

Но этот подземник просто одеревенел. Из тоннеля послышался шорох. Очень неприятный, знаю я, чем такие шорохи заканчиваются...

Я шагнул ему навстречу.

Шахтер улыбнулся. И выставил язык Почему-то черный. Несколько секунд я думал про то, что у шахтеров вполне могут быть черные языки...

Он выставился почти на полметра, никакой это не язык!

Шахтер опустился на колени, и я увидел — на загривке у него сидела клякса. Черная, как полагается всякой кляксе. С лапами. И одна из этих лап входила шахтеру в шею и высывалась у него изо рта.

Ну да, я выстрелил.

Фосфорные пули. Они плохо переносят время и влажность. Но эти хранились как полагается. Пуля угодила шахтеру в лоб. Я не ждал такого результата. Те пару раз, что мне приходилось стрелять фосфорными пулями, это выглядело по-другому. Не столь разрушительно, возможно, те пули были протухшими.

Эти нет. Очень и очень нет, наверное, стоило мне их опробовать раньше, чтобы сейчас не очень удивляться.

Глаза шахтера вскипели и лопнули, из ушей повалил белый дым, а рот выплюнул пламя молочного цвета. Голова свернулась набок, шахтер упал. Тварь, сидевшая у него на загривке, тоже вспыхнула и взбежала по стене. Она застряла между проводами и теперь корчилась, разбрызгивая по сторонам огненные капли.

Кикимора.

И показались остальные.

Кикиморы. Сразу несколько. Причем некоторые ползли по потолку и по стенам, цепляясь своими крючьями-лапами. Плохо. Неудобная погань, прыгнет на шею, отвернет башку...

До целей осталось метров десять, и я открыл огонь.

Славную винтовку выбрал Егор. Вчера вечером перепристреляли, девять из десяти в цель, отдачи почти никакой, пойдет. Конечно, у меня, привыкшего к мощному карабину, винтовка все равно вызывала игрушечные чувства, но Егору понравилось.

Я выбрал ту, что подползала по потолку.

Пуля попала в лапу.

И здесь я оценил все преимущества новых боеприпасов. Лапа вспыхнула, вся, целиком. Наверное, это были не совсем фосфорные пули, какой-то их улучшенный вариант, горело гораздо сильнее, и пламя распространилось быстрее, и не по внешней поверхности, а как бы

изнутри — на шкуре кикиморы вздувались пузыри, лопались, из них выплескивался огонь.

Кикимора билась на полу, насколько я понял, она старалась оторвать горящую конечность, не получалось. Не кричала. Наверное, кричалки просто не было.

Впрочем, остальных плачевный пример подружки не очень впечатлил, они спешили, торопились ко мне, каракатицы...

Нет, фосфорные пули — это находка, надо набрать еще. Убойность грандиозная. Я попадал в лапы, попадал в срединную часть, куда бы я ни попадал, эффект был один — кикимора начинала корчиться и падала.

Я не отступил ни на шаг, почувствовал, как воздух в тоннеле пришел в движение, запахло, к гари прибавилась мерзкая вонь, какую может производить только погань, и внезапно на меня обрушилась настоящая стена этой вони, на секунду даже почудилось, что смердятина сгустилась и стала жидкой, я не удержался и сплюнул на рельс.

По тоннелю что-то двигалось. Живое и многочисленное. Или мертвое и многочисленное, однозначно многочисленное. Я приготовился.

Прожекторы выхватывали метров тридцать тоннеля, как раз до поворота, я ждал.

Снова кикиморы.

Много, не успел сосчитать. Они ползли одновременно и вразнобой, до них было еще далеко, а казалось, что они уже окружают, что они везде, я понял, почему шахтеры стреляли много и беспорядочно. Я не впадаю в панику. Почти никогда. То есть совсем никогда, конечно. А иногда так хочется, паника, кровь бьет в виски, под коленками дрожит...

Гомер вытравил в нас это за полтора года.

Я действовал до отвращения спокойно, как всегда. Раз, два, три, четыре, двенадцать. Тоннель заполнился дымящейся поганью, еще шевелящейся, но уже дохлой.

Двадцать один патрон, почти полмагазина.

— Держись! — крикнул из-за баррикады Скелет. — Скоро баллоны принесут!

Держусь. С таким оружием можно продержаться, сколько хочешь, то есть пока патроны не кончатся. А патронов у меня много. Конечно, если попрут стадом, придется отступить...

Но будем надеяться на лучшее.

Мне навстречу кинулась угловатая тень. Резкая, скоростная. Волкер. Неожиданно, рассчитывал на кикимору. От этой неожиданности я выпустил по нему сразу три патрона, и не прицельно, а просто по контуру. Попал, но волкера это не остановило. Он завизжал и кинулся на меня с утроенной яростью, четвертую пулю я влупил ему в пузо.

Это проняло. Выжгло кишки, наверное. Волкер завалился на бок, задергал лапами, без кишок самая поганая погань не живет... Щука, впрочем, живет. Если очень голодная. Ной ловил щуку, потрошил ее, бросал кишки в воду, а затем выпускал в эту воду щуку. И тупая рыба недолго думая начинала жрать собственные кишки, а они вываливались у нее из брюха, и она их снова жрала, и так без конца.

Потом, конечно, подыхала. В щуке есть что-то поганое, раньше я об этом не задумывался, она, кстати, и пахнет погановато, сгущенным огуречным соком. Наверное, волкер тоже жрет свои кишки. Только теперь ему нечего жрать, они у него выгорели.

Еще. Волкеры, сразу три. Перли на меня. Не неслись, а аккуратненько бежали, опустив вниз морды, перебирая лапами.

Крупные, я таких никогда раньше не видел, мне по грудь почти. Это еще удобнее, легче попасть.

Двух слева уложил, попал им в шею, очень удобно, они полыхнули синим, вспучились белым дымом и больше не поднялись. Третий оказался удачливей. Пуля попала ему в башку, отскочила от костяного лба и ударила в потолок, по которому тут же распространился жидкий огонь, волкер кинулся.

Я что-то не выдержал, нервы уже не те, выпустил очередь. Восемь пуль, третья развернула волкера боком, и пять штук врубались ему в туловище, от морды до задних лап.

Зверь вспыхнул бешеным огнем, с него сорвало всю шкуру и все мясо, и остался

пылающий скелет, он умудрился сделать еще один шаг, после чего развалился на части.

В тоннеле показалась тварь, которую я не видел раньше. Похожая на большую проворную ящерицу, она стелилась между рельсами, я потратил на нее четыре патрона и все четыре раза промазал — четыре раза! Она доходила мне почти до колена, черная гладкая кожа, мелкие зубки, такая вряд ли одуванчиками питается, получи...

Патроны кончились, ящерка прыгнула.

Сбила меня с ног, обвилась вокруг шеи хвостом, вцепилась зубами в наплечник, а я выхватил из кожаной кобуры револьвер и всадил в мягкую гладкую кожу все шесть пуль. Ящерица отвалилась. Правильно сказал Лисичка — все. Они лезли все, в большом разнообразии, вот эта ящерица, на ощупь она оказалась как налим, гладкая, и тоже пахнет рыбой, каждой твари по паре.

Я сменил магазин. И они тут же повалили все-все-все, волкеры, ящеры, и кикиморы, и кажется, мрецы, снова кикиморы...

Наверное, три минуты, я стрелял три минуты, прицеливался, нажимал, снова прицеливался, стрелял, прицеливался, они падали, сгорали и взрывались, рассыпались на большие куски и на мелкие, испарялись во вспышках белого огня. Чувствовал, что задыхаюсь. От всего, от вони, от движения, оттого, что стало вдруг жарко. Я расстрелял второй магазин и пошел в атаку.

Сшибал очередную бродячую мерзость и делал шаг вперед, сбрасывая ее в сторону пинком, осторожным, чтобы не поймать фосфор.

Поворот.

За ним обнаружили мертвые шахтеры и твари, которых эти шахтеры остановили, много, завалы почти до половины высоты тоннеля. Через эти завалы перебирались новые твари, я стрелял по ним, снова огонь...

Свет погас.

Меня это особо не удивило, в подземельях свет постоянно пропадает, ему это свойственно, свет любит открытый воздух. Я тут же прижался к стене, зажег карбидку. Скелет подарил мне усиленный рефлектор с повышенной отражательной способностью, теперь лампа светила в два раза сильнее, не прожектор, но все же.

Световое пространство сократилось, приходилось вертеть головой. Опять повалили кикиморы. Большие. Почти в два раза больше предыдущих. Двигались они перебежками, меняли расположение, едва я успевал прицелиться, кикиморы оказывались уже в другом месте. Пять, нет, шесть штук.

Эта разновидность выглядела омерзительнее мелких собратьев, в месте, где сходились лапы, виднелись выпуклые пузыри, я попал в этот самый пузырь, когда одна кикимора замешкалась.

К моему удивлению, она не вспыхнула. Остановилась, затем продолжила ползти, правда, не так быстро. Я попал еще, на этот раз в лапу, и это сработало, тварь вспыхнула и стала карабкаться на стену. Я подумал, что они, наверное, на деревьях живут — в случае чего забираются на ветви в поисках укрытия, и сейчас лезут наверх.

За то время, пока я разбирался с одной, остальные успели приблизиться ко мне почти вполчину, так что мне пришлось отступать. Отстреливаясь. Промахиваясь.

Я слишком много мазал. На два выстрела один промах. Крайне плохо. Если бы я стрелял так два года назад, то уже давно откармливал бы червей. А здесь ничего, еще жив. Нет, надо валить отсюда, чем скорее, тем дальше. Этот город меня уделал. Я стал плохо дышать, я стал медленно бегать, у меня нет половины уха и нескольких пальцев ног. Мне надо бежать отсюда. А я снова стреляю. В кикимор, кажется, раньше кикиморами называли... каких-то домашних духов. Они оберегали дом от злых сил. Теперь все другому.

Кикиморы, другая погань не высывались, скорее всего, не хотели вязаться, я бы тоже хотел держаться от них подальше, я пристрелил еще одну, остальные оказались совсем рядом. Переползали рывками, по стенам, по потолку, укрываясь в тени, которую не освещала

моя лампа.

Три штуки возникли совсем рядом, метрах в пяти, и я не выдержал во второй раз, и снова начал стрелять очередями. А когда патроны кончились, дернул к баррикаде.

Она нагнала меня. Свалилась сверху, упала на плечи.

Не предполагал, что тварь окажется настолько сильной. Как будто на шею сгрузились два мешка с песком, по весу никак не меньше, килограммов семьдесят, и эти килограммы тут же сдавили мне горло и попытались оторвать башку и одновременно ее раздавить.

На ногах я, как ни странно, удержался, это меня и спасло. Если бы упал, вряд ли уже поднялся бы. Кикимора обхватила еще и за плечи, и давила, давила, и я знал, что осталось несколько секунд — пока не подспеет вторая.

Они сворачивали шеи. И сносили головы. Пили кровь. Интересно, а хоть что-то полезное оттуда сюда к нам пробралось?

Ноги у меня оставались свободны, я развернулся, оттолкнулся и упал спиной в колючую проволоку. Кикимора ослабила хватку, немного, на секунду, этого хватило на то, чтобы выхватить нож и подрезать лапу, сжимающую мою голову. Видимо, я попал в нервный узел, кикимора вздрогнула, разжала объятия и отпрыгнула в сторону. По ее спине пробежал спазм, кикимора поджала лапы, застыла.

Я попытался выбраться из колючки, но увяз, дернулся, застрял еще крепче. Не обычная колючка, качественная военная, с зазубренными шипами, из такой сложно выпутаться, невозможно почти. И лучше не дергаться, чем сильнее ты будешь стараться, тем глубже зазубрины будут впиваться. Если угодить в такую колючку без крепкого комбеза, в три минуты нашинкуешься на продольные и поперечные лоскутки.

Винтовка лежала метрах в двух, стволом на рельс, дотянуться до нее не мог никак. Зато смог дотянуться до пистолета. Конечно, это не фосфорные пули, но ничего, обойдемся и так. Хотя волкера из пистолета, наверное, не пробить...

Кикимора, с подрезанной лапой, выплыла из мрака, ползла по потолку, а лапа висела, безжизненно раскачиваясь, интересно, а на четырех они могут? Стал стрелять.

Нет, все-таки пистолет совсем не для нашего времени оружие, пух, пух, попал оба раза, а кикиморе хоть бы что, не поперхнулась, ползла, собиралась мне отомстить за покалеченную руку. Все поганцы удивительно мстительны, в этом они очень похожи на нас.

Ближе и ближе, перебирает лапами, что ей эти пули...

Вспыхнули прожекторы, кикимора остановилась. Рядом со мной оказался Егор. С перекошенным от воинственности лицом, с винтовкой и большими ножницами по металлу, надетыми рукоятками на плечо.

Первым делом Егор с сердитым криком расстрелял хроморукую тварь, вогнал в нее полмагазина, отчего погань расплылась в горящую белую пыль.

Затем с не менее бравыми звуками стал поливать остальных кикимор, показавшихся из глубины.

Скоро патроны кончились, Егор поменял магазин, убрал винтовку под руку и принялся выстригать меня из проволоки, по ходу рассказывая:

— Аппараты у них не работают, трансформатор не чинится, баррикада бесполезная — щель осталась. Скелет отправил за газовой сваркой, но они нескоро баллоны подвезут, не успеют. Надо уходить отсюда. Наверху много погибших, а твари еще из нескольких дыр прибывают, всех остановить не получится. Скелет говорит, что через неделю все тоннели заполнятся поганью... Ах ты...

Ножницы Егора наткнулись на двойное пересечение проволоки, он навалился на рукоятки всем весом, заскрипел зубами, перекусил. Я выбрался. Подобрал винтовку, перезарядил.

— Пойдем, — Егор кивнул на баррикаду. — Надо уходить! Баллоны не притащили! Заварить проход не получится! Они все равно прорвутся!

Я пошевелил головой. Больно, мышцы шеи растянуты, голова не очень поворачивалась влево, обычное дело, если тебе пытаются оторвать башку, это даром не проходит...

Ухватил за крестовину, к которой крепилась колючка, придвинул ее к правой стене, тоннель оказался перегорожен. Ненадолго, но это их задержит. Направились к баррикаде, пятились, держа освещенное пространство под прицелом.

— А Алиска, наверное, до сих пор спит, — сказал Егор. — В своей глушилке-то... Спит, сны видит, а мы тут маемся... Что это?

Егор остановился.

Я тоже остановился. Из глубины тоннеля доносился шорох. Или шепот. Мягкий какой-то, переваливающийся.

— Оно что, жидкое, что ли? — спросил Егор. — Жидкое катится...

— Черт с ним. Лезь в дыру!

Егор просунулся в прореху, я за ним. Шахтеры тут же заткнули щель железными бочками.

Голова кружилась, хотелось пить, Скелет сунул мне флягу. Лимонная вода. И еще что-то, не смог определить. И кусочки льда. Освежающе, выдул почти половину емкости.

— Жив?! — спросил Скелет зачем-то, точно сам не видел.

— Частично. Твари разные ползут, — сообщил я. — Много...

— Ясно. Сейчас должны баллоны притащить, я думаю, успеем. Отдохните пока.

Мы с Егором отошли от баррикады, уселись на рельсы.

— Плохо тут, — пожаловался шепотом Егор. — Тепло, а плохо... Бежать некуда. Не люблю я эти норы, человек не крот...

— Привыкай, — посоветовал я. — Придется нам сюда, наверное, переселяться. Если дело так пойдет.

— Мы же это... вроде как все исправим? — спросил Егор осторожно.

Я не ответил.

— Исправим, — кивнул Егор. — Конечно, все исправим...

Егор достал будильник.

— Остановился, — сказал он. — Не нравится ему тут, пружина гораздо быстрее распускается. Под землей время идет по-другому, быстрее, что ли... Это из-за давления. Ты чувствуешь, как на тебя давит?

— На меня всегда давит, — ответил я. — И на земле и под землей. Надо, наверное, в небо. На дирижабле. Повыше. Там, нажегся, давление меньше.

— Давай магазины заряду, — предложил неожиданно Егор.

Я сунул ему пустые магазины, Егор достал коробку с патронами и стал со щелчками их заряжать. Успокаивался так. Перебирать патроны — отличное успокаивающее средство, я помню, у кого-то были бусы, состоящие из пистолетных пуль, и он ловко перебирал их между пальцами и пел песню про черных уток. Кто это был, я не знаю.

— Нет, не могу я тут жить, — говорил Егор. — Хуже, чем на поверхности, лучше холод, чем... Давай отсюда уже уходить, а? Вот Скелету поможем и пойдем...

Показался человек с продолговатым горбом, шахтер. Согнувшись почти вполтину, он тащил на спине баллон с газом. Каждый шаг давался с трудом, но он продвигался. Остальные шахтеры кинулись к нему на помощь, подтащили баллон к баррикаде и принялись вокруг него суетиться, прилаживая горелку...

— Лучше жить наверху, — говорил Егор. — Там холодно, но к холоду можно привыкнуть. Зато там никаких тварей нет, там тихо...

— И жрать нечего, — добавил я. — Рогов на вас ведь не напасешься...

Егор хихикнул.

— Я читал книжку как-то... — сказал он. — Еще в слоне, только сейчас вспомнил. Там писали, что можно питаться воздухом.

Полезное качество. Хотел бы я питаться воздухом, сидел бы где-нибудь на дереве и питался воздухом, не думал ни про какую кнопку.

— Не сразу, конечно, — объяснил Егор. — Сначала надо мхом питаться, потом водой горячей, потом уже на воздух переходить... Давай тренироваться, а? Как все это закончится.

Станем жить и питаться воздухом, а? Я могу пять дней без еды вполне спокойно, а ты?

— Сорок восемь, — соврал я.

— Вот видишь, — сказал Егор. — Мне кажется, мы воздушное питание вполне освоим.

— Посмотрим.

Забавно. Возможно, нам скоро на самом деле придется питаться воздухом.

— Организм сам по себе все умеет вырабатывать, так изначально устроено. Мы и Алису научим воздухом питаться...

Я усмехнулся. Представил, как Алиса будет питаться воздухом. Глупо вообще. Сидим на рельсе в подземелье, сидим, в нескольких метрах смерть, а мы болтаем об ерунде, собираемся питаться воздухом. Совсем оторвались от жизни, барахтаемся в бреде.

Я неожиданно для себя самого зацепился за эту мысль. Ведь на самом деле бред. Все, что вокруг происходит, совсем не похоже на жизнь, какой она должна быть. Дурной сон. Мне снятся сны. Обычно они кошмарны. Иногда они очень кошмарны. И очень редко мне являются другие сны, но я забываю их до того, как успевают просохнуть слезы. Мои кошмары почти не отличаются от реальности. А раньше, насколько я знаю, все было наоборот.

Свет опять погас.

— Ну вот, — выдохнул Егор. — Я так и знал...

Впрочем, темно не было, у шахтеров на касках тоже имелись ацетиленовые фонари, их света вполне хватало. Шахтеры продолжали возиться с баллонами. Скелет командовал, Лисичку не видно.

Шахтеры замерли, Скелет поднял руку. Казалось, что они прислушивались к чему-то. Я ничего не слышал, вода, кажется, где-то капала. Или не вода.

А затем возник туман. Он потек сверху, по потолку, от баррикады, настойчиво. Скелет что-то заорал и затих, тоннель оказался затоплен туманом почти мгновенно.

— Это не туман, — прошептал Егор. — Горячий...

На самом деле совсем не туман, скорее пар, жаркий, плотный, непробиваемый. Свет карбидной лампы через этот туман почти не проникал, рассеивался в метре. Я видел только Егора и немного стены, дышать стало трудно.

— Приготовься, — велел я Егору.

— К чему?

Кто его знает... Слишком быстрый туман...

И тут же рядом заорали. Егор подпрыгнул. Шахтер кричал, я направил в ту сторону луч и тоже едва не заорал.

Человек был покрыт полупрозрачными большими вшами. Именно вшами, в чем-чем, а во вшах я прекрасно разбирался. Почти с кулак, мягкие, с растопырчивыми лапками, через прозрачную спину виднелись кишки, в них что-то перекачивалось и шевелилось. Вши покрывали человека целиком, с головы до ног, они копошились, не суетливо, а с каким-то представлением, человек орал, и совсем не от страха.

Я посмотрел себе под ноги и обнаружил, что вши и там, перемещаются с хлюпающим звуком.

Заорал Егор. Повернулся к нему. Егор был чист, напротив него по стене медленно поползли вши, я почувствовал, как я чешусь, весь, с ног до головы, захотелось спастись, и тут же из темноты полыхнул огонь. Плотная оранжево-синяя струя, она обхватила шахтера горячим коконом, мерзость, покрывавшая его, принялась пузыриться.

Это был Лисичка. В свете пламени я увидел его, с огнеметом. Он плюнул еще, и еще, и загорелись стены, из влажного пара выскочил ошарашенный Скелет и потащил нас прочь, из тумана. Я, Егор, Скелет и два шахтера, Лисичка замыкал, бежали, запинаясь за рельсы. Лисичка фыркал. Баллон ростом с него самого, непонятно, где смесь, где Лисичка, а ничего — фрр-фырр. И не просто плевался зажигалкой, а со смыслом — по потолку, по стенам, по рельсам, создавая за нами огненное кольцо, непроницаемое для ползучей заразы. Умный. Маленький, а не по годам. Вырастет, будет как Скелет. Начальником, ведущим свой народ к

горизонту. Ничего, ничего, из Егора мы тоже такого сделаем, он уже на пути к этому.

Станет человеком, пойдет по жизни широкими шагами.

Мы вывалились из тумана. Я, Егор, Лисичка. Через несколько секунд показался Скелет. Он тащил шахтера со сломанной ногой, шахтер был без сознания. Егор подхватил раненого под руки, и они со Скелетом отволокли его подальше.

Еще одного шахтера не было.

Скелет кивнул. Лисичка выпустил в туман длинную струю огня.

— Отступаем, — негромко приказал Скелет.

Подхватили шахтера, понесли. Лисичка прикрывал. Через каждые пять шагов он останавливался и стрелял из огнемета. По вшам. Они вываливались из тумана шустрыми полупрозрачными отрядами, тянулись к нам, Лисичка пыхал.

— Это что?! — выкрикнул Егор.

— Не знаю, — ответил Скелет. — Не знаю! Раньше их не было!

Вши не горели. Огонь подпаливал им лапки, твари обездвигивались, с жирным хлюпающим звуком осыпались со стен, их место тут же занимали другие, количество увеличивалось, и Лисичка палил. Хороший шахтерский огнемет, если бы не он, если бы не Лисичка...

Шахтер очнулся. Закричал, то ли от боли, то ли от испуга, вырвался из рук, я не успел его перехватить, он упал и пополз прочь, в мутном сознании, в сторону тумана, зацепил Лисичку. Тот упал, запнулся и завалился на спину, и в потолок ударила тугая оранжевая струя, она растеклась по тоннельному своду, закапала вниз, настоящий огненный ливень. Лисичка первым понял, отпрыгнул в сторону, стряхнул огнемет, тяжелый баллон со смесью, с потолка струился жидкий огонь, Лисичка пробежал мимо нас.

— Уходим! — крикнул Скелет.

И так было ясно, что пора уходить — баллоны должны рвануть вот-вот. И огонь расплзается над головой слишком быстро, сейчас за шиворот потечет. Тоннель шевелился. Капли смеси прилипли к вшам и продолжали гореть на них, десятки оживших солнечных зайчиков. Раненый шахтер замер на полу, и вши окружили его светящимся коконом, копошились и спорили из-за добычи.

Побежали назад. Оборона была прорвана. Баррикада не помогла, колючая проволока не удержала, огнемет...

Баллон рванул. Смеси осталось немного, но этого хватило. Огненный шар возник и несколько секунд дрожал между стенами тоннеля, затем с ревом лопнул и покатился к нам, и почти достал, обжег пылающим воздухом, спалил огнем. Я успел повернуться и почувствовал, как сплавилась ткань комбинезона, как раскалились защитные щитки и заклепки вожглись в кожу.

Заорал. Теперь на спине останутся пятнистые узоры, а плевать, забуду быстро, завтра и не вспомню, едва успел закрыть глаза.

— Ложись! — крикнул Егор с запозданием, можно было уже совсем не ложиться, все, поздно.

Но я бухнулся и почти сразу почувствовал, что задыхаюсь. Воздух стремительно выгорел, пламя схлопнулось и погасло, я вдохнул, но вместо воздуха в легкие ворвались горячие ошметки, закашлялся. По зубам ударило железо, в горло влился кислород, холодный и свежий, открыл глаза. Скелет. В руках длинный баллон с краном, наверное, запасной воздух, предусмотрительны подземные люди, ничего не скажешь, Скелет повернул кран, холод продул легкие, прочистил мысли. Я сел.

Со стороны баррикады слышалось потрескивание, то ли остывало опаленное железо, то ли вши торопились.

Скелет наклонился над Егором, продышал баллоном и его.

Откуда-то несло прохладой, в тоннель втягивался теплый ветер, дышать было можно.

Егор тоже сел. У него дымился правый бок, обгорели брови, а так ничего, моргает.

Опять живы.

Скелет подышал из баллона сам. Он выглядел уже не так опрятно, как раньше. Обожженно выглядел. Но невозмутимо, перестрелка его не очень перепутала.

— Уходим.

Он схватил Егора за руку, повел за собой. Егор о чем-то рассказывал, громко, но неразборчиво, контузило, наверное. Скелет кивал и волок, быстро, я едва поспевал. Потрескивание усиливалось, вши догоняли.

С потолка свисала лестница. Люк. Лисичка влез сюда, оставил открытым. Скелет подсадил Егора, велел лезть до конца трубы и ждать. Егор полез, запинаясь за ступени.

Мы остались в тоннеле. Я заметил на стене небольшой ящик из толстой листовой стали, с замком, Скелет достал с шеи цепочку с ключами, отомкнул замок.

В ящике оказался будильник. Часы то есть, с циферблатом, со стрелкой. С одной. Скелет установил ее на пять минут, вставил ключ в глубину часового механизма и несколько раз повернул, затем дернул за ручку. Часы громко затикали.

— У нас пять минут, — сообщил Скелет.

Затем схватил меня и без видимых усилий забросил на лестницу. Я пополз.

Егор дожидался в трубе. Нервничал, грыз губы.

— Теперь лучше поторопиться, — сказал Скелет.

Мы побежали. Трубы, лазы, лестницы. Егор первый, я за ним. Скелет замыкал. Закрывал люки, откручивал вентили, дергал за рычаги.

Влетели в комнату с пустыми пластиковыми бочками.

— Ложись! — крикнул Скелет.

Свалились под бочки. Я думал, взрыв будет мощней. Но получилось совсем по-другому — пол дрогнул, нас небожно засыпало бочками, оказавшимися довольно мягкими. Зашипело в трубах. Все.

Скелет сел на бочку. Вытер пот со лба, подышал из баллона, попил воды. Егор осматривал себя, стараясь определить, не прожгло ли до мяса.

— Наверное, еще где-то прорывы надо устранять? — спросил я. — Множественные прорывы? Поспешим, может?

Скелет помотал головой.

— Не, — сказал он, — не надо уже... Прорыв шел снизу, по северо-западным нижним горизонтам. Ликвидировать не удалось...

Скелет отпил еще.

— Раньше удавалось, — сказал он. — Я полагал, что время еще есть, а, видимо, нет, видимо, я ошибался... Это единая система безопасности. Точечные закладки, резервуары с формалином, зоны обрушения. Газгольдеры. Только в них не пропан. Нервно-паралитический тяжелого типа. Там...

Скелет топнул ботинком по железному полу.

— Там никто не пройдет. Штреки взорваны, кислотная каша, все залито газом... Человек точно не пройдет. И не выживет. Но эти все равно прорвутся, теперь и я не сомневаюсь... Это дело дней, может, недель... Крушение. Наверное, так и должно быть, диалектика, однако...

Скелет поднялся с бочки.

— Пойдемте отсюда. Надо подумать.

Скелет улыбнулся. Молодец. Жизнь разрушилась, а он ничего, не разъехался. Надо кое-как двигаться.

Двинулись. Еще труба, еще коридор, все, тоннель. Видимо, из главных — неплохо освещен, чистота.

Вода. С потолка, крупными каплями на головы бегущих.

Шахтеры бежали. Отступали, катили за собой рюкзаки на колесиках, раненых тащили на носилках, много, и раненых и бегущих. Со стоном, все это происходило с протяжным стоном. Вроде бы отдельные шахтеры молчали, поджимали губы, плотнее впрягались в поклажу, а вместе получался стон, он исходил от всех их фигур, от движений, от дыхания.

Организованная шахтерская паника. На Скелета не смотрели, отворачивались. И он им ничего не говорил, шагал себе поперек течения. Тяжело ему, наверное, очень было смотреть на своих людей. Сколько лет он у них тут маркшейдерствовал, жизнь им обеспечивал, а они вот так. Драпают. Но Скелет держался достойно, ни слова им не сказал, проводил нас до боксов.

К нему подбежал один, тоже старый, принялся говорить что-то о сетях, о фермах, об урожае, но Скелет только отмахнулся. Сказал, чтобы тот собирал семью в поход, что все потеряно, что всем, кто думал остаться, надо собраться у него вечером и обсудить все, а сейчас требуется оповестить всех, кто еще проверяет дальние штреки, и сделать это стоит вот-вот, немедленно.

И мне велел вечером заглянуть. Я пообещал.

Алиса поджидала в своем боксе, сидела за столом, строила поленницу из патронов.

— Проснулась? — глупо спросил Егор.

Алиса боднула пальцем сооружение, патроны с латунным звуком рассыпались по полу.

— Я так и знала, — сказала она недовольно. — Стоит вам оказаться в каком-нибудь спокойном месте, как сразу и начинается. Взрывы, стрельба, беготня... Вы — разрушители. Почему меня не разбудили? Я тут уже все передумала... А что воняет так? Да нет, Прыщельга, не от тебя, дымом. Обгорели, что ли? А ну-ка поворотитесь, я посмотрю.

— Немного... — Егор постарался придать голосу мужественности.

— Немного... А тут все драпают, как крысы. И крысы драпают, как крысы, чуют беду.

Чапа вот тоже удрала...

— Как?! — Пораженный Егор сел на койку. — Чапа убежала?

Алиса подтвердила кивком.

— Увидела товарищей — и не выдержала.

— А ты, значит, осталась? — спросил я.

— Ну да. Решила еще немного подождать, так, часик. Такие, как вы, не тонут, тут ничего не поделать, на это и надеялась. А что здесь, собственно, происходит? Потоп, обвал, все сразу? Прыщельга, давай ты рассказывай, ты врать хуже умеешь. Только медленно, и без героичности, по порядку.

Егор начал рассказывать, не по порядку и с возгласами, я не слушал, собирал в карман рассыпавшиеся патроны, думал. Чапа убежала. Значит, ничего хорошего ожидать не стоит. Крысы всегда убегают вовремя.

Глава 10 Гвозди

В лампе паук. Паучок, маленький такой, с четверть ногтя, раньше его не видел. Интересно, чем он тут питается? Меня всегда такие вопросы занимают — чем кто питается? Пауки едят мух, личинок, плавунцов всяких.

Интересно, паука можно приручить? Вряд ли, паук зол, любит темноту. Хотя если его каждый день кормить сушеными кузнечиками, то, может, он подобрееет.

Сел на койке, паук юркнул в щель. В банке под потолком пошевеливался бело-розовый, до синевы, протей, подземная личинка дракона.

Гудело, на батарее подпрыгивала кружка с водой, и чуть позвякивала ложка, устроенная сверху. Я допил холодный и сладкий чай, достал ботинки.

Новые. Первые мои настоящие ботинки. Не снятые с трупа. Не найденные в шкафу на четырнадцатом этаже. Не выменянные на фунт пороха, настоящие, новые, самодельные. Подошва из автомобильных покрышек, непростых, с острыми шипами. Под этой покрышкой каучуковая прослойка, а дальше особый материал, пропускающий воздух наружу и не пускающий ничего внутрь. Под ним мех. Теплый и мягкий, Скелет сказал, что он еще и водоотталкивающий, с хвоста бобра, бобер — это такая йодная крыса. Ботинки высокие, поднимаются почти до середины голени, а на случай опасности на каждом есть такой

небольшой рычажок, за который можно дернуть, и ботинки спадут, если станешь тонуть. Отличная обувь, пахнет новьем, а не кислятиной, так что я не удержался, достал бутылку со спиртом, протер ноги.

Два раза, чтобы наверняка. Холодно и тепло одновременно, приятно. Носки тоже новые, жалко надевать, а что делать?

Надел, пошевелил пальцами. Приятно. Спасибо Скелету.

Собрался. Оружие, рюкзак, топоры, все, что надо. Немного, хватит.

Егор спал. Крепко. На всякий случай подергал его за ухо. Нет, надежно. Хотел ему что-нибудь оставить, потом решил, что лучше так. У меня вот от Гомера ничего не осталось, только память. Это, наверное, важнее.

Заглянул к Алисе. Тоже спала. Ее я за ухо дергать не стал.

Спасибо этому дому, пойдем к другому.

Направился к платформе, вчера вечером договорились, что Скелет будет здесь ждать. Он и ждал. Сидел возле столба, варил шахтерский чай. Рядом с ним сидел Лисичка, плел что-то из проволоки, кольчугу, кажется. Улыбнулся мне.

— Привет, — сказал я и подсел к огню.

— Мы уходим, — как-то скучно сказал Скелет. — Сам понимаешь.

— Конечно, понимаю.

— Я хотел остаться, видит Бог, хотел... Но то, что произошло... Одним словом, под землей мы не выживем. Во всяком случае, здесь.

— Подземелий везде хватает, — сказал я.

— Я тоже так думаю.

Скелет налил мне в кружку черной густой бурды, горячей, смолистой, папахивающей гудроном.

— Правильно и делаете, — сказал я. — Нечего тут оставаться. Моих-то прихватишь?

Скелет поглядел на меня сухими древними глазами, кивнул.

— Спасибо.

— Ерунда. Люди должны помогать друг другу. К тому же... Из них получатся хорошие люди.

— И хорошие бойцы, — добавил я, хотелось, чтобы Алису и Егора ценили в шахтерском сообществе.

Скелет несогласно покачал головой.

— Из хорошего железа не делают гвоздей, из хороших людей не делают солдат. Так говорил один древний китайский мудрец.

Прав, наверное, был этот мудрец. Пусть и китайский. Права была Алиса, я ничего не умею, только разрушать. Убивать, останавливать. Какой из меня человек? Что я в нормальном мире делать буду? Водопроводчиком, конечно, хорошо, но я не знаю, с какого конца к трубе подступиться. Алиса... наверняка она что-нибудь умеет, плетет хорошо. Егор еще молодой и учится быстро.

А я пойду себе. В тишину тоннелей, в глубины, во тьму.

— Они не побегут? — спросил Скелет. — Твои друзья? Привязывать не надо?

— Парень точно не побежит, — ответил я. — А девчонка... Когда очухается, ей уже некуда бежать будет. К тому же...

Я выставил пузырек с красной жидкостью. Снотворное. Мощное, Скелет гонит его из какой-то подземной белены. Капля на бутылку воды, жидкость приобретает цвет свекольного настоя и валит с ног, и вызывает сны, Лисичка тогда, в столовой, подмешал мне семь капель, как самому опасному, снотворное, я определил сразу.

— Спасибо, — я подвинул бутылочку Скелету. — Полезная вещь. Проспят до вечера. Потом... Наверное, надо сказать им, что случился обвал.

— Хорошо. Так и сделаем. Обвал. А ты? Может, все-таки с нами?

— Не. Я туда. К собаке. Слишком дорого... И слишком долго. Короче, теперь мне интересно. Очень и я привык к этому.

— Это, пожалуй, достойный повод, — улыбнулся Скелет. — Только тебе лучше поторопиться. После массовых прорывов всегда затишье, день-другой тоннели будут относительно свободны. Успеешь проскочить.

Я кивнул.

— Вот еще что хотел спросить...

— Спрашивай, — Скелет спрятал бутылочку со снотворным в карман.

— Ты случайно Гомера не знаешь?

— Знаю, конечно, — не раздумывая ответил Скелет. — Прекрасно знаю. «Одиссея», первая книжка, которую я прочитал. Приключения, путешествия через мир, схватки с чудовищами...

— С Медузой, — добавил Лисичка.

— Медуза это не там, в «Одиссее» Харибда.

Скелет знал явно другого Гомера, не моего. Лисичка фыркнул.

— Не книжный Гомер, обычный, — сказал я. — Человек такой... Хороший.

— И обычного Гомера я знал, — кивнул Скелет. — Это распространенное имя, им часто называют. Например, если человек слепой от рождения, то его почти всегда Гомером нарекают. Да и не слепой... Лисичка, ты помнишь Гомера?

— Помню. Он ушную серу собирал.

Скелет усмехнулся.

— Гомеров много, — сказал он. — Давиды тоже встречаются, Алисы иногда...

— Почему так?

— Из-за книг, — пояснил Скелет. — В самое тяжелое время, когда цивилизация рухнула с громким хрустом, имена позабылись. Не до имен было, озверение, банды, банды. Потом, когда раздышались немного, хватились — как детей называть? Некоторые стали по кличкам зваться, вот как я или Лисичка. У шахтеров имен вообще нет, только прозвища. А поверхностные стали по книгам называть. Вот так.

— Понятно, — сказал я. — Спасибо вам. Надеюсь, что встретимся.

— Это обязательно. Куда идти, запомнил?

Я запомнил.

— Иди. Тут не так уж и далеко.

— Да... Слушай, Скелет, еще хотел спросить? Маркшейдер — это кто?

Скелет ответил.

Потом я шагал почти четыре часа без перерыва.

Бодро шагал, почти как раньше. У меня горело левое ухо, я думал, что это Алиса. И правое ухо, гораздо меньше, наверное, это Егор.

Тоннель мне нравился. Чистый. В нем не было никаких посторонних вещей, из тех, что обычно встречаются в тоннелях. Рельсы, шпалы, кабели по стенам, только не провисшие от времени, как обычно, а натянутые, как струны, и никаких свисающих с потолка мочал пыли, и никаких корней, пробивающихся через бетонные плиты свода. Наверное, так выглядели эти тоннели раньше, когда их только что построили.

Шагалось легко. Шпалы почти не выщерблены, ботинки не цеплялись за арматуру и не проваливались в бетонное крошево, не надо было то и дело смотреть под ноги, опасаться, что свернешь шею. Скелет выдал мне электрический фонарь шахтерского типа, тонкое изобретение. Аккумулятор, состоящий из маленьких, похожих на патроны батареек, они собирались в пояс, который почти не чувствовался. Кроме пояса, имелся шагогенератор. Плоская коробочка, крепившаяся к бедру и вырабатывавшая электричество, ими подзаряжались батареи, от них, в свою очередь, питалась лампа, состоящая из двенадцати светлячков, каждый светил как лампочка. Светодиоды, так они назывались, Скелет объяснил. А еще он объяснил, что эта лампа может светить до тридцати лет, достаточно проходить в день по два километра. Двадцать лет — это вечность, я столько не протяну, шагогенератор переживет меня, как все вещи переживают своих хозяев.

Но ненадолго.

Впрочем, карбидка у меня тоже имелась, не обычная, шахтерски усовершенствованная — из толстого металла, с резиновыми ребрами безопасности, с армированными шлангами, с небьющимся стеклом, теперь я навсегда обеспечен светом.

Я шагал быстро, лампа заряжалась, светодиоды светили.

Через час я начал считать. Я почти забыл про эту привычку, раньше я считал каждый свой шаг, раньше от этого зависела жизнь, теперь мне просто хотелось занять голову, чтобы не думать об Алисе, цинге, конце света и кнопке, на которую я должен нажать.

Через два часа я сбился и уже не считал, вспоминал истории про подземелья, тоннельные легенды, байки про свернувших не туда. Почти все эти истории заканчивались плохо, как все настоящие сказки, они не жили долго и счастливо.

Через три я почувствовал себя одиноко, все последнее время вокруг меня дышали люди, и вдруг никого, рельсы, железо, бетон. Зато спокойнее, не надо ни о ком заботиться, не надо никого вытаскивать за уши из ямы, кишасей пиявками. Устал о всех беспокоиться. И вообще это все неважно, я уже почти у цели...

Четыре часа, заныли ноги, от пяток подало в кости. Говорят, чтобы ноги не гудели от долгих переходов, надо сверлить в костях дырки. Как все это закончится, обязательно просверлю. И в башке тоже можно сверлить, я встречал таких, с просверленными дырками в башке, правда, мертвых уже. Но дырки у них еще при жизни сверлились.

Через пять...

Егор догнал меня через пять.

Я устал и устроил перерыв, распустил шнуровку на ботинках, чтобы увеличить приток крови. Пил воду и изучал зубы. Мало осталось, впереди почти нет, те, что сохранились, качались и не болели. Я выдавил три верхних боковых зуба языком. Зубного пузырька у меня не нашлось, и я их выкинул в темноту. Ощупал языком десны. Непривычно гладкие, с выемками на месте зубов. Неожиданно захотелось плакать. Нет зубов. Цинга. Я ведь еще совсем не старый, а зубов нет... А если еще коренные вывалятся?

Не отсутствие пальцев, не ушей, зубы, у меня нет зубов!

Без зубов чувствуешь себя удивительно беспомощно. Голым я очень редко бывал, но ощущение полностью совпадает, без зубов я чувствовал себя голым. Маленьким. Вот в чем секрет, у детей нет зубов, они беспомощны, это откладывается в неявной памяти, и если ты начинаешь терять зубы, то вместе с ними ты теряешь и уверенность.

Раньше вставляли вроде бы, я хочу железные, из закаленной стали. И блестящие, чтобы были крепкие, чтобы можно было грызть трубы и выплевывать ошметки.

Попробовал подумать про собаку. Про серебряную, ту самую. Про то, что мне надо сделать. Найти вход, заложить взрывчатку — спасибо Скелету, три килограмма пластика, хватит, чтобы разнести квартал — уничтожить систему охлаждения. И тогда взрыв. Нижнее Метро будет уничтожено, кольцо разомкнется. Брешь между мирами закроется. Погань перестанет сочиться. Прекратятся смерчи. Прекратится снег. Землетрясы оставят землю в покое...

Не хочу про это думать. Не хочу! Я вдруг понял это совершенно отчетливо. Не думать. Устал. Уже совсем рядом, я пройду это расстояние, не думая, скоро, скоро все остановится. Остановка, именно этого я хочу. Чтобы вернулась вода, чтобы вернулись птицы, чтобы везде слышался смех...

Шаги.

Со стороны городка шахтеров приближался... Егор. Я узнал его по походке, по манере переставлять ноги. Торопился, перескакивал через шпалу.

Егор. Один! По тоннелю! Не испугался! Вот это да... Не верится...

Показался. Бледный от страха. Задыхающийся от быстрой ходьбы.

— Дэв! — позвал он меня. — Это ты?!

— Нет, это не я, давай, проходи мимо.

Егор вздохнул с облегчением.

— Пить хочешь?

Егор кивнул.

Я дал ему флягу. Егор отпил и сказал:

— Мне кажется, Алиса ее съела.

— Кого? — не понял я.

— Чапу, кого еще. Сожрала, а нам сказала, что она убежала. Да...

Егор вздохнул, почесал лоб.

— Она ведь эту крысу не просто так завела, она ее давно слопать хотела. Поглядывала так. Вот представилась возможность — мы отлучились, она ее сразу и умяла. В сырую. А хвост в кармане хранит, я проверил.

— Seriously, что ли? — спросил я.

Егор рассмеялся.

— Поверил! — радостно воскликнул он. — Ты поверил!

Егор хлопнул себя по ляжкам.

— Я научился! — Он щелкнул пальцами. — Я научился шутить! Теперь мне осталось научиться стрелять... А ты и поверил! Про крысу?! Поверил?

— Поверил!

Мы смеялись долго, так, что по стенам и сводам начали проскакивать неприятные и непонятные хохотки.

— Шутки — это здорово, — сказал я. — Теперь ты сможешь быть с ней на равных, с Алисой. Кто кого перешутит.

— Да... А Скелет думал меня удержать, между прочим. Уговаривал.

— А я ему в лоб винтовку наставил, он и передумал. Консервов дал — теперь нам надолго хватит. Только пока не хочется есть. Может, пойдем уже?

— Пойдем.

Мы опять шагали по тоннелю. Я чувствовал — Егор хочет, чтобы я спросил — зачем он отправился за мной. Ответ у него уже заготовлен, мужественный и веский, про то, что кто-то должен это сделать, про память предков. Но я не спросил.

Время двигалось медленно, запиналось о темноту, прилипало к стенам. Егор, чтобы чувствовать его течение, вывесил на шею будильник, часы громко тикали, отсчитывая шаги и метры. Почти ничего не происходило, тоннель, как и говорил Скелет, был пуст. Мы не встретили ни одной станции, ни одной платформы, ничего, что нарушило бы убаюкивающее течение километров. Равномерность настраивала на сон, и иногда мне казалось, что я сам пробираюсь через этот самый сон, бесконечный, безрадостный. Мы останавливались, срезали с кабелей грубую черную изоляцию, добывали из-под нее мягкую и хорошо горючую, разогревали консервы, кипятили чай, ели, двигались дальше.

Два раза отдыхали. Раскладывали спальники, спали по очереди. Егор зажигал медленные свечи, одну впереди на рельсе, другую позади, и мы отдыхали в коконе света.

Я размышлял о странностях жизни. Я представлял, что последний рывок на запад будет очень сложным. Придется буквально прорубаться через сонмища чудищ по колено в крови и стреляных гильзах. Но такого не случилось. Продвижение наше оказалось спокойным и неопасным, точно мы отправились на соседний пруд ловить бычков, а не в сердце зла спасать мир. Погань исчезла, не показывалась, а может, ее и вообще здесь не было. Неправдоподобно удобно.

После отдыха Егор заводил будильник, аккуратно, тщательно, стараясь не оборвать пружину, слушал его биение, говорил который час. Это было уже настоящее время, Егор занял его у Скелета. Шахтеры хранили время с времен катастрофы, настоящее, определенное еще раньше, по атомным часам. Скелет говорил, что они до сих пор идут — на Луне, в ее вымерших поселениях, на остывших спутниках, вертящихся вокруг Земли и питающихся солнечным светом, и здесь, в Москве где-то, где, никто точно не знает. Так что шахтерское время от истинного не очень отличалось, и Егор подзавелся от него, и теперь семейный будильник отсчитывал правильное время, и Егору это очень нравилось. Просто катастрофически нравилось, теперь он поглаживал будильник окончательно по-

родственному, часто поглядывал на циферблат и старался сообщить мне который час как можно чаще.

Вот и сейчас Егор посветил на будильник и сказал:

— Тринадцать часов двенадцать минут, между прочим. Вторые сутки бредем, а?

Егор принялся подкручивать пружину, уже второй раз за день. Я подумал: «А что если пружина лопнет?» Мы опять останемся без времени, починить не удастся, запчасти в слоне, в который нам не вернуться никогда. Смеялся над слоновьей болезнью Егора, а теперь вот сам в слона бы с удовольствием поселился. И жил бы там, и был бы счастлив.

— Вторые сутки, а Скелет обещал, что недалеко, — Егор пнул рельс.

— Не ропщи. Вторые сутки — да, зато идем спокойно. Это дорогого стоит.

Действительно, спокойно. Один раз кикимора, справились легко, почти не заметили, в три патрона.

— Да я так, просто, понимаю, не дурак. Мне Скелет объяснил про этот тоннель...

И мне объяснил. Вспомогательный тоннель тянется над первым техническим тоннелем Нижнего Метро, выход на поверхность к западу от Проспекта Вернадского, расстояние точно неизвестно, от километра, до двух, здесь ничего сказать нельзя. Впрочем, поверхности там как таковой уже почти нет, пустыня, руины. А вот собака сохранилась. Чудом, по собаке все и поймете. Тоннель прямой, и поворотов нет, напрямик до пролома. А там на землю, а дальше разберетесь, сами увидите, что делать...

Егор болтал, почти не переставая. Это было неплохо, мешало думать.

— А возвращаться здесь же будем? Если здесь, то хорошо, тут удобно ходить, мало разрушений. Скелет показал мне, где склад, они не успели вывезти все запасы. Ты представляешь, сколько там еды? Там ее до потолка! Консервы разные, крупа, грибы в банках, какао. Нагрузим целую телегу, я знаю, где у них телеги хранятся! И вывезем, все равно в слона нескоро еще вернемся. А вот как воротимся в слона, то сразу побежим в магазин, наберем обезвоженной лапши и наварим макаронного супа. Папка рассказывал мне несколько рецептов и даже учил варить. Это самый главный суп, мне так отец рассказывал. Можно варить с сухим молоком и солью, можно варить с тушенкой, можно со щавелем, а можно с грибами...

Егор рассказывал про варианты приготовления макаронного супа, и вообще про супы, он неожиданно много знал про супы, прочитал особую суповую книгу. Примерно такую, как я медицинскую, только не про синдром усталости, а про то, как стряпать похлебки и посыпать их рубленой мятой.

— Алиса любит макаронный суп. Она его, конечно, не пробовала, но она любит его по моим рассказам. Алисы, конечно, уже не будет, когда мы станем возвращаться. Скелет ее с собой возьмет, он обещал. Но мы потом ее найдем, не грусти... Скелет сказал, куда примерно они идут, мы их отыщем. Все вместе станем жить, так веселее. И спокойнее. Мне шахтеры понравились, надежные люди. У меня мама была...

Сказал вдруг Егор.

— Отец рассказывал, она на арфе играть умела. Ты знаешь, что такое арфа?

— Немного представляю...

Что-то вроде рояля, только рояль тебя просто пришибет, а арфа еще на кусочки порежет. И стоймя стоит. В будущем все станут на арфах играть, ничуть в этом не сомневаюсь.

— Играть только зимой можно, — рассказывал Егор. — От арфы звуки далеко разлетаются, стекла дребезжат... А зимой никто не слышит. Однажды отец пошел в магазин...

Отец пошел в магазин. Как по-человечески это все звучит, однако. Человек пошел в магазин. А у нас все по-другому. Человек пошел в магазин, и ему оторвали башку, как я все это ненавижу, все, все ненавижу, ну ничего...

— Однажды отец отправился в магазин, — повторит Егор. — А мать со мной нянчилась. Отец ушел утром, а вернуться должен был к вечеру, там недалеко, ты ведь

знаешь.

Там на самом деле недалеко.

— Но он не вернулся. Он от сумраков прятался в танке. Мать должна была дома сидеть, отец и раньше часто надолго уходил. Но она испугалась. Отец рассказывал, что потом видел следы возле дома, незнакомая тварь, у нее копыта были.

— Копыта? — спросил я.

— Ага. Отец ни до, ни потом такого не встречал. Вот эта копытная погань крутилась вокруг слона две ночи, а потом мать ушла. Никто не знает, что произошло. Она спрятала меня в печку, а сама ушла...

Егор замолчал, некоторое время мы шагали в тишине, прислушиваясь к далеким тоннельным звукам. Егор обдумывал — рассказывать ли дальше. Я не хотел, чтобы он рассказывал, вряд ли дальше там что-то хорошее было, очередная жуткая в своей правдивости история, я слышал их десятки с самого детства.

— Я два дня лежал в печке и совсем не ныл, ну, ты знаешь, сейчас ведь с детства приучают не ныть...

Знаю, как не знать. Младенцы нашего времени не плачут, будешь плакать — долго не проживешь, я помню, как Гомер отбирал грудничков и учил их не орать. Содрогательное зрелище.

— Через два дня вернулся отец. А мать уже не вернулась. Отец ждал ее несколько дней, а потом отправился искать. Он искал ее почти год — удивительно, да?

Действительно удивительно. Год. Неделю искать — уже никто не ищет, потому что безнадежно, тот, кто не возвращается за неделю, не возвращается никогда. А отец Егора искал его мать целый год.

Наверное, это любовь.

— Папка такую специальную кормилку для меня придумал, чтобы я мог питаться самостоятельно, он уходил почти на четыре дня, а я лежал в печке — там оказалось безопасно, толстые стенки — никакая дрянь не пробьется, и вентиляция хорошая. Только он ничего не нашел. Мама исчезла. И мы стали жить без нее. В подземном магазине было детское питание в жестяных банках, на нем я и вырос...

Он вырос на детском питании. А я на толченой коре. На земляном орехе. На костной муке, на каше из щучьей чешуи. Но я ничего ему не сказал, в нашем мире плохо всем, и с детским питанием, и с земляным орехом.

— Папка рассказывал, что иногда видит следы. Он говорил, что узнает их. А потом мама пришла.

Я оглянулся. Егор как-то криво улыбнулся.

— Да-да, она пришла, — повторил Егор. — Утром. Только она уже не живой была...

Понятно, ничего необычного. Мрец. У них такое случается. Память сердца, что ли, первое время они возвращаются туда, где выросли, где жили. Стоят, ждут родственников, но не с тем, чтобы их обнять, а с тем, чтобы их сожрать. И тут тяжело не поддаться, многие так и погибли, пойдя на поводу у родственных чувств.

— Я, конечно, ее не помню, — рассказывал Егор. — Совсем.

Но отец говорил, что она почти не изменилась. Только не соображала ничего, кидалась на него, пыталась убить...

— Он ее, конечно, пристрелил? — спросил я.

— Нет. Он не смог.

Понятно. Я тоже не смог когда-то. Наверное, правильно и сделал.

— Папка хотел, но не смог. А она не уходила и не уходила, бродила вокруг, кричала... Мне кажется, что я эти крики помню... А может, это были другие крики, не знаю. Отец придумал, что делать — он нашел сеть и поймал ее. Он связал ее по рукам, надел на голову черный колпак и отвел на юг. Далеко-далеко. И там привязал к столбу на толстую веревку, чтобы не могла быстро перегрызть. А сам вернулся.

Егор снял с пояса бутылку, отпил, прополоскал горло.

— Я это часто представлял — как он ее там привязал... И всегда хотел его спросить — как он там маму оставил — снял ли колпак с головы, развязал ли руки. Но так никогда и не спросил...

Егор вздохнул.

— А мама потом еще два раза возвращалась, — сказал Егор совсем негромко.

— Что?

— Она еще два раза возвращалась. И каждый раз отец ловил ее сетью и уводил прочь. Он не мог ее убить, даже когда она была уже мертва. А потом она перестала возвращаться.

— Перестала?

— Да. Перестала. Но я иногда вот что думаю...

Я представил, что он думает.

— Я думаю, что она где-нибудь ходит еще. Они ведь не умирают.

— Если только с голода, — сказал я. — Без жратвы и мертвечина мрет, это давно известно. Так что сам понимаешь...

Зря. Если бы он встретил свою мать сейчас, она вряд ли ему понравилась. Со временем они становятся только страшнее. Волосы до пояса, грязные, спутанные комья. Кожа белая, выеденная паршой или зеленоватая от проросших под ней водорослей. Ногти растут и растут, одежда рвется...

Это страшно. В мрецов хочется выстрелить, настолько они отвратительны. Наверное, если бы у них отсутствовал этот свирепый голод, их бы все равно стреляли — невозможно терпеть это рядом, невозможно смотреть, во что превращается человек, когда из него вынимают душу.

— Она могла забыть дорогу домой, — Егор оглянулся. — Или уйти слишком далеко. Да мало ли чего могло случиться...

— А как ты ее узнаешь? — перебил его я. — Ты видел их? Вблизи?

— У нее медальон семейный, отец мне показывал. Он на серебряной цепи...

— Она наверняка оборвалась.

Егор замолчал. Зря я его, наверное, так. Все-таки хорошо, что он мать ждет, надеется ее увидеть. Это человеческое качество. Я бы, наверное, с удовольствием кого-нибудь ждал.

— Все равно, — махнул рукой Егор. — Все равно. Конечно, я ее не узнаю внешне, ты все правильно говоришь. Но я ее по-другому узнаю...

На здоровье.

— Узнаю, наверное... Ведь если у нас все получится, то они могут измениться. Их, наверное, можно вылечить... Такое может быть, да?

Спросил Егор как-то вообще безнадежно. Я не сразу ответил, сделал вид, что размышляю.

— А, Дэв?

— Вполне... вполне себе, наверное. Не исключено. Я читал, что раньше смертельно больных людей замораживали. Чтобы вылечить их в будущем. Я думаю, что такое можно проделать и с мрецами. Заморозить сейчас, хранить в пещерах, пусть дождутся, пока человечество снова наберет силу.

— Точно? — спросил Егор.

— Конечно. Надо верить в лучшее.

— Это правильно. Папка верил. Тоже надеялся — что если все это остановится, то мать поправится. Он для этого и искал эту дурацкую кнопку...

— Ее могли уже и остановить, — напомнил я. — Ты сам мог. Бросилась на тебя какая-нибудь мречиха с гнилыми ушами, а ты ей...

— Нет, — сказал Егор уверенно. — Этого не могло случиться. Я знаю.

Дальше Егор молчал.

Из хорошего металла не делают гвоздей.

Глава 11

Поверхность Дня

Первым заметил свет, конечно же, Егор.

У меня от долгого пребывания под землей опять расстроилось зрение, все-таки глаза любят солнце. Шахтеры, они люди привычные, под землей рождаются, под землей умирают, а у меня вот поползло. Сначала в красное, и некоторое время меня настораживал неожиданный красный отблеск в улыбке Егора, потом я съехал в черно-белое и почти час не видел почти ничего, кроме мерцания сдвоенных ламп. Потом Егор погасил свой и указал пальцем вперед, вдоль рельс.

Свет. Вдалеке, дневной, белый, солнечный.

— Выход... — выдохнул Егор. — Там...

Скелет не обманул. Выход.

Тоннель расходился широким раструбом, похоже на разорванный ружейный ствол, когда пороху пересыпали, а пуля не успела вылететь. Тут тоже что-то взорвалось, в стенах завязли обрывки вагонов, громоздились колеса, куски железа, свисали длинные черные сосульки. Свет шел сверху, оттуда же внутрь вползал широкими лапами снег.

— Опять в мороз лезть... — поежился Егор. — Скелет говорил, тут тепло, а холодища как везде. Надо было в зимнее одеваться.

— Здесь тепло, — возразил я. — Смотри на сосульки. Снег тает. Смотри.

— Слышь, Дэв, а кто такой маркшейдер? Он что делает, а?

— Определяет границы.

— У чего?

— У всего. Вперед, осталось... Почти ничего не осталось.

Мы, оскальзываясь на снегу, выбрались на землю. Хотелось бы чего-нибудь почувствовать, волнение, трепет там всякий, но ничего, ничего, будь все проклято.

Снег сделался рыхлым и крупчатым, послушно сминался под ботинками, шагать легко и приятно. Я первым, Егор за мной. Тепло и солнечно, снег таял и собирался в ручьи, они змеились под ногами, собирались и снова разъединялись, ныряли с шумом в земельные дыры, в подвалы домов, в люки. Прав был Скелет — заливаает. Все зальет, сначала Верхнее Метро, затем шахтерские бескрайние тоннели, затем метро Нижнее, и ухнет все в злые и темные воды Московского моря, забыл спросить у Скелета, есть ли оно на самом деле.

За спиной поднималась к небу серо-белая муть, в ней клубились метели и властвовал мороз. За спиной оставалась зима. Сюда она пробиралась длинными лапами снежных щупалец, но справиться с теплом окончательно у нее не получалось. Снег таял и собирался в ручейки, исчезающие в воронках и подвалах. Полукругом поднималась ввысь белая ледяная стена, а здесь было тепло, и даже цветочки цвели, маленькие белые ромашки, я не удержался и сорвал одну. Она пахла. Как полагается, и на вкус оказалась горькой.

— Уже близко? — спросил Егор.

— Да. Надо отдохнуть.

— А может, наоборот, поспешим? Тут ведь недалеко...

Егор поежился.

— Поспешить мы всегда успеем. Надо перекусить. Или ты с едой больше не дружишь?

С едой Егор дружил всегда. Мы выбрали место поспокойнее, возле стены, и немного посидели без дела — чтобы желудок вспомнил о еде, чтобы шевельнулся.

— Погода хорошая, — сказал Егор. — Солнце как летом...

Он повернул к солнцу лицо, пошевелил им в разные стороны. Бледный.

— Скелет говорил, что зима только к востоку, а на запад если идти, то наоборот, там тепло. Давай потом на запад, а?

— Скелет вообще много чего говорил, — напомнил я. — Ты просто не все слушал. Он говорил, что прореха, что вся погань на запад расплзается и на юг, а потом уже по всем остальным местам. Поэтому здесь так пусто.

— Ясно. Обратно пойдём — возьмем у шахтеров еды, — Егор начал мечтать по

второму кругу. — Они все равно всю не вывезли, а мы запасемся. Вот такую же тележку возьмем, впряжемся и поедем. И патронов возьмем. И всего-всего...

Я достал из рюкзака консервы. Четыре банки остались. Тучный тушеный кролик, не так много взял. Надо будет тоже завести кроликов, чрезвычайно полезный зверь. Питается травой подножной, а мясо набирает вполне себе вкусное. И быстро. И шкура теплая, на зиму отличные шубы можно делать. Кролик — это существо из будущего...

Егор уже привычно забурчал животом.

— Есть еще хлеб, — я вытряхнул на блюдо овсяную буханку. — И морковный сок.

Запасы королевские.

Егор занялся костром, устроил из трех битых кирпичей очаг, заполнил его мусором, поджег. Я срезал с банок крышки. Тушеный кролик выглядел великолепно. Наверное, я слопал бы его и холодным. Холодным, руками, без всяких вилок, по-дикарски. Но сегодня был особый день, и я хотел, чтобы все выглядело особо. Достал серебряные миски и серебряные ложки.

Егор поглядел на меня с удивлением.

— Надо иногда себя баловать, — пояснил я. — А то вся жизнь у нас какая-то... Неправильная. Нечеловеческая совсем, без расстановки.

— Да, наверное...

Я раздул огонь, установил банки на огонь, и через минуту мясо забулькало и распустило в стороны запах.

— Питаться надо горячим, — сказал я. — В этом суть человечности.

И выковырял мясо из своей банки в миску, крошил хлеба и хорошенько перемешал, чтобы хлеб пропитался соком и получилась настоящая питательная каша.

Егор сделал также.

Мы чокнулись ложками и стали есть. Егор торопился, и мне пришлось приложить его по лбу, чтобы он вел себя как должно.

Я не спешил, стараясь запомнить вкус каждого куска. И запоминал.

— Приятно... — Егор облизался. — Давно так вкусно не ел, особенно на воздухе. А когда все закончится — мы всегда так будем обедать? Да? Правда?

— Ага.

— Ага... — Егор принялся протирать горбушкой консервное дно. — Так все и будет... Каждый день, утром и вечером, да?

Я кивнул.

— Как раньше. Настоящая еда, чай...

Егор закрыл глаза.

— А можно еще? — попросил Егор. — Есть хочется...

Я кивнул.

Егор тут же приступил ко второй банке, и здесь уже не торопился, не брызгал слюной и не чавкал, а хлеб уже не крошил, просто прикусывал, закончив же, он уставился на третью банку.

Я пододвинул ее Егору.

С третьей он управился еще быстрее, чем с двумя первыми. Ложкой стучал о зубы, так что я стал опасаться за их сохранность. Хоть кто-то нам с зубами нужен.

— А почему ты дал мне свою банку? — Егор отправил в рот последний кусок мяса. — На обратный путь совсем ведь не хватит...

Лицо у него вдруг изменилось. Скопилось и осыпалось, точно на нем скопилась высохшая грязь, обвалившаяся от неосторожной улыбки.

— Это точно, — сказал я. — Не хватит.

Я стал смотреть на него. Егор моргал, точно в глаз ему попала злобная слепая мушка.

— Я тебя предупреждал, — сказал я самое глупое из всего, что только можно придумать. — Предупреждал.

- Я не думал...
- А ты что, не готов? — спросил я напрямую.
- Готов...
- Не бойся, Егор, все будет нормально.
- Я знаю...
- Давай чай пить.
- Не хочется...

А я не стал себе отказывать. Вскипятил воду, заварил, все как полагается. Егор мрачно молчал.

- Хорошо, что Алиса с нами не пошла, — Егор потер нос. — Она бы ругаться стала.
- Это точно. А мы ругаться не будем. Не бойсь, Егор, наши имена войдут в историю. Егор промолчал. Ему явно не хотелось в историю, ему хотелось в слона.
- И мне тоже.
- Подъем, — велел я.

Егор послушно поднялся. Пошли дальше молча, в пыхтенье и в оружейном позвякивании. Вокруг простирался обычный город, много битого кирпича и искореженных бетонных плит, мох, мелкий кустарник, пух, перекатывающиеся одуванчики, распадающиеся от прикосновения, из-под ног выскочило серое и шустрое, Егор взвизгнул и выстрелил. Громко как-то получилось, совсем с этим местом не сочетается. Егор выстрелил еще, вдогонку. Вытер нос.

- Не попал, кажется, — сказал он. — Совсем...

Я пожал плечами.

— Так и не выучился, — Егор перекинул винтовку подмышку. — Плохой ученик, бестолочь...

- Еще успеешь, — улыбнулся я.

— Три раза.

Двинулись дальше.

— Стрелять — это совсем просто, — поучал я в тысячный раз. — Это как дышать — легко. Главное думать не головой, а руками, пальцами. Это легко, ты должен почувствовать в себе...

Я повторял все, чему учил меня Гомер в свое время, и кое-что придумывал сам, по ходу, из своего опыта.

- Пищит, — сказал Егор вдруг.

— Что? — не понял я.

— Пищит. Вот послушай.

Мы остановились. Вода журчала слишком громко, сначала я ничего не услышал, но уши быстро собрались и выудили из окружающих звуков то, что надо. На самом деле, пищит.

- Крыса, наверное, — предположил Егор.

— Крысы давно сбежали, я последнюю крысу уже не помню когда видел. Давно. Даже Чапа, и то сбежала, а она Алиску ой как любила...

— Но пищит ведь!

— Пусть пищит. Это лед пищит, такое иногда случается.

Мы двинулись дальше, только теперь Егор оглядывался через каждый шаг и в конце концов сказал:

— Щенок.

Я остановился.

— Щенок, — повторил Егор.

Этого не хватало, мало нам крысы, теперь щенок. Маленькая собака. Откуда она, да еще здесь? Собаки далеко отсюда, если они вообще остались, вряд ли они эту зиму пережили, замерзли. Хотя у нас все может случиться, дурацкий гадский мир, не поймешь, как он устроен, как дебильный сломанный будильник, все время подпрыгивает с дурацким

пугающим бряканьем...

— Дэв, это щенок! — радостно воскликнул Егор. — Он один! Он потерялся!

Я обернулся.

Дэв уже шагал к нему. Чуть в наклонку и присюсюкивая, доставая из кармана припасенный для себя кусок. Щенок. Мелкий, ростом с валенок, и цвета такого же, со слипшейся шерстью, на спине слиплась в короткие иглы...

— Назад! — рявкнул я. — Назад!

Но Егор уже протянул руку.

Я сорвал с плеча винтовку.

— Ты чего? — глупо спросил Егор. — Это же щенок...

А потом увидел и он.

Ойкнул, отпрыгнул, запнулся, упал.

Это подбежало к нему. К лицу. Я бы выстрелил, но тварь оказалась прямо напротив глаз Егора, я снес бы ему голову.

— А! — заорал Егор.

А тварь принялась лизать ему лоб. Длинным черным языком.

— В сторону! — крикнул я.

Егор попытался перекатиться, но только поскользнулся, грохнулся снова. Стрелять нельзя. Тварь повернулась в мою сторону, испугалась и попыталась спрятаться у Егора подмышкой.

— На ноги встань! — приказал я.

Егор поднялся. Щенок спрятался за ботинок.

Я прицелился.

— Ты что? — растерянно спросил Егор. — Зачем?

— Это волкер.

— Он же совсем маленький! — совершенно глупо возразил Егор. — Малюсечка!

Волкер выставился из-за ноги. Точно. Волкер, он, я эту породу отлично знаю, они меня много раз жрали — недожрали. Морда с кулак, а уже крокодилостая, и шипы по хребту распространяются. Вот только маленьких я никогда не видел, думал, они сразу большие появляются. Вылупляются из огромных черных яиц, кожистых, пупырчатых и вонючих, а яйца эти откладывает сам сатана, в гнездовища, наполненные горячей смолой, так Гомер всегда рассказывал.

— Еще ребяташка! — Егор попытался заслонить волкера ногой, но тот был слишком туп по малолетству, высовывался и высовывался.

Я пытался поймать его на мушку, но тварь виляла между сапогами Егора, не ловилась, как большая капля мохнатой черной ртути.

— Не надо...

Дальше произошло то, чего я не ожидал совершенно. Егор неловко закинул свою винтовку за спину и поймал этого поганца. Взял его на руки.

Взял. На руки. Погань.

— Совсем, что ли...

Я хотел спросить — не сошел ли Егор с ума. Не плохо ли ему. Не одурел ли он от неожиданной жары. И еще много чего я хотел сказать, но тут случилось совсем непонятное. Волкер выставил длинный черный язык и лизнул Егора в щеку.

— Не надо в него стрелять, — сказал Егор. — Он еще маленький.

— Он вырастет.

— Вот вырастет, и посмотрим, — сказал Егор как-то уверенно, раньше он так со мной не разговаривал.

— Поздно будет.

— Не будет, — Егор погладил поганца по голове.

Жарко. От жары люди сходят с ума, с этим не поспоришь.

— А что? — Егор отпустил поганца на землю. — А почему?!

Неповиновение. Ясно. Рано или поздно это происходит.

Молодые выступают против старших, сбрасывают их с вагонетки в болото, наступает их время. Не думал, что это случится так скоро.

— А почему?! — повторил Егор капризно. — Почему Алиса крысу может заводить, а я не могу?

— Потому что крыса — это существо, — терпеливо сказал я. — А это не существо — это погань.

— Самое что ни на есть существо, — возразил Егор. — Ноги есть, глаза есть, все есть. Существо.

Волчеренок пискнул.

— Существо. Оно есть хочет.

— Хочет, — продолжал убеждать я. — Оно тебя кушать хочет... Ты знаешь, сколько раз такие, как он...

Я указал стволом на поганьша.

— Такие, как он, пытались убить меня много раз, — сказал я. — Он чужой, он вообще не наш. Они нас жрали, Егор!

— Волки тоже раньше людей жрали. Когда людей было мало, а волков много! Я читал! Волки жрали! Медведи жрали! Нас все жрали! И не надо мне рассказывать тут сказки!

Как-то зверски на меня он поглядел, Егор то есть.

— Он маленький, — повторил Егор. — Он один умрет...

Странное событие человек, непредсказуемое, наверное, поэтому и человек. Мне понравилось — то, что Егор это сделал. Самостоятельное движение. Важно сделать первый шаг. Молодец, человек.

— У него есть родители, — сказал я. — Папа волкер, мама волчерица.

— Ты говорил, они из яиц вылупляются...

— Я ошибался, у него есть родители. И они его, наверное, уже ищут.

Егор огляделся.

— И он их ищет, просто по ошибке принял нас за них. Посмотри на него.

Егор поглядел под ноги. Заколебался.

— Он не сможет с нами, — сказал я. — И мы не можем с ним. Он нас выдаст.

Егор поморщился.

— Он питит и шумит, — продолжал я. — Нам нечем его кормить, а родители его наверняка прокормят.

Егор опустил винтовку.

— Пойдем.

Я пошагал к холму, не оборачиваясь. Услышал, как Егор прошептал что-то тваренку, и поспешил за мной.

— Ты правильно сделал, — сказал я. — Правильно. Он вернется к своим, а мы к своим, это правильно. А потом, если хочешь, мы тебе найдем собаку. Щенка. Настоящего, головастого, с толстыми лапами.

— Да где ты его найдешь, а? Я вообще собак не видел никогда...

— Тебе повезло... То есть не повезло. Ты не представляешь, сколько вокруг этих собак, ими кишит мир, просто они хорошо прячутся. Вообще, собаки — это удивительные животные, лучше не бывает...

Правда, они тоже хотели меня слопать, чуть не добавил я, удержался.

— Если бы ты знал, сколько я видел этих собак. Я их видел сотни, тысячи. А некоторые собаки еще очень умные, почти как люди. Я знаю одно кладбище, там прекрасные собаки, мы попросим у них щеночка...

— Да...

— Обещаю. Я сам пойду. Ты воспитаешь себе отличного друга. Собаку...

Егор отстал, я почувствовал это ушами. И сразу понял, почему он отстал. Опять писк.

Оглянулся.

Волчеренок тащился за нами. Медленно, припадая на переднюю лапу, вихляясь и спотыкаясь. При этом он скулил, подвывал и хрипел, совсем по-человечески, то есть по-волчьи, как живой.

Егор возвращался к нему. Волчеренок припустил и завилял хвостом. Все. Понятно.

— Я все-таки его возьму, — сказал Егор. — Он не нашел родителей, они, наверное, померли. Он совсем мало ест. Смотри, какой он...

Егор поднял волчеренка за шкуру. Вот уж не думал, что доживу до того времени, когда люди начнут приручать волкеров. Гадость. С другой стороны...

Это, наверное, неплохо. А если он на самом деле приручится? Это ж просто здорово — иметь таких зверей. Охотятся они завидно, умом отличаются, потом для обороноспособности пригодятся. Мы не пробовали их приручать, самим жрать нечего, да и никогда молодняка не встречали. А вдруг возможно?

Вот Скелет говорил, что наш мир должно смахнуть с лица Земли, расчистить от животного и растительного населения, наполнить новой, лучшей жизнью. Но человек на то и человек — он борется, сопротивляется, выживает и постепенно начинает подгибать под себя и этот мир, новый. Вон Скелет рассказывал — жили раньше такие поганые твари — что нынешние у них и подмышкой не стояли, охотились они на людей, ударом лапы им голову сносили, одним зубом перекусывали. И ничего. Где все эти твари? Где все эти ленивцы ростом с сосну, медведи размером со слона, тигры с зубами длиной в руку? Человек наделал штанов из шкур страшных тигров, повесил на шею ожерелья из зубов страшных медведей, а из костей ленивцев устроил себе диваны и кресла. И у тех давнишних людей, между прочим, даже оружия толкового не было, одни копья с каменными остриями, дубины да пырля деревянные. Численность же тех людей тоже величиной не отличалась.

Вот я и подумал. Может, это испытание? Большое то есть Испытание? Настоящее? Посмотреть, на что мы способны? Сможем ли мы одолеть все это? Волкеров, китайцев летучих, сумраков, кенг, да мало ли их, числа не сыщешь, самих себя сможем ли одолеть? Ведь мрецы бродячие — это тоже люди. Вот и получается, что сами с собой воюем.

— А волкеры большие вырастают? — спросил Егор.

— Тебе хватит.

— Хорошо. Я его охотиться выучу. На кабанов. Он будет мне их приносить, а я жарить. Я читал, люди так раньше и делали. Приручали всех направо-налево.

Вполне может быть.

— Ладно, можешь оставить, — разрешил я. — Посмотрим, что получится. Только я за ним ухаживать не буду, сразу предупреждаю.

— Я сам буду ухаживать, ты не волнуйся.

— Если он на меня хоть раз окрысится — сразу пулю прожует, — предупредил я.

— Он добрый, — заверил меня Егор.

— Все вы сначала добрые.

Я закинул винтовку на плечо, наметил ориентир — дерево, похожее на столб, — и пошагал к нему. Новое поколение, совсем новое, непохожее. Я вот и подумать о таком не мог, а они не думают, они делают.

Будущее пришло.

Глава 12 Точка

— Опять... — поморщился Егор.

Они лежали прямо на земле, скрюченные и высохшие, похожие на черные скелеты, на позапрошлогодних богомоллов, засохших от жадности между рамами стекол. Сухие и рассыпчатые при каждом прикосновении в прах. Китайцы. То есть ненастоящие китайцы, а те, которые на дирижаблях летают. Это были уже не первые дохлые китайцы-летчики, пятые, наверное. И все кучками. Внешне они напоминали тех, что мы встречали — глаза,

зубы, ушей нет, все как полагается, отличия состояли в другом. Те были прекрасно собраны — и оружие, и снаряга, и даже дирижабль с компьютерами. А эти... В самом настоящем тряпье, я такого у нас и не видел, во всяком случае, на живых. На каком-нибудь замшевшем грязном мреце, разнузданном и неприлично прогнившем. А на этих... Без масок. На тех, прежних китайцах, были герметичные резиновые костюмы с противогазами замкнутого цикла, и в случае прорыва этого комбинезона китаец погибал. Эти перли так, в лохмотьях, и, едва углубившись на нашу территорию, помирали целыми стадами.

Другой мертвечины тоже встречалось предостаточно. Последний час особенно. Мы медленно пробирались между руинами и островками мха, и почти через каждые десять шагов что-то попадалось, а иногда мы за них просто запинались. За конечности, за головы. Кикиморы, химеры, волкеры, мелкая погань, размером с суслика, средняя, похожая на росомаху, крабы — откуда здесь крабы...

— О-па... — дернулся Егор. — Это ведь... Это он?

— Кажется.

Сумрак. Он сидел на крыше, совершенно как живой, но тоже мертвый. И тоже отличался. От тех, что я знал прежде.

— Он другой... — прошептал Егор. — Ты видишь? Видишь?

Еще бы. Форма головы вполне китайская. Суставы совсем не распухшие. Глаза большие.

— Мне кажется, те, что мы раньше видели, они это... Из людей получились. А этот на китайца похож. Да?

«Наверное», — подумал я. Все может быть. Хотя сейчас это совершенно не важно.

— На китайца похож, — повторил Егор. — Да?

— Похож. Наверное, похож. А нам лучше поторопиться, лучше засветло.

И вообще я свет люблю. Я с удовольствием ориентировался по солнцу. Оно светило неожиданно весело, по-весеннему, и цвет у него тоже был почти белый, жизнерадостный. Хотя тут можно вообще не ориентироваться, едва мы оказались на поверхности, как стало понятно, в какую сторону следует продвигаться. Направление отмечалось вполне себе четко. В нужную сторону бежали ручьи, в нужную сторону тянул ветерок, что было заметно по тине, висящей на обломках деревьев и колыхающейся опять же в нужную сторону. Тяга. Наш мир втягивался в другой.

А мертвечина вся наоборот, кстати, лежала — по направлению к нам, к нам она стремилась. Много попадалось, никогда такого не видел, будто по кладбищу шагали, отчего неприятно очень делалось — повалиются тут эти покойнички недельку-другую-месяц и сделаются беспоконичками. Надо бы с ними разобраться, но ни сил, ни желания...

Шагать. Не остановиться, шагать, потому что цель уже близка.

Снежные горы отодвигались, земля просыхала, воздух был чист, но не очень прозрачен из-за испарений и влажности. Тепло поднималось к небу, в его струях мир, лежащий перед нами, утрачивал четкость линий и однозначность восприятия. Он наполнился колеблющимися призраками разрушенных домов, зыбкими бродячими радугами, невероятными миражами — из земли прорастали здания, целующие шпилями небо, ослепительные купола, сияющие пирамиды и воздушные дороги сказочного города. Город был велик и прекрасен, только я не мог понять — прошлое это или будущее, а Егор так вообще сказал, что это Китай. Не настоящий, само собой, а тот, родина летучих китайцев. Мы шагали, окруженные зыбким и волшебным мороком, а хотелось не идти, хотелось остановиться, остаться и уснуть здесь, в месте, населенном привидениями.

Но мы упорно продавливались вперед, подгоняемые моим глупым и негибким упрямством. Реальность выползала из-под сказки, лучше бы она не выползала. Ободранные фундаменты зданий обретали обыденную руинную плотность, мертвечина воздевала окоченевшие гнилые руки, бесполезный мох распространялся под башмаками, обыденность и скука, растянутая на десятки километров. Как всегда, железо, тут его, правда, было как-то уж чересчур много, опасные ржавые лохмотья торчали почти из-под каждого куска камня.

Последние сугробы, совсем уж маленькие, с искристым снегом, похожим на россыпи мелких алмазов, эти сугробы почему-то не таяли, Егор пинал их тяжелым ботинком, кусочки слипшегося снега вспыхивали на солнце.

— Похоже на бред, — сказал Егор, распинав очередной снежный холмик. — Почему после снега сразу жара?

— Потому что, — ответил я. — И вообще, мы, кажется, пришли.

— Уже?

— Ага. Похоже на то. Сейчас.

Я забрался на камень, склеенный из зеленых кирпичей, приложился к биноклю.

Холм. Не высокий, но явный. Скорее даже не холм, а возвышение, постепенное вспучивание, словно там, под землей, пузырь надувается. Когда-то тут тоже был город, но теперь от него почти уже ничего не осталось, даже руин. Редкие каменные бугры. Но собака осталась. Постамент утратил квадратность, оплыл и выветрился до дыр, а вот собака совсем почти не изменилась. Стояла себе, как стояла сто лет назад, смотрела вдаль дружелюбными глазами, вот только благодарное человечество не спешило возлагать к ногам пса охапки цветов, кости и овсяное печенье, собаки, кажется, любят овсяное печенье. От чего она человечество спасла? От рака. От старческой трясучки, от облысения, от рассеянного склероза, не помню уж, от половины страшных болезней, я смотрел в медицинском справочнике, от хронической усталости. Человечество погрузилось в нее и стало уничтожать себя с воодушевлением.

И вот какой-то доктор нашел в крови своего пса спасение от мировой скорби и от остальных болезней, и десять лет он добывал из собаки кровь и делал из нее лекарство, а благодарные излеченные собирали материал для памятника. Когда великий пес умер, его сначала залили гипсом, а потом, когда он затвердел, влили в этот гипс благословенное расплавленное серебро.

Надо признать, что кровь этой собаки выполнила свое предназначение. Никто сейчас не грустит. Кроме меня. И рассеянным склерозом тоже никто не страдает. И старческим слабоумием. Спасибо.

— Смотри, — я сунул Егору бинокль. — Кажется... Пришли.

Егор взял бинокль.

— Почему она черная? — спросил он. — Там ведь показано, что из серебра...

— От воздуха почернела, — ответил я. — Серебро чернеет. Ты лучше на это погляди.

— На что?

— На тень.

Егор опустил голову, охнул.

— Почему их две? Такое разве...

Я ткнул пальцем в небо. Егор задрал голову.

— Солнце... второе...

Прошептал Егор.

На небе появилось второе солнце. Не такое яркое и не такое большое, как наше, совсем как на кассете у Белова.

— Это... не по-настоящему ведь? — растерянно спросил Егор.

— Наверное. Не знаю... Два солнца не могут сразу быть рядом. Они бы слиплись — и все бы сгорело... Это тоже, наверное, какая-то тень... Мы пришли, это точно.

— Куда? Туда?

— Сюда. Это...

Я топнул ногой.

— Это, видимо, и есть граница. Прореха. Там...

Махнул рукой в сторону черной серебряной собаки.

— Там их мир. Тут наш. Здесь они и состыкуются.

— А почему так жарко? — Егор вытер пот со лба.

— Кто его знает... Может, от трения. Миры друг о друга границами трутся — от этого

температура и растет. А может, у них там что-то происходит. Может, они выгорают. Вот к нам и спасаются.

Егор натянул покрепче шлем.

— Выгорают они... — проворчал он. — Поналезли... Мы-то к ним не лезем... А они ползут и ползут.

Я не стал спорить.

— Осталось немного, — я потянулся, хрустнул плечами. — Тут уже рядом. А дальше... Спуститься вниз, отыскать эту самую гелевую бомбу и испортить охлаждение. Разберемся. Ты не волнуйся вообще, мы успеем уйти, я это просто так сказал. Настроение плохое случилось.

— Я понимаю.

Воздух шевельнулся. Длинные космы лишайников на мертвых деревьях колыхнулись и потянулись в нашу сторону. Направление воздушного течения сменилось, ветер подул в лицо, из теплого сквозняка он превратился в горячий поток, от которого хотелось чихнуть и слезились глаза. И состояние, в воздухе что-то изменилось, он запах опасностью, угрозой, бедой. В рюкзаке у Егора пискнул поганец, заскреб лапками.

Надо уходить. То есть искать безопасное место. Я еще не понял до конца, что случилось, но уже понял, что надо спастись.

— Воняет... — плюнул Егор. — Воняет сильно...

Егор потрогал живот. Точно, воняло здорово, даже затошнило, меня тошнит все последнее время, не хватало, чтобы паразиты какие-нибудь завелись.

Снял с плеча винтовку. Когда так воняет — жди стрельбы, примета верная.

Воздух колыхнулся сильнее и тошнотворнее.

— Смотри!

Указал пальцем Егор, нет, все-таки зрение у него отменное.

Я сощурился и тоже увидел. По направлению к нам неслись... Не знаю, черные пыльные фигуры. Переваливали через вершину холма, слишком много, не стая, я не знал, как называется такое количество. Наверное, тьма.

Тьма поползла на нас, их нельзя было разглядеть в бинокль, оптика сминала силуэты, впрочем, и так понятно. Все, кого я знал, и новые, кого я не знал и не хотел знать. Я и этих не хотел знать, хотел забыть. Некоторым раньше везло, им на голову падал кирпич, и они все забывали, просыпались — и ничего не помнили уже, как новые. Вот бы так, кирпич мне.

— Они бегут, — прошептал Егор. — Они все бегут...

Егор выстрелил. Мрец споткнулся, о него споткнулись другие, и тут же образовалась куча, Егор выстрелил еще. Бесплезно, все равно что пытаться остановить плевком камнепад.

— Патроны береги, — посоветовал я.

Слева. Тоже погань, огибая холм, приближаясь к нам слева. Огляделся. Ясно. От всех не отстреляться. Да и глупо это, отстреливаться, тут прятаться надо...

— Дэв!

Егор указывал на стену. Недалеко, метров двадцать, стена, кирпич, влезли повыше, через минуту они уже были вокруг, и текли вокруг, на нас не глядя. Все вперемешку. Мы сидели метрах в четырех над землей, задыхаясь от поднимающейся вони, мы были терпеливы и старались дышать ртом, и старались не стрелять, не кинуть гранату, вернее, Егор старался не кинуть, а мне плевать было. На всех.

Существа продолжали спасаться. Оттуда сюда, к нам. Их стало меньше. И бежали они медленнее, многие не бежали, а брели, одурело оглядываясь и задыхаясь, так что прицеливаться стало можно, Егор прицеливался, стрелял и попадал.

— Так они до вечера идти будут, — сказал Егор, пристрелив кикимору. — Они в тоннель ведь лезут?

— Похоже. Хватит стрелять. Патроны пригодятся на обратном пути, там погани будет много, настреляешься.

Егор убрал винтовку за плечо.

Просидели еще час. Количество погани не уменьшалось, тащились равномерно и уныло, все уже полудохлые. Если уж полудохлые к нам лезут, то, видно, там, на китайской сторонке, совсем уже невесело.

— Надо обойти справа, — предложил Егор вдруг. — Вон там.

Я поглядел направо. Да, можно. Там, конечно, круче и развалины гуще, но уроды там не лезут, сторонятся. Наверное, это правильно.

— Эй, придурки!

Мы разом оглянулись. Я чуть не подпрыгнул, чуть со стены не сверзился.

На соседнем каменном островке сидела Алиса. В своей глупой и опасной красной куртке, неужели не могла выбрать ничего интересного... Без оружия, во всяком случае, без винтовки. Наглая и веселая. Скорее всего, проследила за Егором. А он не заметил. И я не заметил. Алиса, как всегда, себе не изменяет...

Иногда я ею просто восхищаюсь.

Да ладно, что там, я ею почти всегда восхищаюсь.

А сейчас у меня заболела голова. Сильно. В затылке. Придурки. Что один, что другая. Тащатся за мной... Ну, что вы тащитесь, смерть свою ищете, дурни, не надо ходить за мной, заорать это захотелось, отлупить их по тощим непонятливым шеям...

Но я промолчал.

Мне не хотелось их отпускать. Будущее смотрело на нас пристальными чужими глазами, и мне совсем не хотелось оставаться под этим взглядом одному.

Волна тварей схлынула, прохромали последние волкеры, старые и колченогие, один сдох прямо под нами, отравил пространство нездешним смрадом.

— А ты, я гляжу, хорька завел, — кивнула Алиса на волчеренка, — поздравляю. Теперь у нас два хорька будет.

— Это не хорек! Это настоящий волкер!

— Ну-ну, — ухмыльнулась Алиса. — Я же говорила, сумасшествие — оно заразно. Теперь Прыщельга хочет разводить волкеров — мало их без него развелось! Знала я одного такого — хотел разводить нутрий... А хотя что я вам все это рассказываю, вы конченные люди...

— Зачем ты тогда нас догнала? — спросил Егор. — Возвращалась бы, чем с дураками-то знаться.

Алиса усмехнулась.

— А вы что думали, я такое пропущу? — спросила она. — Не, Рыбинск, ты обо мне совсем плохо думал. Я хочу посмотреть.

— Что посмотреть-то? — угрюмо буркнул Егор.

— Посмотреть. Чем все закончится. Ходят упорные слухи, что дуракам везет. Вот я и хочу проверить, посмотреть, повезет ли вам.

Алису ничего не меняет. Нет, точно восхищаюсь.

— Ну что, чувствуешь трепет? — спросила Алиса у меня.

Я не чувствовал. Какой уж там трепет.

— Я так и думала. Но ты не собираешься отступить?

— Нет, конечно.

Алиса обогнала, остановилась перед нами.

— Скелет дал мне карту.

Она достала из рюкзака планшет, кожаный, с крепким запахом табака.

— Это шахтерская карта, тут почти все выходы из тоннелей. И все их схроны. Мы можем вернуться и пережить зиму...

Егор кашлянул. Спасибо Скелету, я его просил их придержать, а он, как назло, выпустил их за мной. И картами снабдил, и советами, как пережить зиму, не, спасибо ему, добрый человек из подземелий.

— Надо поблагодарить Скелета, хороший дяденька, — сказал я. — Не жадный, мне это

в людях нравится. Только мы уже пришли, рядом уже. С чего вдруг поворачивать?

Ни хрена я не понимаю. Один дурак, вторая дура, что мне с ними делать?

— Да, Алис, мы на самом деле пришли уже, — Егор кивнул в сторону собаки. — Вон, видишь?

Алиса сощурилась.

— Какой-то черный бобик... — сказала она. — Или жучка, отсюда не видно. Это что, и есть ваша серебряная собака?

Егор кивнул.

— Сплошное уродство, — Алиса плюнула. — Это и есть цель?

— Да. За ней вход к детектору. Все началось именно здесь, под ногами...

— Ладно. Если мы уже на месте... Вперед. Тем интереснее.

Алиса зевнула.

— Жарко-то как, вот уж не думала... То есть это точно там?

— То есть это тут, — сказал я. — Мы пришли.

— А что будет, когда ты взорвешь эту самую бомбу? — спросила Алиса.

— Нижнее Метро будет уничтожено, — ответил я. — Кольцо разомкнется. Брешь закроется...

— А если не закроется?

Надоело. Искушает. Они все время меня искушают, хотят, чтобы я отвернул, хотят сбить меня с пути. Скелет, Алиса просто искусители. Но я-то не отверну.

— Если не закроется? Если ничего не изменится?

— Посмотрим.

— Пошмотрим... — передразнила Алиса. — Совсем тебе плохо, Рыбинск? Еле живой ведь...

— Ничего, мне хватит.

— Хватит ли? Местечко-то не очень, одна трупятина...

Алиса плюнула в дохлого волкера.

— Самой сдохнуть хочется, на это все гляючи...

Из рюкзака Егора высунулся поганец, понюхал воздух.

— Жук, — Егор щелкнул волчеренка по носу. — Он на жука похож, я однажды такого видел. Слышь, Дэв, а они случайно не из жуков вырастают?

Я пожал плечами.

— Из жуков, ага, — ядовито сказала Алиса. — Из дураков они вырастают, вот что. Это я точно знаю. У нас один такой жил, дурак дураком, всем свое хозяйство показывал. Демонстрировал то есть. И додемонстрировался — парша на нем особая поселилась, бурая, как вчерашняя блевотина. И через каких-то двадцать дней этот демонстратор стал вот таким вот блевоидом. Вы все станете такими. И я стану, я уже давно это поняла. И смирилась. Я как первый раз Рыбинска увидела, так сразу поняла — от него не отделаться. Первое время меня это пугало, а потом привыкла. И ты, Прыщельга, я гляжу, уже привык. А почему здесь всюду мертвечина?

— Они дохнут от воздуха, — объяснил Егор. — Наш воздух один из десяти выдерживает, остальные мрут...

— Как всмятку все... Их сверху, что ли, сбрасывают?

Алиса задрала голову.

Неоткуда им было падать, неоткуда, надо было мне догадаться, тупому...

Но я изменился. За время своего пребывания в Москве, за последние годы жизни. Перестал видеть. Смотреть смотрел, видеть не видел. Слишком много трупов. Слишком часто я их видел, успел привыкнуть, глаз замылился совершенно. Надо было догадаться — недавний китаец не только засох, он еще и расплюсчен был, голова в блин, и это не просто так, стоило догадаться, стоило...

Но Алиса с Егором стали болтать о шоколадных трубках, Алисе рассказывал про них очередной «один идиотик с востока», а Егор даже вроде как пробовал, отыскав на дальней

полке своего магазина нетронутую коробку. Алиса утверждала — нет ничего лучше этих трубок, она знала нескольких человек, они клялись, что поедание трубок было лучшим воспоминанием в их жизни. Егор отвечал, что трубки, конечно, ничего, вкусные, но вот он пробовал червяков из белого шоколада и с кишками из карамели и перца, так вот, трубки с этими червяками ни в какое сравнение не идут. В слоне у него, кстати, припасена для зимних праздников заветная коробка. Только где теперь этот счастливый слон, вряд ли его удастся отыскать во всей этой разрухе, а то бы он угостил Алису этими чудесными червяками.

Я шагал первым. Слушал их болтовню про сладких червяков, шоколадные трубочки и смотрел на черную серебряную собаку. Уже совсем рядом, видны разрозненные буквы на постаменте, не складывающиеся в слова, красный мох, цветущий в трещинах, и другие трещинки, на морде пса, такие мелкие, что их можно было спутать с паутиной. Пришли.

Еще сумрак, снова китайский, с вывернутыми конечностями, зубы вывалены наружу, и лежит мордой в камни, и я снова не подумал, дурак, полный, закругленный дурачина...

Я прошел мимо, едва не запнувшись за ногу сумрака, Алиса засмеялась за спиной, и Егор тоже захихикал и замолчал. Что-тобрякнуло, и будто зубы щелкнули.

Обернулся, так резко, что стрельнуло в шею. Егора не было. Растворился. А Алиса смотрела вверх и делала шаг, нога зависла...

Рогатка. Я прошел по рогатке, взвел механизм, Егор вступил на него после меня, и его выбросило вверх.

И тут же в рогатку вступила Алиса, потеряла равновесие и сделала шаг.

Все это произошло стремительно, наверное, меньше чем за секунду, только оглянуться успел...

Алису толкнуло вверх. Несильно, метра на два, заряд рогатки истратился на Егора, Алиса шмякнулась и почти сразу поднялась, схватилась за руку, сморщилась.

Я смотрел вверх. Егора не было, видимо, его вышвырнуло в сторону и далеко.

— Где он?! — крикнула Алиса.

Я не знал. Мне было страшно. Глупо. Почти дошли ведь, совсем рядом, пара сотен метров... Дурак.

В голове звенело. Я был растерян. Это ведь совсем не то, чего ожидал я, так глупо попасться...

— Надо искать! — крикнула Алиса. — Он где-то рядом! Рогатка далеко не отбрасывает, он валяется где-то тут! Дэв, чего сидишь? Искать! Я налево, ты направо!

Алиса захромала налево. Я направо. Торопились. Когда-то здесь цвел парк. Камней мало, совсем нет разрушенных стен, зато перевернутые скамейки, раньше в парках много их стояло. А еще железные штуки, состоящие из труб, то ли древние скульптуры, то ли для детей игрушки. Деревья, обгоревшие и от этого закаменевшие в раскоряченных позах. Фонарные столбы, согнутые, как паленые спички. Кустов много.

Я спешил. Рогатка, наверное, самая смертельная дрянь, после падения с высоты мало кто выживает, человека как сквозь мясорубку протягивает, руки-ноги в разные стороны.

На Егора наткнулся быстро. Он лежал возле большого круглого камня, обнесенного столбиками с цепью. Наверное, это был памятный камень, раньше такое устанавливали в честь важных событий, тут тоже, видимо, что-то выдающееся случилось. Нехорошо так лежал, подвернув голову совершенно неправильным образом, в сторону и одновременно под себя. Шея выкручена. Руки сломаны. Ноги.

Все сломано. Я хотел попробовать поднять его, испугался, ворочать сломанные кости не стоит. А что стоит... Надо пощупать пульс. Страшно...

Рядом с Егором будильник Вмятку. Стекло разбилось, корпус сплюснулся, наружу выползли пружины и шестеренки...

Но Прыщельга сумел дотянуться до своего будильника, сумел положить руку... Ногтей у него нет, кровь течет из-под пальцев...

Рюкзак на спине, не сорвало, завязки не распустило, внутри шевелилось, перекачивалось, старалось, было похоже, что это шевелится горб. Я наклонился, распустил

ремешок, показался волкер, Жук. Целый, невредимый, глаз блестит, настроение хорошее. Выбрался, протопал по Егору, свалился, стал смешно перебирать лапками, пытаюсь подняться.

Пощупать пульс, надо срочно пощупать, почему у него кровь из-под пальцев...

Сел. На скамейку. Под столбом. Кажется, все. Готов. Точка.

Показалась Алиса, замерла, как один из этих оплавленных столбов. И тоже долго смотрела, то на меня, то на Егора, грызла губы, затем сказала:

— Да... Ты что сидишь болваном? Надо ему помочь!

Рука у Алисы распухла, но вроде шевелилась, значит, не перелом, ушибла просто.

— Дэв?!

Я потер виски.

— Дэв! А, ладно...

Алиса перевернула Егора, он был совсем разваленный, точно его изрубили изнутри и эти изрубленные кости загрузили в мешок из мяса. Алиса попробовала расстегнуть молнию на дурацкой пуговичной куртке, напяленной поверх комбинезона, но молнию переклинило, Алиса дергала, замок не сдвигался, голова у Егора тоже дергалась. Алиса ругнулась, выхватила нож, попыталась разрезать куртку сбоку. Брызнули пуговицы, золотые и серебряные, куртка не поддавалась, Алиса всхлипнула. Собралась, укусила себя за руку, сосредоточилась.

Со второго захода она куртку распоролла. И китайский комбинезон, усиленный бронепластинами, и грязную футболку с непонятными надписями, добралась до бледного тела.

Сердце стала слушать. Долго, а когда подняла голову, я увидел — щека и волосы в крови перепачканы, и руки.

— Жив, — сказала Алиса. — Сердце бьется!

Она села рядом со мной, вытерла руки о куртку. Жук принялся лизать ладонь Егора.

— Кровотечение небольшое, — сказала Алиса. — Царапина на плече глубокая, кровь оттуда. Можно зашить.

И снова поглядела на меня.

— Зашей, — сказал я.

Алиса достала коробочку с иголками. Пальцы у нее дрожали, нитки не могли попасть в ушко, сколько Алиса ни старалась, иголка в конце концов сломалась. Алиса высыпала на ладонь остальные, сжала пальцы, сквозь кулак проступило железо. Алиса ругнулась и стала выкусывать и выплевывать иглы.

Руки стали вдруг мерзнуть, тепло, а руки мерзнут... А Егор не умер.

— Надо его... — Алиса кивнула на Егора. — Я не знаю, что делать... Слишком много повреждений...

Егор остался жив. Я поглядел на серебряную собаку.

— Ты куда смотришь?! — скрипнула зубами Алиса. — Куда?!

— Что у тебя с рукой?

— Выбила, кажется... Не знаю. Ему надо рану зашить, кровью изойдется ведь...

Я достал свою аптечку. Кривые иглы, леска. Поднялся со скамейки. Ноги дрожали.

— У него глаза открыты, — сказал я.

— Он же живой, у него и должны быть глаза открыты!

— Надо закрыть, а то мусор насыплется.

Алиса закрыла глаза Егору.

— Кровь вроде останавливается, — сказал я. — Может, не стоит уже зашивать...

— Дай сюда!

Алиса отобрала у меня иглу и леску, присела над Егором и принялась зашивать рану. Зашивала, к удивлению, умело, точно носки штопала.

Я смотрел на серебряную собаку. Уже почти пришли. Всего двести метров. Глупо поворачивать, мы ведь совсем рядом. Глупейте.

— Живучий Прыщельга... — приговаривала Алиса. — Живучий, я так и знала... Молодые все живучие. Я знала одного такого, ему ногу почти по задницу оторвало, но ему доктор пришел, замазал смолой — и все, как новенький, кости хорошо срастаются...

Молодые живучие, да. Живучие, но только до определенных пределов, сейчас по-другому все, не повезло Егору, не повезло. А я его предупредил. Я его спасал сорок раз, сорок первый не получилось, не повезло.

Не выживет, это понятно. Все без толку, столько возни...

Точка. Тупик.

Несколько мгновений я сидел, сжав зубы.

Без толку. Без толку, без толку, столько маялся с этим придурком, башкой об лед, зубами о стену. А теперь эта сволочь решила сдохнуть. Спасибо. Вот такая мне благодарность...

Злость. Горло скрутило ангиной злости, всех ненавижу, с севера до юга. Всех. Всегда.

Я поднялся.

Егор был хороший человек. По-настоящему хороший, я любил его, какого же черта он сдох?! Надо было пристрелить его раньше, он бы не мучился сейчас, он не помешал бы мне сейчас, когда я в двух шагах, остается перевалить через холм...

— Ты что?! — крикнула Алиса. — Он ведь жив! Жив! Его можно еще спасти...

— Его нельзя спасти. Ничего нет. Он погибнет. Через пару часов.

Я надел рюкзак, я повесил на плечо винтовку.

— Почему ты всегда такой?! — спросила Алиса.

Какой? Нормальный. Как все. Я поправил винтовку и направился к черной собаке. Шаг за шагом, стараясь не думать, о чем тут думать, все и так уже ясно...

— Ты всегда так?! Не оглядываясь?! Да?!

Да. Не правда, кстати, что я не оглядываюсь, я оглядываюсь — и помню всех, кто стоял рядом со мной. Кто помог мне.

— Он тебя выводил, ты забыл?! — крикнула Алиса. — Он тебя спас! Когда ты ослеп, он же тебя за руку вывел! И меня тоже! А ты нас бросаешь?! Егор спас тебя!

Я его тоже, между прочим, спас. И не раз. Если бы не я, сам Егор бы уже... А может, он и был для этого предназначен? Может, они все для этого предназначены? Гомер. Он вырастил меня, научил жить-выживать, научил стрелять, а сколько раз из смертельной опасности выручал — со счету можно сбиться, И жизнью своей пожертвовал, между прочим. Курок, хороший человек был, сколько вместе пережили... А отец Егора? Он рассказал, что надо делать, выручил меня от сумраков, сам умер. И теперь вот Егор, пришла его очередь.

А может, и сама Алиса? Может, не зря я ее встретил. И нужна она была лишь с одной целью — для того, чтобы я дошел сюда. До этой черной серебряной собаки.

И теперь отступить? Сколько людей угроблено — и отступить?

— Я его не брошу! — крикнула мне вслед Алиса. — Вали, сволочь! Вали отсюда! Он меня не бросил, и я его не брошу! Не брошу!

Я шагал. Все быстрее и быстрее, стараясь не слушать и не слышать то, что кричала мне в спину Алиса.

— К черту мир! Пусть все катится! И ты! Ты, скотина.

Собака. Вблизи она казалась гораздо больше. И совсем не такая гладкая. Серебро оказалось проедено мелкими извилистыми канальцами, точно над собакой хорошенько потрудились блохи по металлу, отчего собака казалась объемной. Или дожди. Кислые дожди из фиолетовых туч, приплывающих с другой стороны...

Обернулся.

Алиса сидела рядом с Егором. Она ничего так и не придумала. Да и придумать ничего нельзя, Егора перемололо. Нужны доски, чтобы сделать шины, нужен гипс, нужны лекарства — скоро ведь начнется воспаление, нужен покой, и еще много чего нужно, и ничего этого у нас нет. Безнадежно. Все безнадежно. А ведь я уже рядом...

Передо мной лежала земля. Земля как земля, мертвечины много. Куски железа вокруг,

и на некоторых еще сохранился оранжевый цвет. И вход. Похожий на бункер, возвышающийся над полями искореженного металла, с толстыми бетонными стенами, с узкими окнами, с широкой, как ворота, дверью. В которой спала тьма.

Вход.

Там не было указателей, и туда не вела протоптанная тропинка, но, несмотря на это, я его узнал — трудно не узнать то, к чему стремишься. Воздух колыхался, образовывая непрозрачные вихри, мутные фигуры, граница, перевал между мирами. Совсем рядом.

Тогда я оглянулся последний раз.

Глава 13 Трое и собака

Какие-то зайцы. Я не удивился, если бы это был дятел, птица, известная своим упорством, сядет на голову и долбит, долбит, долбит, прямо в лоб, выковыривает из мозга червяков безумия. Но при чем здесь зайцы? Не знаю. Но эти зайцы колотили меня по голове, упорно, безотступно, с ритмическим удовольствием, бум-бум-бум, бум-бум-бум.

Я пробовал отогнать их грозным криком, и они отгонялись, но почти сразу же возвращались обратно и возобновляли свои усилия утроенно. Никогда не думал, что заяц — такой гадкий зверь.

Потом ни с того ни с сего я вдруг почувствовал, что плачу. Глаза заполнились слезами, они стекали по щекам, за ворот куртки, при этом почему-то были холодными и неприятными. Я терпел, и слезы и зайцев, но, когда слезы потекли уже совсем по спине, я рыкнул и вскочил.

Вокруг меня была комната. Стены из красного кирпича, кое-где на них еще оставались куски штукатурки, на которых можно разглядеть цветочки, рыбок и квадратики, все это очень выцвело за последнюю тысячу лет, но еще вполне угадывалось. По стенам стекала вода. И тонкими ручейками, и широкими плавными реками, а по углам уже и небольшими водопадами.

Я увидел потолок, самый обычный наш потолок, облезлый, в трещинах, в грязевых разводах, в длинных тянучих соплях, потолок как потолок, только теперь по нему тоже бежала вода, рыжая.

Вода умудрялась проникать и через окно, прозрачный пластиковый лист, заменявший стекло, потел крупными каплями. И на голову мне капала вода, а я-то думал, зайцы...

Протер глаза. Я предчувствовал весь этот потоп — с вечера натянул над собой полиэтиленовую пленку. И над Егором натянул, а Алиса сама над собой натянула, впрочем, она и без пленки отличалась повышенной непотопляемостью и непромокаемостью.

Пленка успешно собирала воду, она переливалась надо мной, как живая, и в ней что-то плавало, я представил, что это рыбки, а прямо над головой дырки, сквозь которые пробивались струйки, стучавшие мне по темени.

Везде вода.

— Дэв! — Да...

— Просыпайся! Пора, кажется. Надо поднять парус.

Последние три недели Алиса шила парус. Оказалось, что она умеет вполне неплохо шить, быстро и крепко, пальцы мелькали, а на указательном поблескивало медное дно от гильзы. Не только плетунья, но еще и швея. Парус рос, он походил на обширное одеяло, сшитое из лоскутов разного материала, красивое, Алиса сворачивала его в тугой рулон и подвешивала к потолку на случай неприятных вдрогов.

Шила и готовила еду. Этим она занималась с утра и почти до вечера, шила, варила обед и почти не ругалась. Волосы собрала в хвост, никогда такого хвоста не видел на ней.

Я бродил по окрестностям, искал нужное. Район оказался удачным, несильно растащенным, причем по причинам, мне совершенно непонятным, возможно, раньше он был охвачен инфекцией или еще что. Я собирал пластиковые бутылки. Всех размеров, главное,

чтобы с крышками. Собирал тряпки. Простыни, покрывала, обшивку от мебели, шторы, штаны из джинсовой ткани. Искал пластиковые пакеты, большие и маленькие. Проволоку, как тонкую, пригодную для ниток, и толстую, которая прекрасно подходила для скрепления разного, другие вещи.

Жук болтался за мной. Он подрос и сделался неприятно зубастым, глаз зажелтел, зрачки приобрели демоническую вертикальную форму, шипы на спине заострились, вытянулись, он напоминал волкера все больше и больше, так что иногда я невольно касался рукой револьвера. А вообще-то...

Вообще-то Жук оказался ничего. У меня никогда не было собак, и я не знал, как они себя ведут и что это такое — держать собаку, я в кошках немного разбирался. Теперь вот узнавал. Интересно. Жук мне нравился. Умный, не по размеру. Обнюхивал воздух, хвостом вилял. То есть не совсем вилял, самый кончик хвоста мелко дрожал, а иногда заворачивался в восьмерки. Жук вообще очень быстро приспособился к холоду, оброс густым подшерстком, напоминавшим твердую кабанью щетину. Лапы тоже зашерстились, и Жук перемещался по снегу легко, намного легче, чем я. Шагал всегда впереди и чуть сбоку, обнюхивая путь, предупреждая об опасности. Хотя никакой опасности не приключалось. Мир вымер и опустел, остались мы, и только мы, трое и собака.

Иногда с запада доносился гром, иногда тряслась земля, несильно, лениво, устало, иногда в небе вдруг вырастали высокие белые облака, державшиеся недолго, рассыпавшиеся на ватные клочки, которые быстро таяли под солнцем. Порой в небе собирались другие тучи, черные и грозовые, впрочем, они тоже не отличались долговечностью, несколько раз стрельнув молнией, растекались по сферам, и не оставалось от них ничего.

Когда мне не хотелось спать, я выходил на крышу и смотрел по сторонам. Я нечасто видел ночное небо, обычно по ночам приходилось скрываться, прятаться по норам, ямам и трубам, не получалось особо голову задрать. А сейчас у меня было сколько угодно времени. Одевался потеплее и изучал небесные шестеренки.

Огни. Иногда они появлялись у горизонта, красные, то каменно неподвижные, то живые и целеустремленные, меня не интересовали эти огни.

Звезды свисали совсем низко, богатыми ледяными гроздьями, мерцали, усиливая холод. Звезды выстраивались в угловатые фигуры, в которых раньше вроде как усматривали смысл, и предсказывали по ним судьбу, я смотрел вверх и видел, что это полная чушь. Светила были раскиданы по небу совершенно кое-как, щедрой рукой Сеятеля, в прекрасном божественном беспорядке. Я был к ним равнодушен так же, как и они ко мне.

Луна, синяя, с частыми желтушными пятнами, качалась над горизонтом, и люди, которые сумели на ней пережить все это, смотрели на свой разоренный дом сверху вниз и, наверно, тосковали.

Спутники, маленькие бродячие звезды, пересекающие небосвод, спешили по своим давно забытым делам.

Комета, сорвавшаяся звезда, которая никак не может упасть, она плыла почти над головой, косматый хвост ее тянулся через треть неба и сиял, как алмазный песок.

Все это походило на будильник из коллекции Егора, небесные шестеренки перекатывались, запинаясь, зацеплялись друг за друга, только пружину не надо было подводить. Мир продолжал катиться, но как-то отдельно от меня, рядом, за стеной, что ли. Это было странное ощущение. В последнее время я слышал мир слишком остро, струны, связывавшие небо и землю, проходили прямо через мое сердце, во всяком случае, мне так представлялось...

А теперь я оказался на обочине. Вернее, на берегу. Мимо текла река, а я только смотрел. Хорошо, давно об этом мечтал. Сидеть и смотреть на водовороты, думать, из чего сделать мачту, требовалось что-то крепкое и одновременно легкое, длинное. Я торчал на крыше до замерзания и до окоченения шеи, задрав голову, потом возвращался к теплу, к печке, подбрасывал дров и спал до утра. Днем искал мачту.

Я искал мачту, Алиса шила парус.

— Скоро придет весна, — повторяла она каждый вечер. — Скоро...

У Алисы были исколоты все пальцы, и я ей верил. Снег уже прекратился, небо стало синим, и солнце светило гораздо дольше, и утром, и вечером, так что к полудню предметы покрывались блестящими коротенькими сосульками. Жук подпрыгивал, скусывал их и с аппетитом хрустел, брызгая ледяной крошкой.

«Скоро придет весна», — повторял я про себя и достраивал плот. Маленькие бутылки я бросал в сетки, средние связывал в гирлянды, а большие использовал как поплавки. Получился пузырь, на этот пузырь я установил раму, связанную из деревянных и пластиковых карнизов, легкую и прочную, рама возвышалась над бутылками почти на полметра.

Раньше я никогда не строил плотов, лодок и вообще плавсредств, опыта у меня не было никакого, но здесь я вдруг почувствовал, что умею это делать, знаю, как должен выглядеть плот. Именно плот, лодку строить не из чего, а плот как раз, только мачты нет. Но я ее найду, в самом дальнем доме наверняка есть что-нибудь подходящее, наверняка...

К этому дому я выбрался в четверг. Конечно, я не знал точно, что сегодня четверг, но будильник Егора уже очень давно показывал «четверг», а значит, он и был. Четверг — прекрасный день.

Проснулся рано, солнце выставилось между двумя соседними зданиями и пустило луч, попавший в стеклянную бутылку на подоконнике, а от нее мне в правый глаз. Я разлепил его и тут же услышал, как шевельнулся в другой комнате Жук. Все-таки чуткость у них поразительная, улавливает малейшее колебание воздуха, чувствует едва различимую тепловую волну, слышит изменение ритма сердца... Хорошая собачка.

Жук живет в соседней комнате, рядом с Егором. Весь день сидит возле него, слушает, как тот дышит, отмечает, и, если в дыхании случаются перебои, подает Алисе знак отрывистым свистом. Караулит.

Но со мной гулять выходит. И вообще, слушается.

— Жук, — позвал я.

Жук появился на пороге, мрачный черный демон, адская собака кошмаров, бич всех обитателей лесов.

— Привет, — сказал я.

Жук не ответил. Он вообще скуп на звуки. Не рычит, не воеет, дышит только, гремит колючками гребня. Хвостом еще дребезжит.

Кажется, раньше собаки приносили хозяевам тапки. Но у меня нет тапок, ботинки я далеко не снимаю, храню на печке, за ночь они просыхают и запасаются теплом, с утра надевать приятно. Но до принесения ботинок Жук не дорос еще, к тому же я сильно опасался, что по пути он ботинки сожрет, вчера мы выдали ему консервную банку на вылизывание, и он стремительно очистил ее черным двойным языком, после чего, немного поколебавшись, сжевал и банку. Жестяную. И не подавился.

— На улице меня жди, — велел я.

Жук удалился.

Я вылез из спальника, надел ботинки.

Заглянул к Алисе.

Та уже растопила печь, варила похлебку и шила парус. Сидела в койке, накрытая до подбородка огромным лоскутным одеялом, выглядела смешно.

— Ты куда? — спросила она, каждый день так спрашивала.

— Погуляю. Надо мачту доделать.

— Правильно, правильно... Иди. Уже скоро. Парус почти готов. Ты все осмотрел?

— Один дом остался, самый последний.

— Поищи иголок, ладно?

Я пообещал. Иголка — редкая вещь, ломается быстро, но иногда везет. В последнее время мне часто везет, не знаю...

Там, у собаки. Я оглянулся, увидел Алису и вернулся к ней. К ним с Егором. Мы нашли

доски, примотали Егора к ним и двинулись назад.

Тоннель оказался пуст, а обратный путь получился неожиданно короток, отягощенные Егором, мы добрались до шахтерского поселения меньше чем за день. Там погрузили Егора на дрезину, а еще припасы погрузили и двинулись прочь, потому что шахтерское поселение, лишенное хозяев, стремительно разваливалось. Дальше...

Дальше было возвращение. Отступление... Нет, возвращение. Долгое и трудное, не хочется вспоминать. Егор выжил. Воспаления не случилось, он впал в однообразное бессмысленное состояние, открывал глаза, ел жидкую кашу. Выжил. И мы отыскивали это место, обозначенное на карте Скелета.

А сейчас я искал мачту. Потому что приближалась Вода.

Последний дом окружал рыхлый подтаявший снег, но я уже знал, как с ним обращаться — долго вытапывал дорогу, трамбовал наст снегоступами, прошел без риска, влез в окно, оказался пятый этаж.

Не знаю почему, но на пятом я не стал задерживаться, побрел сразу вверх. Заглянул в несколько жилищ. Ничего примечательного, обычное барахло, битые бутылки, глиняные горшки, и только на самом верху...

Квартира маленькая. Остальные в этом доме просторные, эта нет, настоящая каморка. Похожа на широкий балкон, тянется вдоль западной стены, наверное, здесь чудесные закаты. Вся мебель смотрит на улицу, так что, сидя на диване, можно видеть тонущее солнце. И, развалясь в кресле, выуживать из синееющего неба первые звезды. Лежа на кровати, разглядывать, как набухают с утра тучи. И в самом конце, там, где стеклянная стена переходит в стену, сидеть на самом краю.

Сначала я решил, что это сон. В последнее время я часто путал сон с явью. Это оттого, что сны мои стали другими. Успокоились, что ли, постепенно сравнялись с реальностью. Если раньше я мог точно определить разницу, теперь граница размылась. Я почти не видел кошмаров, и в жизни кошмара стало гораздо меньше, даже свет изменился — что-то произошло, то ли с воздухом, то ли с солнцем, оно светило, словно через лимонную воду, утром ярче, вечером нежнее.

Сейчас тоже светило это лимонное солнце, и в конце квартиры в плетеном кресле сидел человек. Мертвый, конечно, живых я не видел давным-давно, и это, кстати, тоже наводило на мысли. Иногда я чувствовал, что все это не по-настоящему — не может же быть, что людей вообще не осталось?

Но я старался об этом не думать. То есть я размышлял об этом, но верхним мозгом, стараясь не углубляться. А сейчас я думал про того человека, в кресле.

Я прицелился ему в голову, хорошо, если мрец мертвый, а если начнет прыгать? Можно было выстрелить, на всякий случай, для уверенности, я не стал этого делать. Стояла солнечная тишина, мне не хотелось ее разрушать. Подошел ближе, окликнул.

— Эй!

Он, конечно, не ответил.

Приблизился на длину ствола. Он сидел ко мне спиной, уронив голову. На шее был вертикальный рубец. Свежий, раньше у него такого не было.

Это был Ной. Тот самый, с которым мы пришли сюда, в Москву. Теперь он сидел рядом со мной, закинув ногу на ногу, совсем мертвый.

Я думал, что он не выжил. Не верил в это, Ной не очень сочетался со здешней жизнью... Но он выжил. И, судя по всему, даже преуспел — на коленях у него лежал карабин. Тот самый, с которым он вышел из Рыбинска. Он сохранил его, настоящее оружие для настоящего человека. И приумножил — в кобурах на поясе болтались вполне себе нормальные револьверы, а вокруг плеча патронташ с желтыми пузатыми патронами.

Непонятно, с чего это он умер. Просто умер, так тоже происходит.

Я обрадовался. Не тому, что Ной умер, а тому, что мы встретились. В этом что-то чувствовалось, я встретился с другом. Правда, он ничего не мог мне сказать, но он и раньше разговорчивостью не отличался, все больше ныл и размазывал сопли.

За то время, пока я его не видел, Ной возмужал. Стал пошире в плечах, прибавилось шрамов, правая щека изуродована ожогом.

Я взял карабин. Ной держал его крепко, вцепился, как в последнюю надежду, пришлось ломать пальцы. Каждый. Опухшие пальцы-то. И веки опухшие. И на щеках сосуды выступили. Судя по всему, он умер от сердечного приступа. Смерть вполне подходящая для Ноя, наверное, он мечтал о такой — тихо, скромно, спокойно.

Приятно. Давно забытое ощущение — держать настоящее оружие. Я проверил ранец Ноя. Все, что полагается. Порох, рожок, пули, пыжи, пулелейка.

Не удержался. Зарядил. Открыл окно. Целиться особо некуда, на соседней крыше фонарь, конечно, старый. Расстояние подходящее. Пуля срубит ножку фонаря со свистом, конечно, я разучился стрелять из настоящего оружия, уже давно не стрелял, но руки не обманешь, руки должны помнить...

Так и не выстрелил.

Зацелился. Палец точно прилип к курку, застыл, я не решился надавить, не смог.

Из-за тишины. Она висела уже слишком давно, и мне не хотелось ее разрушать.

К тому же это было не мое оружие, это был карабин Ноя. Я решил, что он должен им и остаться. Вложил оружие в руки мертвеца.

Сел на пол. Смотрел на город. Ной сидел рядом. Наверное, надо было как-то по-другому сделать, похоронить достойно, сжечь, или взорвать — пороха было достаточно. Но я ничего не предпринял, сидел просто, почти час, наверное, сидел.

Ушел. Не взял ничего, ни оружия, ни снаряги. Спускался по лестнице, четыре этажа, семьдесят две ступени, и к семьдесят второй я забыл, как его звали, и вообще, забыл все.

На четвертом этаже в холле обнаружил то, что нужно. С потолка свисала пластиковая труба серого цвета, достаточно длинная и достаточно крепкая. Как раз подойдет для мачты. Вырубил отрезок нужной мне длины, с удовольствием отметив, что пластик за годы не расслоился, по-прежнему крепок, по-прежнему держит, и еще сто лет выдержит, я надеялся, что столько нам не придется на плоту скитаться.

Вернулся к Алисе. Поставил мачту и натянул четыре троса — чтобы не падала и чтобы плот держался крепче. Приделал к мачте парусную поперечину, не знаю, как она правильно называлась, и прикрепил к ней парус. На корме устроил жаровню из решетки, посередине, на безопасном для воды возвышении, установил палатку и ящик для припасов, а на носу закрепил кресло. Алиса спросила — а не спешу ли я? Да, снег лежит высоко, но до нашей крыши он не достает почти метр. Я успокоил ее, сказал, что она не жила в Рыбинске и поэтому совсем не разбирается в разливах. Они приходят внезапно, ночью, и заполняют все мутными грязными потоками, вода прибывает с каждым часом, и вот уже затоплено все, и первые этажи, и невысокие дома, и брошенные машины. Так что, когда начнется потоп, лучше быть собранным. И у нас уже все готово — плот, вода, еда, патроны, все запасы. Скелет не обманул — в указанном месте, в доме с треугольными окнами, на последнем — техническом — этаже мы нашли тайную комнату. Шахтерские кладовые, точка отступления. Тушенка, крупа, пищевые брикеты, фильтры для воды, дрова. Патроны, карты, другие ценные вещи...

А зима была действительно долгой.

Никогда не думал, что зима может тянуться бесконечно, почти год. Лежал снег, выли метели, и солнце светило красно и недолго, так что я иногда даже сомневался, придет ли этому конец.

Но дни постепенно удлинялись, солнце меняло цвет на желтый, снег не падал, а ветер пах весной и влагой и дул на север, куда ушли шахтеры. Вода чувствовалась. Каждый вечер мы собирались в комнате Егора и сушили промокшую одежду. Вода собиралась в углах комнат и, несмотря на холод, прорастала бледными длинноногими грибами, Алиса, городской человек, хотела попробовать, я отговорил, слишком уж на поганки смахивало. Рифленные рукояти винтовок, несмотря на смазку, покрылись ржавчиной, которую мне было лень счищать. Я вообще оружие забросил, чистил и проверял раз в неделю, следил только,

чтобы патроны не отсырели и чтобы на самом плесень не поселилась.

И вот я проснулся оттого, что мне по голове барабанили зайцы.

— Дэв!

В дверях стояла Алиса. Взволнованная, в красной куртке, в воде почти по колено, рукава засучены, на голове повязка. Сабли на поясе не хватало, а в остальном очень ничего, видел такое в журнале, предводительница пиратов.

— Кажется, началось, — сказала она. — Давай, просыпайся. Пока дрых, все растаяло.

Я вступил в воду, она оказалась холодной, как полагается воде разлива.

— Поторапливайся, скоро совсем затопит, — прикрикнула Алиса.

Я стал поторапливаться.

Печка оказалась залита, и ботинки промокли, но я не стал привередничать, надел мокрые, что было неприятно, но не смертельно. Снял с люстры рюкзак, снял карабин, собрался, на это ушло минуты четыре. Вода действительно прибывала.

— Я уже погрузилась, — сказала Алиса. — Надо тащить Егора.

Отправились в комнату Егора.

Егора я, как оружие, подвесил к потолку. Соорудил люльку. Ну да, из холодильника. Два раза в день Егора приходилось доставать из колыбели и тащить в ванную, на помывку. Нагревали воду в ведрах, мыл я. Егор похудел, воды уходило немного, обездвиженный Егор тратил куда меньше припасов, чем ходячий. И ел немного, в основном жидкую пищу.

После помывки я заворачивал его в длинное полотенце и возвращал в комнату, где укладывал на стол, кутал в теплый плед из шерсти диковинного дикого верблюда. Алиса забиралась на стол и топталась по спине Егора, разминая пролежни и улучшая кровоток в позвоночнике, иногда Егор от этого мычал, чем вызывал беспокойство в Жуке.

Егор покачивался в обрезанном холодильнике, Жук стоял рядом, сторожил. Я примотал Егора ремнями к колыбели, после чего мы ухватились за ручки, заранее вырезанные в стенках, и перенесли Егора на плот. Я закрепил люльку в особых пазах и установил над ним палатку. Егор смотрел на меня не мигая.

Я принялся грузить припасы. Подсушенные, упакованные в пластиковые мешки дрова, питьевую воду в бутылках, консервы в ящиках. Алиса помогала. Вода прибывала быстро. Она доставала уже почти до колен, дом неприятно подрагивал, оставалось надеяться, что он не обрушится раньше.

На сборы понадобилось немного, через полчаса мы уже сидели на плоту и наблюдали за тем, как прибывает вода. С небывалой скоростью. Снега уже не было, хотя еще с вечера он лежал. Теперь вода и плывущие по ней снежные кучи. Сугробы в воде, такого еще не видел. Откуда столько много воды? Где-то на юге таял снег. Или шел дождь. Или разверзлись-таки хляби, кто его знает...

Потоп. Вода.

Она поднялась выше парашюта, окружила со всех сторон. Последний этаж, домик на крыше, здесь мы пережили зиму. Немного поволновался — боялся, что плот не удержится, но он не подвел. Я вдруг вспомнил про якорь. Каждый нормальный корабль должен иметь якорь, я про него не подумал, ну да ладно, пусть теперь. Без якоря поплывем.

Вода. Я думал — откуда столько? Где сразу взять такое количество воды, чтобы все залить? В горах много снега, он мог растаять. Или моря поднялись из глубин? А может, это не вода поднимается, может, это земля опускается? Город погружается в землю, а вода стекается с окрестностей...

Какая разница.

Плот шевельнулся и стал медленно поворачиваться. Отплываем. Егор замычал. Он редко подавал голос, во сне иногда завывал, и все.

Ну да, забыл. Я соскочил с плота и почти по пояс в воде вернулся в дом, в комнату Егора. На тумбочке стоял будильник Три дня назад я устроил над будильником небольшой шатер из старой люстры, и вода в будильник не проникла. Но он все равно не тикал, мне не удалось его починить, слишком руки неприспособленные, ничего не умею, только стрелять.

Плот уходил. Я успел запрыгнуть, нас понесло. Необычное чувство, у меня закружилась голова от мягкого уверенного движения.

Вокруг разливалась вода. Во все стороны, настоящее море, подобного я не видел никогда, не помогал даже бинокль, гладь от горизонта до горизонта. Кое-где над ней возвышались крыши, или целые здания, редкие одинокие острова. А скоро их останется и того меньше. Земля скоро размокнет и не сможет выдерживать тяжесть, высотки провалятся в жижу и на месте города установится равнина, и никто не вспомнит, что здесь лежал великий град, от которого остались одни только крыши.

Жук обошел плот вокруг и улегся на носу, рядом с моим креслом.

— И что дальше? — спросила Алиса. — Куда? Только не говори, что туда, я и сама про туда знаю.

Плот продолжал медленно поворачиваться вокруг центра. Я пробовал рулить веслом, только пока у меня не очень хорошо получалось, не было навыков в мореплавании, ничего, скоро появятся. Мы быстро учимся, поэтому и живы.

Смещались, кажется, к югу. К югу нам не надо, но ветра не было, обычно он начинался ближе к полудню, если мерить по солнцу.

Я ощущал себя не очень приятно. Из-за глубины. Под нами проплывали расплюснутые и раздавленные городские кварталы, дороги и улицы, и железные дороги, миллионы ржавых автомобилей, скелеты, человеческие и нечеловеческие на кладбищах и в своих квартирах, тоннели метро, как Верхнего, так и Нижнего, затопленные и еще нет, и много всего, старый мир. Оттого, что это все было далеко под ногами, я приходил в странное трепещущее состояние. А может, это от весны, от света, которого слишком много, от ветра, свежего и бодрого, выдувавшего из моих легких смрад и сырость зимы. Я чувствовал себя удивительно легко. Счастливо. Да, наверное, я был счастлив.

Потому что мы уплывали отсюда.

— Смотри! — указала Алиса в сторону юга. — Там... Непонятно...

Я повернулся и поглядел в бинокль. Непонятные предметы, они возвышались из воды черными звездами, нас медленно влекло к ним движением воды.

— Это ведь звезды, — сказала Алиса. — Звезды! Это Красная Крепость! Смотри!

Я смотрел. Звезды, да.

— Я думала, что это сказка! Что этого нет, такого же не могло существовать! А оно было! Есть еще, мы можем потрогать! Нас несет прямо на них...

Но мы не смогли дотронуться до звезд. Хотя были уже близки.

— Ветер... — Алиса поспешила палец, подняла его над головой. — Это ветер!

На мачте колыхнулся вымпел, взметнулся и вытянулся в сторону севера.

— Ну, вот и все, — улыбнулся я.

Я дернул за фал, поперечина на мачте развернулась. Я дернул за другой фал, и парус распустился. Квадратный, разноцветный, яркий. Синие, красные, пестрые пятна, белые, оранжевые и черные, и в крапинку. Я почувствовал гордость, мне почему-то очень понравилось, что парус сшила Алиса, сама, собственноручно.

Но это был не просто парус, в центре квадрата сверкала золотой нитью знак, привычный нам с детства. Птичья лапка, вписанная в круг.

— Зачем? — спросил я. — У нас ведь ничего не получилось...

Алиса пожала плечами, очень выразительно. Очень-очень. И вообще она хорошо выглядит, точно ничего страшного с ней не произошло. Как новенькая. За зиму отдохнула.

— А вдруг получилось? А?

— Но ведь мы не взорвали... кольцо не размокнуто, Установка работает...

Алиса снова пожала плечами.

— Мне надоело думать про это, — равнодушно отмахнулась Алиса. — Очень и очень надоело. И вообще я устала думать. А ты?

— Не знаю...

— И ты устал, — утвердительно и беззаботно сказала Алиса. — Ты тоже устал. Думать,

бегать, стрелять.

— Но ведь...

— Я не собираюсь с тобой спорить, — оборвала Алиса. — Я просто скажу одну вещь. Только одну. Ты послушаешь?

— Конечно.

— С чего ты взял, что мир можно спасти, всего лишь подорвав какую-то там бомбу?

Я не ответил.

— И не отвечай, — Алиса приложила палец мне к губам. — Хватит с нас. Мы... Мы еще сопляки — если по настоящим, человеческим меркам. Сопляки, щенки, а жить уже неохота... Ты на себя в зеркало смотрел?

— Смотрел. Ничего, все на месте...

Алиса рассмеялась.

— Все на месте... — передразнила она. — Да на тебе живого места нет! У тебя же лицо как сквозь дробилку прошло — ни сантиметра без шрама! Ухо оторвано, зубов нет. У тебя же волосы на голове не растут — все чем-то повыжжено! А те, что растут — они седые все. Ты же старик! А пуль сколько?!

Пули я не считал. Не так много, как в некоторых. И она сама, между прочим, тоже... Не без шрамов. Китайцы вылечили, скажем им спасибо, а если бы не вылечили?

— А пальцев сколько не хватает? Ты вообще сколько раз умирал?

Я промолчал. Не я один такой, все такие... Я еще ничего, нормально сохранился, других и не соберешь, косточек не осталось.

— Хватит с нас, — серьезно сказала Алиса. — Хватит. Все.

Строго.

— Я хочу пожить, — продолжала Алиса. — Хоть чуть, но по-человечески. Пусть другие дурью маются, а мы уплываем. Ясно?

Недобро прищурилась.

— Ясно. Просто я... Остальные как же? Те, что на Варшавской... другие? Как с ними быть?

— Не знаю. Не знаю и знать не хочу! Надеюсь, что у них хватило ума уйти.

Я тоже надеялся. Время, во всяком случае, у них оставалось.

— Хватит про других, — Алиса уселась под мачтой. — Надоели. Давай про нас.

— Что про нас? — не понял я.

— Как это что, понятно же. Приплывем. Вода спадет, и мы остановимся в каком-нибудь красивом месте, так ведь?

— Так, — я кивнул. — Наверное, так...

— На опушке леса, у светлой реки, на высоком холме. Построим дом. Я знаю, что ты не умеешь, ничего, научишься. Построим дом, Егор нам поможет, станет кирпичи таскать. Или бревна, посмотрим, как дело пойдет. В доме будет много комнат и никакого подвала, мне очень подвалы надоели, а тебе?

Я согласно кивнул. Тошнотворные подвалы. Подлестничные пространства. Чердаки, ямы, трубы. Надоело, Алиса права.

— Я ненавижу подвалы.

— Вот я и говорю. В нашем доме — никакого подвала. Большие окна, веранда, печка, на печке очень тепло спать...

— Огород разведем, — сказал я.

— Точно! Огород. Капусту. Морковку, ягоды какие. Я сети буду плести, в Рыбинске ведь все сети плетут, да?

— Я не из Рыбинска, — признался я, наверное, в пятисотый раз.

— Правда, что ли?

Я кивнул.

— А почему ты раньше не сказал? — кажется, Алиса, искренне удивилась. — А я тебя Рыбинском называю...

— Да я говорил, ты забыла просто. Я в Рыбинске никогда не был.
— Да... — Алиса хлопнула по коленкам. — Жаль... Там, наверное, хорошо. Булькнуло. Недалеко от нас вздулся пузырь, лопнул. Из тоннелей вырывался воздух.
— Пусть все-таки будет Рыбинск, — сказала Алиса. — Як нему уже привыкла. Рыбинск — земля надежды, богатая рыбой и вообще. Ты не против?
— Не. Я к Рыбинску тоже уже привык.
— Вот и хорошо. Я сети действительно плести умею, я их буду плести, а ты на рыбалку ходить.

Счастливая жизнь в Рыбинске. Нормально.
— А погань? — спросил я осторожно. — Она ведь, наверное...
— Перетонула. А если не перетонула, то... То поглядим. Чего нам бояться, ты же прекрасно стреляешь.

— Да.
— Вот и будешь стрелять. А я сети плести. Раз в пять лет к нам будут приходиться. Молодые, с горящими глазами, с твердой рукой. Идущие спасти мир. Мы станем кормить их пирогами с рыбой, рассказывать истории и показывать карты. Карты inferno.

— Ты их и детям покажешь.
— Что?
— Детям, да. Ты разве не хочешь детей?
Я как-то про это не думал, если честно. Мне казалось, что... Что жизнь закончилась. Не знал... То есть не думал. Дети. Это да...

— Все-таки дурак, — покачала головой Алиса.
Я натянул веревку, привязанную к кормовому веслу, устроился в кресле и повел плот на север. Не скажу, что плот умел хорошо плавать. Он неплохо держался на поверхности, но связанные кое-как бутылки слишком цеплялись за воду, не давали разогнаться. Но мы все равно продвигались, гораздо медленнее ветра, но продвигались.

Алиса вязала, Егор лежал в палатке и смотрел в потолок, под которым покачивалась пластиковая рыбка. Егор молчал и почти не мигал, совсем не шевелился, у него был сломан позвоночник. Я не знал наверняка, но признаки очень похожие — руки и ноги не шевелились, глаза не шевелились, общее одеревенение организма. Что делать с этим, я тоже не представлял. Рядом с Алисой уже не заживали царапины, надеяться на то, что она как-то повлияет на Егора в плане здоровья, нельзя, но это тоже ничего. Все будет в порядке. Мы отыщем врача. Нашего, китайского, еще какого, вряд ли они перевелись под корень. Кто-то ведь летает на самолетах? Значит, и лечить кто-то еще умеет. Починим Егора, станет бегать, станет прыгать.

Починим. Слона ему построим, дом в виде слона, с печкой, с разноцветной раскладушкой, Жуку будку устроим, все будет.

Я сидел в кресле на носу, рулил. Привязывал руль, занимался другими делами, проверял веревки, проверял бутылки, варил еду, разговаривал с Алисой.

Вода оставалась грязная, мутная, с обилием желтой взвеси, ее не пил даже Жук, приходилось фильтровать. Я ставил на фильтр двадцатилитровую бутылку, и на выходе получалась жидкость уже чуть менее мутная, я подзывал Жука, наливал ему в миску, Жук отворачивался. Тогда я заправлял воду в другой фильтр, более тонкой очистки, и получал воду уже прозрачную, сквозь которую можно было легко смотреть на солнце. Но и эту воду Жук не жаловал, и тогда я сливал ее в котел и кипятил, упаривая на треть. Эту воду Жук уже хлебал, даже не остывшую.

Вместе с нами несло мусор, по большей части непонятный и бесполезный, но встречались вещи вполне себе пригодные, я вылавливал их с помощью багра и втаскивал на борт. В основном деревянные обломки, мебель, ветки деревьев, я собирал всю эту дребедень и раскладывал на железных прутьях возле огня. Часто попадались выдры. Никогда не предполагал, что природа так богата выдрами, вот удивление, сотни выдр, по большей части дохлые, но встречались и живые. Они плыли на старых крышках, на островках мусора,

завидев плот, выдры устремлялись к нам и устраивались на сетках с бутылками, сушили шерсть. Если бы не Жук, я думаю, плот превратился бы в выдровую баржу, Жука выдры побаивались.

Пару раз попадались автомобили. Не думал, что они умеют плавать, но некоторые действительно не тонули. Держались, покачиваясь на плавных волнах, приближались к нам, руководствуясь законом всемирного притяжения. Я запрыгивал на них, проверял, не осталось ли горючего или других полезных вещей, но машины были пусты. Я отталкивал их багром, пробивал обшивку, и автомобили, выдохнув захваченный воздух, уходили на дно, нечего им тут болтаться, еще прицепятся.

И корабль.

Алиса крикнула, что призрак, я и сам так сначала подумал, черный вытянутый силуэт, он шагнул точно ниоткуда, наверное, всплыл, вознесенный тальми водами или издалека откуда пригнало, в разлив и не такое случается. Медленно переваливаясь с боку на бок, поворачиваясь вокруг центра, издавая протяжные скрипы. Алиса предложила приблизиться и осмотреть судно, вдруг там есть что полезное, я отказался и стал рулить от корабля подальше. Слишком опасно. Внутри все проржавело, провалишься куда-нибудь, изрежешься железом. Или ржавой пылью надышишься, легкие испортишь. Или... Да и нет там ничего. Все корабли давным-давно разобрали, даже проводку отодрали, ничего полезного.

Корабль долго держался за нами, иногда подходя слишком близко, нависая громадиной, перегораживая ветер. Нас неприятно тянуло к нему, мне это совершенно не нравилось, корабль выглядел... Мрачно. Наверное, мы все-таки прилипли бы к нему, но корабль-призрак лязгнул и остановился, скорее всего, зацепившись за одну из крыш. Видимо, пропорол днище, он стал захлебываться и тонуть, заваливаясь на бок и зарываясь носом. Воздух выдавливался водой из внутренних помещений, отчего корабль завыл, совсем как живое существо, наверное, так стонали раненые киты.

К нашей удаче ветер усилился, я поплотнее поймал его в парус, и скоро мы корабль уже не видели. Но слышали еще долго. Стоны, и вздохи, и другие движения души.

Город остался позади. Мы проплыли над Кольцевой, оставив позади крыши и острова городских холмов, миражами выступавшие на горизонте, теперь вокруг нас оставалась лишь водная гладь, от горизонта до горизонта. Приближался вечер, сумерки, самое опасное время для жизни. Но здесь было тихо. Я оглядывал простор и не видел ничего, кроме мусора и ранних звезд.

Мы сидели рядом, молча, смотрели на небо. Я держал руку Алисы в своей, ладонь у нее была маленькая и приятная. Звезд становилось все больше и больше, они мерцали как наверху, над головой, так и под ногами, муть, растворенная в воде, постепенно оседала, и звезды теперь в ней отражались, нас окружали звезды, не хотелось ни двигаться, ни говорить. Но Алиса сказала. И я ей ответил, и указал пальцем на комету, потом на луну, а потом рассказал.

Что Егор открыл способ питания воздухом. Очень, очень перспективное направление. Алиса сказала, что направление, безусловно, замечательное. И она знавала двух типов, которые увлекались этой системой, и оба потерпели на этом поприще суровый крах.

Выяснилось, что один питался совсем не воздухом, а втихаря, вдали от свидетельских глаз, употреблял сушеных жемчужниц, за что был побит людьми.

А второй, наоборот, держался честно, все тринадцать дней, а потом у него в мозгу что-то перекосилось, и сделался он дураком. Кроме того, от бесконечного проглатывания воздуха у него внутри завелись объемные газы, которые искали выхода, в результате чего этот человек стал не только дураком, но еще и изгоем, поскольку находиться с этим юношей в одном помещении было решительно невозможно.

— А я уже начал, — сказал я.

— Что начал? — спросила Алиса.

— Питаться. По системе воздушного насыщения. Уже два дня, и чувствую себя бодрым и целеустремленным.

Алиса засмеялась. Искренне, чисто, как серебро в золотой тазик капало.

Жук неловко выбрался из палатки, понюхал воду, подумал, лизнул, булькнул лапой. Задрал голову, уставился на луну, захлебнулся и неожиданно завыл. Если этот звук можно было так назвать. Тяжелый низкий рев, наверное, так могли бы петь коркодилы, если бы имели голос. Рев был гораздо больше самого волкера, я почувствовал, как побежали мурашки по коже Алисы, она сжала сильнее мою руку.

Жук ревел.

Это продолжалось долго, тянулось и тянулось, видимо, у Жука имелся мощный объем легких. Когда вода вокруг нашего плота затряслась от мелкой ряби, а у меня заболели глаза и зубы, Жук оборвал свою песню. И тогда, не выдержав тишины, с неба начали падать звезды.

Жук снова лизнул воду, фыркнул и стал жадно лакать.